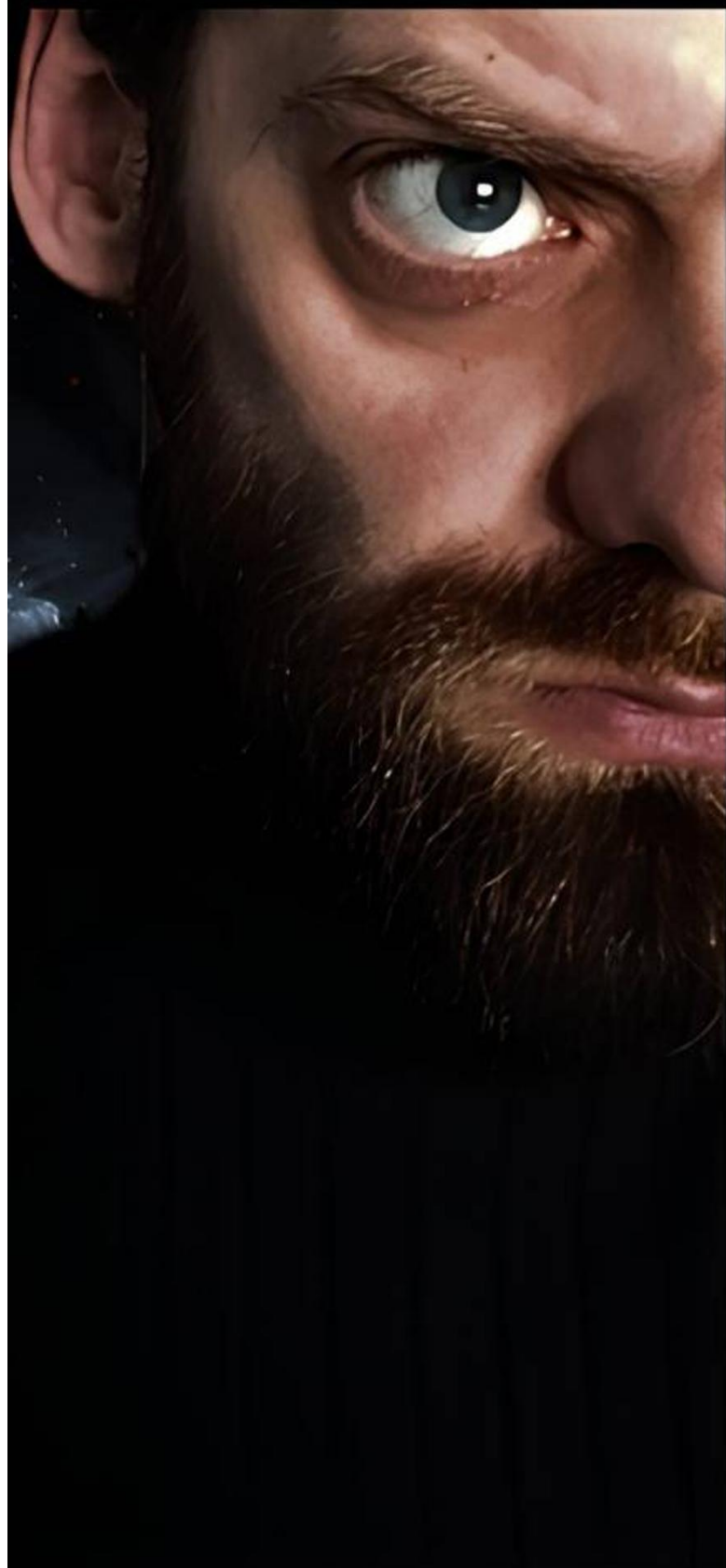

ДАНИЭЛЬ

ДУКАС

**БЕЗЫМЯННЫЕ МОГИЛЫ
ИСПОВЕДЬ ДИВЕРСАНТА
ПОЛЬША**

18+

Даниэль Дукас

**Безымянные могилы.
Исповедь диверсанта. Польша**

«Автор»

2026

Дукас Д.

Безымянные могилы. Исповедь диверсанта. Польша / Д. Дукас — «Автор», 2026

Третья часть из цикла исторических приключений двух диверсантов, действующих во время Второй мировой войны. На этот раз они в Польше за несколько месяцев до того, как отправиться в Италию. Двое диверсантов прибывают в Освенцим, чтобы выполнить задания по устранению приближенных Гитлера, но одержимые идеей освободить узников одного из концлагерей, они идут наперекор прямым приказам своей организации. Хуже того, один из них влюбляется и теряет голову... Пронзительная драма об истинной любви, дружбе и жертвенности во имя будущего.

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	17
ГЛАВА 3	23
ГЛАВА 4	32
ГЛАВА 5	49
ГЛАВА 6	61
ГЛАВА 7	71
ИНТРОСПЕКТИВА	85
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Даниэль Дукас
Безымянные могилы.
Исповедь диверсанта. Польша

«Надежда на обретение счастья в будущем обрывается в момент, когда взор устремляется в прошлое».

Даниэль Дукас

ГЛАВА 1

Нью-Йорк 1945 год

Удушливая жара спала, а вместе с ней снизилась и влажность воздуха, от которой одежда так и липла к телу. Привыкший с грудного возраста к сухому жаркому климату, мужчина свирепого вида и угрожающей комплекции неторопливо шагал по Таймс-сквер исподлобья разглядывая, пожалуй, одну из самых известных площадей в мире, города, который в течение следующих десяти лет обретет статус главного мегаполиса в мире, приютив под своим щедрым хлебосольным крылом множество деятелей изящных искусств из Европы и став мощным культурным центром, где у человека пытливого ума нет ни единого шанса захандрить от скуки. Писатели-романисты, музыканты активно развивающие такие направления, как джаз, фолк, а немногим позже, и рок-н-ролл, балетмейстеры из Советского Союза – все устремились навстречу новым свершениям и славе в финансовую столицу страны, считавшую себя полноправным участником и победителем в самой разрушительной войне в современной истории человечества. За годы скитаний по Европе мужчина повидал самые разные детища, как известных, так и не очень, представителей архитектуры. Становился он и свидетелем их бесславного заката, воочию наблюдая за тем, как многотонные колоссы из бетона и кирпича, иногда медленно, укрытые простыней беспощадного пламени, а иногда стремительно, в одно мгновение ока, обрушиваются наземь, оставив после себя лишь груды камней, надежно скрывавших тела несчастных и, в одночасье забытых, жертв войны. Здесь же, медленно оглядываясь вокруг себя, мужчина видел строения, возведенные под чутким руководством и неусыпным взглядом людей, имеющих тонкий и изысканный вкус. Здания эти привлекали внимание и приковывали к себе неискущенный взгляд мужчины, чьи пронзительные, источающие боль и ярость, голубые глаза, привыкли к разрушениям. Война обошла стороной это место и тем сильнее напоминало оно о том, чего в нем нет и никогда не будет – людей сознающих истинную цену, которую приходится платить за сохранение человеческой жизни. Мирное время может наступить где угодно, но только не в сердце того, кому пришлось сделать войну смыслом своей жизни, а искусство выживания ремеслом. Беспощадная тоска и беспросветное одиночество с новой силой навалились на мужчину, и он опустил голову, чтобы не видеть счастливых лиц прохожих, среди которых не было тех единственных, чье отсутствие разрывало метущееся сердце, лишь изредка поднимая взгляд от тротуара, чтобы ознакомиться с пестрыми вывесками бакалейных магазинов, питейных заведений, кегельбанов, бильярдных и небольших уютных кинотеатров в поисках того, где можно было бы забыться. Последний раз мужчина смотрел кинофильм в самом начале войны на юге Франции, в том самом месте, откуда он несколькими часами ранее прибыл в Америку. Это была черно-белая картина тысяча девятьсот тридцать третьего года об, исполинских размеров, обезьяне, терроризировавшей город Нью-Йорк. Если бы только все сложилось иначе, сейчас он мог бы наслаждаться видами, показанными в том фильме, в компании людей, с которыми он его смотрел. Все трое могли бы держаться за руки и вращать головами, рискуя свернуть себе шеи, поглощать мороженое и шоколадные батончики и запивать их кока-колой из вспотевших ледяных бутылочек. Будь они все вместе, ни за что не упустили бы возможность отпраздновать приход мира, за который так отчаянно боролись плечом к плечу, и бесславную гибель нацистов. Это могло бы быть славное время полное гедонизма, любви, плотских утех и хорошего спиртного. Наверное, сложись все иначе, в конечном итоге это могло бы привести к тому, что жизнь стала бы такой, как это было в его сне, о котором он рассказал своему напарнику в один из их последних дней в Хорватии. Терзаемый чувством вины, ясным умом философа и трезвостью, мужчина вошел в бар, предлагавший широкий выбор напитков. На его фасаде было натянуто полотно со старательно выведенными словами – «Мы победили».

Как глупо и до тошноты самонадеянно. Не познавшие и толики тех лишений, что пришлось на долю Европы и Советского Союза, считали себя одними из тех, кто приложил достаточные усилия для того, чтобы без зазрения совести заявлять подобное. Приложив руку к спасению не одной сотни людей за минувшие на войне годы и потеряв все, что когда-либо представляло для него истинную ценность в жизни, мужчина не считал себя победителем. Он, по его глубокому убеждению, был убийцей тех, кто заслуживал смерти. Не самый эффективный и действенный бальзам для убитого горем. Тем не менее, даже не закрывая глаз, он мог с легкостью припомнить каждого, кому когда-либо вспорол брюхо, вскрыл глотку или отрезал ту или иную часть тела, и эти воспоминания приносили ему жестокое, мстительное удовлетворение, словно в качестве оплаты за то, чего он лишился. Если бы только у него был такой шанс, он бы снова убил каждого из этих паршивых ублюдков, а уж когда попадет в ад и встретится с ними снова, точно не упустит такой дивной возможности.

Войдя в бар, мужчина уже знал, что вскоре двери снова откроются и вслед за ним войдет человек, следовавший за ним всю дорогу до этого места. Ему было плевать. Он знал кто этот человек и для чего послан сопровождать его. Телохранитель для всякого, кто может прийти не по вкусу диверсantu, чьи руки так и чешутся, и пылают желанием омыть себя новыми порциями крови. Бар своим богатым и со вкусом обставленным интерьером больше походил на ресторан, чем на место, где заблудшая душа может спокойно набраться и отрубиться за столом, не вызвав при этом осуждения остальных гостей. Заказав у бармена бутылку виски, мужчина направился в дальний угол обширного помещения, откуда было видно парадный и черный вход, а также, вход в туалетную комнату. Не успел он устроиться, как молоденькая официантка уже услужливо поставила перед ним бутылку бурбона и стакан со льдом, которого мужчина отродясь не видел в напитках. Поворочав стакан в руке и понаблюдав за тем, как аккуратные кубики льда бьются о толстое стекло, мужчина отвинтил крышку с бутылки и наполнил стакан до половины. Опорожнив его одним махом, наполнил снова и откинулся на спинку небольшого углового диванчика, потертого множеством прежних посетителей. После сытного обеда у Миллера, есть не хотелось, да и едва ли на маленьком квадратном столике смогла бы уместиться тарелка с горячим. Снова опорожнив стакан и налив себе очередную порцию, мужчина ощутил, как горло начало жечь и першить. Найдя взглядом официантку, он качнул головой в свою сторону, и та резко направилась к нему. Попросив ее принести бутылку кока-колы, дабы смягчить терпкое послевкусие спиртного, он уставился на открывшуюся входную дверь. Непринужденной походкой в бар вошел мужчина и как-бы невзначай скользнул взглядом по всем его гостям на секунду задержав его на мужчине, сидевшем в одиночестве в дальнем углу. На лице вошедшего читалось робкое смущение от задачи, которая была поставлена перед ним. На вид лет сорок. Проседь в черных, как смоль волосах добавляла солидности холеному облику. Над верхней губой тщательно постриженные, тонкие усики. Разведчик местного разлива. Мужчина беззастенчиво следил за ним и в глазах пришельца поселилась растерянность. «Интересно, что Мюллер рассказал ему обо мне, что он вот-вот от напряжения в штаны наложит? – подумал мужчина, равнодушно глядя на своего сопровождающего и приканчивая очередную порцию янтарного напитка». Ощувив, как, хорошо знакомая ему по годам спасительного пьянства на войне, уютная волна тепла разлилась по всему телу, мужчина обвел безразличным взглядом других посетителей. Под сенью желтоватого, создающего расслабляющую атмосферу, света ламп, которыми тут и там был утыкан весь потолок, отдыхали не более дюжины человек, рассредоточившихся по разным углам. Через два столика от мужчины, непринужденно о чем-то болтая, сидела парочка. Молодой светловолосый парень в отутуженной, однотонной, синей форме береговой охраны и девушка. Последняя сидела к мужчине спиной. Русые волосы знакомым каскадом спускались по худой спине, достигая почти самой талии. У мужчины перехватило дыхание. Ему захотелось, чтобы девушка повернулась к нему лицом, но та увлеченно слушала рассказ своего избранника о героических свершениях

того в тихом океане. Достигнув апогея начавшейся со спокойных тонов истории и раскрасневшись от пламенной речи, призванной покорить сердце впечатлительной юной особы, парень едва не расстался со своей фуражкой. Сняв ее с головы и положив на стол, он продолжил вещать хвалебные оды великим победителям, то и дело, иллюстрируя свои слова широкими взмахами рук. Мужчина в отвращении скривил губы и вернулся к своей первоначальной цели – напиться до состояния полного забвения. Больше двух лет миновало с тех пор, как он видел ее в последний раз, но стоило ему заметить светлую голову женщины в толпе, как сердце ухало вниз, пропуская очередной удар. Ни до, ни после, он ни к кому не питал столь нежной, полнокровной и невинной любви. Мужчина вспомнил, как единственный раз за все годы, проведенные на войне, в голове у него промелькнула мысль бежать прочь вместе с той, что пробудила в нем эти сокрушительные чувства. Невинный взгляд чистых, бледно-голубых глаз, смотревших на него снизу-вверх и выражавших искреннюю жажду принадлежать только ему одному, до сих пор преследовал его по ночам и в моменты, когда он прикладывался к бутылке. Ничьи прикосновения, ничьи ласки, ничья буйная похоть, не могли затмить простых касаний рук и неумелых поцелуев губ той, что ночи напролет, позабыв о сне и усталости, гуляла с ним при свете бледной луны, крепко вцепившись в него своей ладошкой и жадно прижимаясь к нему, повинувшись зову непорочного девичьего сердца.

Будучи привыкшим пить конские дозы неразбавленного спиртного, мужчина внезапно для себя обнаружил, что бутылка виски опустела на две трети, маленькая бутылочка кока-колы вовсе пуста, а лед в стакане давно растаял. Видимо официантка посматривала на него время от времени, уделяя необычного вида гостю больше внимания, чем остальным, потому как, словно привидение, возникла рядом с его столиком с новой бутылочкой газировки и ведерком льда, откуда щипцами выудила четыре кубика и опустила их в стакан. Улыбнувшись и слегка зардевшись, девушка спешно вернулась к своей вахте у барной стойки, продолжая поглядывать в дальний угол бара чаще, чем это могло бы остаться незамеченным. Немного поразмыслив и оценив свои эмоции, мужчина понял, что наступление мирного времени ничего не изменило в том, как он был устроен глубоко внутри. Непреходящая печаль затачивала ощущение одиночества до остроты бритвенного лезвия, которое день ото дня ранило его, стоило его мыслям проявить беспечность и пуститься в самоволку. Лекарствами, приносящими временное облегчение, для него являлись секс, выпивка и чужая кровь на его руках. Неплохая комбинация, чье воздействие на воспаленное самосознание обречено на успех, ибо приносит спасительное забытие в виде яркого коктейля из гормонов.

Мужчина влил в себя остатки жгучего напитка, отдающего терпким послевкусием дыма и коры дуба, и взглянул на официантку. Та немедленно направилась к нему легкой походкой лани. Форма хорошо сидела на ней, подчеркивая приятную глазу худобу сильного, молодого тела. Такие не знают усталости даже, если ночь напролет развлекаются, а утром с будильником встают на работу. На их стороне неутомимость молодости и генетика сильного, закаленного великой депрессией, поколения. Девушка приблизилась и улыбнулась одними губами. Каштановые волосы собраны в хвост, свежее лицо. По глазам сразу было заметно, что девушка не испорчена и не избалована, привычна к труду и знает цену деньгам, зарабатывая их на ногах. Наверняка, она не с Манхэттена. Из таких получают преданные и заботливые жены на зависть другим.

– Как твое имя? – севшим от спиртного голосом, спросил мужчина.

– Дейзи.

Зрачки девушки чуть расширились. Это могло значить лишь одно – волнение.

– Необычное имя для столь прогрессивного города.

– Я из Нью-Джерси.

Мужчина ухмыльнулся верности собственной догадки.

– Как ты смотришь на то, чтобы провести со мной этот вечер, Дейзи?

Мужчина смотрел девушке прямо в глаза, оценивая ее реакцию. В глазах промелькнуло желание, омраченное, впрочем, мыслью, которую она не замедлила озвучить.

- Я бы с радостью, но бар закрывается только в одиннадцать.
- У тебя есть сменщица?
- Да, но у нее выходной сегодня.
- Далеко она живет от этого места?
- В паре минут ходьбы. На самом деле мы с ней вдвоем снимаем квартиру.

Мужчина понимающе кивнул и бросил взгляд на соседний столик, где парень, что, едва ли не собственными руками пристрелил Гитлера, продолжал разводить свою фальшивую театральщину, от которой стошнило бы даже самого прожженного агитатора на службе федеральной радиовещательной станции. Ему и в голову не могло прийти, что уже через минуту его жалкая попытка произвести впечатление на девушку, обернется двумя выбитыми из верхнего зубного ряда премолярами и, как и полагается всякой пародии на мужчину, он, в конечном итоге получит свое, но, лишь в качестве утешительного приза от той, которой суждено встретить настоящего мужчину только на страницах дешевых бульварных романов.

– Дейзи, я сейчас встану и вырублю этот граммофон, – мужчина кивнул на соседний столик, – а ты сошлешься владельцу на то, что тебе стало дурно от вида крови и уйдешь. Договорились?

Подобная прямолинейность от мрачного вида представителя мужского пола, на чьем лице и мускулистых, испещренных венами, предплечьях красовались загадочного происхождения келоидные рубцы, может возыметь два противоположных друг другу эффекта на юную барышню. Первый – она похолодеет от страха, решив, что перед ней маньяк и поспешит удалиться. Второй – проникнется простой и незамысловатой решительностью романтично настроенного дикаря и, не сможет отвести глаз от представления, которое вот-вот разыграется. Проще говоря, ей станет любопытно провести время с человеком, столь неординарно подошедшим к приглашению на свидание. Глупость, конечно, но любопытство – базовая черта обезьян, а люди недалеко ушли от своих предков.

Так оно и случилось.

– Хорошо, – закусив губу ответила девушка и поспешила уйти, чтобы занять выгодный наблюдательный пост.

Мужчина глянул в зеркало, расположенное по ту сторону барной стойки и поймал взгляд своего следопыта. Лукаво подмигнув ему, встал и подошел к столу парочки. Девушка, некоторое время назад обратившая на себя его внимание, оказалась дурнушкой с далеко посаженными друг от друга глазами и выражением в них круглой идиотки, готовой поверить даже в то, что у общества действительно была необходимость интернировать американских японцев в лагеря не для того, чтобы поднять вялый боевой дух не задетой войной страны обиженной на потомков самураев за бесчестный налет на Перл-Харбор без предупреждения, а для того, чтобы исключить возможность внутреннего террора с помощью протухшей рыбы в японских ресторанах и плохо прошитых швов на одежде. Вспоминаются немцы, которые жаловались на холод русских земель и нечестных бойцов красной армии, ведущих бой даже ночью, когда всякому достойному арийцу полагается восстанавливать силы.

– Где говоришь ты воевал, парень?

Застигнутый врасплох прямым вопросом и устрашающим видом задавшего его, парень забегал глазами и пару раз заикнулся прежде, чем выдать натянуто гордым тоном ответ.

– В береговой охране.

– О, не знал, что береговая охрана участвует в войне, – саркастично заметил мужчина.

– Нет, но мы находимся на службе, охраняя вверенные нам территории, – более твердым голосом ответил парень, словно убеждая самого себя в том, что он внес поистине достойный вклад в исход войны.

– И где же ты служил? Часом не здесь на Лонг-Айленде?

– Так точно.

На этих словах парнишка, ровесник мужчины, возвышавшегося над ним, совсем осмелел, задрал подбородок и выпятив нижнюю челюсть. Похоже, гормоны ударили в голову. К сожалению, подобная низменная и жалкая погрешность сквозит в поведении слишком многих мальчиков, как нежного, так и зрелого возраста. Когда за ними наблюдает женщина, они совершают глупости, напрочь позабыв о здравом смысле и хрупкости своих тел.

– А ты, случайно, не был одним из тех дебилов, которые позволили немецким диверсантам приплыть к берегу на подводной лодке и высадиться прямо на пляже летом сорок второго?

Мужчина доподлинно помнил, как его с напарником развлекал этой историей один из связных. Нацисты приплыли на пляж на резиновой лодке и закопали свою форму в песок, прямо там переодевшись в гражданское. Подоспевший патрульный береговой охраны охотно поверил в наскоро состряпанную байку о рыбаках, севших на мель и отпустил хорошо подготовленных и основательно оснащенных диверсантов, не сообщив ни в ФБР, ни даже в полицию. И лишь спустя неделю, когда один из участников операции по фамилии Даш – чистокровный немец, всю жизнь проживший в США – позвонил напрямую в Бюро, дабы сдать. Его пригласили в офис, выслушали и едва не выставили на улицу, решив, что он психопат. Но тот предоставил неопровержимые подтверждения своих слов и только тогда его взяли под стражу. Уже тогда стало ясно, кто во всей этой истории настоящие психи и просто некомпетентные идиоты: сам Гувер, глава и основатель ФБР, всю жизнь старательно собиравший компромат на политиков высшего ранга и известных влиятельных личностей, и деятелей культуры, дабы иметь рычаги давления в случае, если его пожелают сместить и, разумеется, Рузвельт, интернировавший более ста тысяч японцев, большая часть из которых имела американское гражданство, вместо того, чтобы еще в начале войны отдать приказ вести активную слежку за подданными страны-агрессора проживающими на территории США.

Парень мгновенно растерялся от вопроса на тему, которая была строго засекречена и вместо того, чтобы развести руками и заявить, что он понятия не имеет, о чем идет речь, он проявил неосмотрительность присущую мальчикам, одурманенным пристальным женским вниманием. Вскочив со стула и опрокинув его на пол, он вытаращил глаза на того, кто посмел унизить его в присутствии дамы.

– А ну, повтори что ты только что сказал, ублюдок! – прошипел он. – Кого ты назвал...

Озвучить какое именно слово задело его тонкую душевную структуру, он не успел. Каменный, покрытый шрамами и мозолями, кулак врезался в его верхнюю челюсть. Парень рухнул на дубовый паркетный пол, как подкошенное дерево, а рядом с ним с печальным стуком упали два его премоляра. Изо рта обильно полилась кровь, образуя темную лужицу. Не обращая внимания на оханье спутницы поверженного, мужчина подошел к барной стойке и заказал себе порцию виски.

– Я не обслуживаю рвань, вроде тебя, – ощерился владелец бара и по совместительству внушительного живота. – Расплатись по счету и проваливай.

Мужчина едва не расхохотался столь опрометчивой и отважной реплике.

– Для своих свинских габаритов, ты слишком смел, боров. Налей, а не то и твоя туша украсит пол.

С налившимися кровью глазами, бармен полез под барную стойку, но гость, дотеле сидевший тихо, почти незаметно, тренированным движением выхватил из-за пояса пистолет и направил его тому в лицо.

– Делай, что тебе говорят, – полушепотом произнес он.

С покрасневшим от злобы лицом бармен повиновался, после чего, поспешил на помощь девушке приводившей в чувства своего морячка.

– А я уж было подумал, что Миллер поставил следить за мной слюнтя.

– Из-под его руки такие не выходят, вы это прекрасно знаете. А, кстати, почему вы так решили?

Мужчина сделал глоток и посмотрел на своего собеседника.

– Слишком у тебя ухоженный вид.

– Это маскировка, – с тенью улыбки прозвучал беззлобный ответ. – Кроме того, вы просто не успели привыкнуть к городским джунглям. Здесь необходимо сливаться с толпой, а не с ландшафтом.

– Может ты и прав.

Допив напиток, мужчина, глядя на официантку, качнул головой в сторону двери. Та коротко кивнула в ответ, и он вышел на улицу.

***

Десятью минутами позднее из заведения вышла девушка по имени Дейзи. Свободного покроя хлопчатобумажное платье шоколадного оттенка выгодно сочеталось с цветом ее волос, свободно рассыпанных теперь по плечам. В руке была сумочка, в которой мог бы свободно уместиться весь полевой набор диверсанта на службе. Мужчина, до тех пор стоявший привалившись к столбу и разглядывая окружающие площадь здания, тянущиеся к небу, обернулся на звук открываемой двери и слабо улыбнулся своей компании. На лице девушки читались некоторое напряжение и смущение от того, что стало причиной ее раннего ухода с работы в этот день.

– Все в порядке? – спросил мужчина.

– Да. Я позвонила Нэнси из бара. Она сказала, что придет в течение часа.

Девушка нервно мяла пальцами ткань своей сумочки.

– Вот и славно. Чем хочешь заняться, Дейзи?

– Не знаю. Может стоит перекусить? Ты там выпил целую бутылку. Хотя выглядишь совершенно трезвым.

Девушка с сомнением посмотрела ему в глаза. На алкоголика со стажем он не был похож, но вместе с тем и не подавал ни единого признака алкогольной интоксикации.

– Если только ты составишь мне компанию, тогда можем пойти пообедать.

– Я с удовольствием!

Лицо девушки озарилось лучезарной улыбкой и у мужчины сразу потеплело на душе. «Бедняжка, – подумал он, – наверняка, подобная работа отнимает у нее уйму сил. Да и босс ее похож на того, кто скорее себе не откажет в обеде, нежели позволит девочкам отлучиться чтобы подкрепиться».

– Показывай дорогу. Я в этих краях впервые.

Мужчина согнул руку в локте, и девушка охотно приняла его приглашение обвив ее своей рукой. Так, они молча и не спеша шли по Сорок седьмой улице. Мужчина чувствовал, как рука девушки слегка подрагивает от охватившего ее волнения. В отличие от него, она смотрела себе под ноги, изредка поднимая глаза на своего спутника и тот неизменно ловил ее взгляд, чтобы мягко улыбнувшись ей, дать понять, что не представляет для нее угрозы. Сам же он, повинаясь укоренившейся в сознании привычке, поглядывал на людей, проходящих мимо, машинально оценивая положение их рук и физическую форму. Таймс-сквер пестрела афишами и вывесками, привлекающими народ в те или иные заведения, где предлагался самый разнообразный спектр развлечений. На город постепенно опускались сумерки и всюду начали зажигаться осветительные фонари и яркие, цветные огни в витринах магазинов. Таймс-сквер с ее обилием торговых и развлекательных площадей не желала отпустить внимание потенциальных клиентов, привлекая его всеми доступными способами. Тут и там появлялись молодые люди с листовками в руках, кричащие заученные на зубок речевки с рекламой товаров и услуг. Из приоткрытых дверей доносились звуки музыки и хохот посетителей. Жизнь здесь была ключом и казалось никто не намерен менять ее драгоценные часы на сон. «Единственное сходство с

годами, проведенными на войне, – подумал мужчина и сглотнул подступивший к горлу ком». Когда они достигли седьмой авеню, девушка решительно изменила направление и указала ему на небольшой ресторанчик на углу, из окон которого на улицу проливался мягкий, желтоватый свет. Внутри сидели преимущественно семейные пары, некоторые с детьми, в кабинках, отделенных друг от друга высокими спинками красных кожаных диванов. Мужчина кивнул девушке в знак одобрения, и они направились внутрь. Перед входом прямо на тротуаре располагалась небольшая лавка под матерчатым навесом. Ее владелец предлагал приобрести у него разнообразную печатную продукцию. Взгляд мужчины привлекли пестрые цвета тонких книжиц. Подойдя ближе, он рассмотрел одну из них. На обложке значилось – «Капитан Америка», а прямо под названием художник изобразил неестественно мускулистого мужчину, одетого в костюм на мотив американского флага. «Капитан Америка» бил Гитлера по лицу одной рукой, а на другую был надет щит с изображением все того же звездно-полосатого. Лицо диверсанта помрачнело и приобрело серый цвет.

– Желаете приобрести, сэр? – встрепенулся торговец. – Самый популярный выпуск! Всего десять центов!

– Что это? – обратился мужчина к девушке.

– Ты никогда не слышал о комиксах? – искренне удивилась та.

– Нет.

– Это часть американской культуры.

Брови мужчины удивленно поползли вверх.

– Это, вроде как, для поднятия боевого духа, – попыталась объяснить девушка.

– Но ведь это неправда.

– Конечно, неправда. Но такие вот истории помогают людям сохранять веру в спасителя и светлое будущее.

Кивая головой, торговец охотно поддержал девушку желтозубой улыбкой.

– В таком случае, вам стоит начать продавать библию. Там главный герой хотя бы выглядит как мужчина.

На этих словах диверсант решительно увлек девушку за собой.

Небольшой ресторанчик, в который их привела Дейзи, предлагал незамысловатые блюда домашней кухни, а также, кофе и разнообразные соки. Спиртное не подавали. Заказав два блюда дня и кувшин апельсинового сока, мужчина с любопытством рассматривал свою спутницу. Та отвечала ему не менее исследующим взглядом.

– Что тебя так разозлило?

– Не люблю, когда кто-то приписывает себе подвиги, которых не совершал.

– Что ж, теперь мне ясно почему ты накинулся на того парня в баре. А ведь я поначалу подумала, что ты псих, хоть ты и не похож на такого.

– На кого же я похож, по-твоему?

– По глазам видно, что ты трезво оцениваешь обстановку вокруг себя, хотя и слишком предвзято, как мне кажется. Как будто считаешь своим личным долгом восстановить справедливость.

– Как вышло, что столь проницательная особа работает официанткой?

– Мне нужно платить за учебу, – пожав плечами, ответила девушка.

– Что ты изучаешь?

– Финансы. Сейчас это одно из самых перспективных направлений. Нью-Йорк разрастается ударными темпами и бухгалтеры на хорошем счету. Если повезет, то по окончании курсов, смогу устроиться на службу в крупную строительную фирму.

Мужчина шумно выдохнул на мгновение провалившись в глубокую яму из болезненных воспоминаний. По лицу его пробежала едва заметная тень некогда возвышавшихся над ним душевных мук.

– Все в порядке? – спросила, озадаченная такой необычной реакцией, девушка.

– Да, все хорошо. Извини меня, я на минутку.

Мужчина встал и направился к стойке, по ту сторону которой располагалась открытая взорам присутствующих кухня. Еще на входе он заприметил характерный блеск в глазах шеф-повара и попросил официантку подзвать его.

– Что-то не так, сэр?

– Хочу лишь попросить добавить мне в блюдо один особенный ингредиент, – обезоруживающе улыбнувшись, ответил он розовощекой женщине средних лет.

– В чем дело, приятель? – по-доброму, поинтересовался подоспевший громила, на ходу вытирая руки о фартук.

«В этой стране что, все повара поперек себя шире? – задался мужчина вопросом, не в силах оторвать глаз от шеи немислимой ширины».

– Я буду вам очень признателен, если вы сделаете мне кофе и плеснете в него нечто покрепче сливок, – многозначительным тоном произнес он, извлекая из кармана джинсов доллар и незаметно протянув его повару.

– Паршивый день?

– И неделя. И год. И вся жизнь, будь она проклята.

Здоровяк обвел его понимающим взглядом, обратив особое внимание на шрамы на руках.

– И я там был, малыш.

Здрав рукав футболки, мужчина показал увечное плечо. Передняя дельтовидная мышца практически полностью отсутствовала и была покрыта рябью тонкой, глянцевой кожицы. Ожог четвертой степени.

– Оглушило взрывом, когда я стоял за орудием. Рухнул прямо на него. Раскаленный металл спалил мне плечо чуть ли не до костей.

– Хэнк, – с мягким укором попросила, неизвестно откуда возникшая рядом, официантка.

– Извини, Молли.

Поспешно спрятав рану, мужчина отстранил руку с купюрой.

– Это моя жена, – указал он на официантку, снова занявшуюся своими делами. – Она принесет тебе самый лучший кофе на свете.

Вернувшись за стол, мужчина улыбнулся девушке. Этот короткий, мимолетный разговор с бывшим солдатом, понявшим его терзания практически без слов, согрел его душу. Хорошо, когда удается перекинуться парой слов с тем, кто и без них способен тебя понять. Такие вот приятные, кажущиеся незначительными, моменты, могут насытить красками даже самый мрачный день.

– Ты что-то еще заказал?

– Только кофе.

– В Америке совсем необязательно идти с этим лично к повару, – усмехнулась девушка, – можно сделать заказ официантке.

– Я попросил особенный кофе.

Девушка прищурилась и в миг разгадала ход его мыслей.

– Ты мог бы и мне сказать о том, что хочешь выпить. Я прихватила с собой бутылку с работы, – лукаво улыбнувшись, сообщила она.

– Надо же, а ты не промах.

– А ты думал, девушки не пьют? Мы тоже люди, между прочим. К тому же, завтра у меня выходной и я могу позволить себе выпить.

Вскоре подошла официантка и поставила перед ними две больших тарелки с увесистыми стейками, зеленым горошком, кукурузой и картофельным пюре, кувшин охлажденного сока и два высоких стакана.

– Мне наказали сначала накормить вас и только потом подать кофе, – улыбнувшись сообщила она.

– Передайте супругу, что я польщен столь заботливым отношением, – ответил улыбкой, произнес мужчина.

– Ты так легко и непринужденно находишь общий язык с людьми. И не скажешь, что еще час назад вытряс душу из бедолаги, по щелчку пальцев выйдя из себя.

– У меня богатый опыт. Приходилось много общаться с людьми в стрессовых ситуациях.

– Чем ты занимался? – жадно поглощая отбивную, спросила девушка.

– Налаживал тесные контакты в спорных ситуациях в Европе.

– Но ведь по Европе прокатилась война.

– Да ну?! А я-то думал, откуда столько людей в форме на улицах, – театрально удивившись, воскликнул мужчина.

– Ты надо мной смеешься, – надула губки девушка. – Чем ты на самом деле занимался?

– В мои задачи входило решать масштабные проблемы обходными путями, – уклончиво ответил мужчина и набил рот пищей, чтобы не пришлось отвечать на другие вопросы.

Как и обещала, официантка принесла кофе, как только с ужином было покончено.

– Вам понравилось?

– Еда божественна! – искренне оценил мужчина. – Я уже много лет не ел ничего подобного.

– Спасибо! Я передам ваши слова мужу.

Собрав со стола пустые тарелки, она поспешила оставить пару молодых людей. Мужчина сделал внушительный глоток и горло обожгла горячая, горькая жидкость. Казалось, кофе приготовили, используя вместо жидкости чистый бурбон.

– И как тебе?

– По-моему, этим кофе можно заправлять самолет.

Расплачиваясь по счету, мужчина оставил щедрые чаевые и сердечно кивнул повару на прощание. В ответ тот показал ему кулак размером с грейпфрут, как бы говоря – Держись, парень, прорвемся.

***

Дейзи предложила прогуляться по центральному парку, завлекаясь сообщив, что это один из крупнейших парков в Штатах, настоящее культурное достояние, и, попав туда, можно в миг забыть о суматохе городской жизни. Девушка добавила, что хорошо бы прогуляться там при свете дня, чтобы не упустить ничего, на что стоило бы посмотреть впервые побывав там, и не наткнуться на какого-нибудь пьяного бродягу, но обоим хотелось скрыться от глаз посторонних и побеседовать в интимной обстановке, а озвученный девушкой риск встретить нежелательную компанию только позабыл диверсанта. Поймав такси, они преодолели расстояние до парка по Седьмой авеню и вышли на Западной улице, являвшейся одной из его границ.

Парк, имеющий общую площадь в три с половиной квадратных километра, был изрезан дорожками и тропинками, замысловато петляющими между деревьев и тщательно стриженных кустов, спускающимися в низины к водоемам и поднимающимся в небольшие холмики. Фонарные столбы освещали лишь широкие прогулочные аллеи и проезжую часть, предусмотренную для проезда парка насквозь, чтобы, тем самым сэкономить время вечно спешащим горожанам. Остальная территория освещалась скуными отголосками лучей мутного желтоватого света. Дейзи крепко схватила мужчину за руку и решительно повела его в направлении густо насаженных деревьев, где царил зыбкая тьма. Удобно устроившись на скамейке, позади которой возвышалась каменная глыба, очевидно, как и многие другие подобные ей, возложенная с целью, как можно более явственно осуществить единение с естественной природой, девушка тут же запустила руку в, необъятных размеров, сумочку и извлекла оттуда бутылку виски и несколько бутылочек кока-колы. Поддавшись влиянию выучки, мужчина осмотрелся,

цепко вглядываясь в густую темноту и не найдя поводов для беспокойства, присел рядом с девушкой. Неподалеку фонари аллеи выхватили фигуру мужчины в классическом костюме, усталой походкой проходящего мимо. Искося взглянув на парочку, он продолжил свой путь. Приложившись к горлышку бутылки, Дейзи передала мужчине спиртное и поспешила запить газировкой. Повторив ее ритуал, он поставил обе бутылки между ними и расслабившись откинулся на спинку скамьи. Казалось, удавка на шее немного ослабла, но он знал, что это временно и, стоит ему остаться наедине со своими мыслями, как те с новыми силами вцепятся ему в горло. Тем не менее, сейчас у него была дивная возможность выпить в обществе симпатичной девушки, у которой, кажется, было все в порядке с ментальными ориентирами, и он не собирался упускать этот шанс.

– Знаешь, – первой нарушила девушка тишину, озорно поглядывая на мужчину, – ты ведь так и не назвал мне свое имя. И что-то мне подсказывает, что ты и не сделал бы этого, не спроси я сейчас.

– Почему ты так решила?

– Ты выглядишь так, будто выскочил из преисподней. На всех окружающих волком смотришь. Далек от современной культуры и, вообще, кажется не знаком с городской жизнью. Уж не знаю, чем ты там занимался в Европе, но ты либо прямиком из самой захолустной деревни, где тебе приходилось сражаться с дикими животными, либо только что вернулся с войны.

– И, по-твоему, это дает мне повод умалчивать мое имя?

– Может ты разведчик или шпион, откуда мне знать?

Девушка потешно развела руками и сделала глоток виски. Горечь крепкого напитка отразилась на ее лице, и она мило сморщила аккуратный, слегка вздернутый носик. С трудом оторвав взгляд от ее лица, мужчина взял протянутую ему бутылку и неспешно сделал объемистый глоток. Подождав пока он закончит, девушка, взмахнув густой шевелюрой, повернулась к нему, согнув одну ногу в колене и положив ее на скамью, тщательно укрывшись полами платья. Взгляд ее выражал игривость и нетерпение.

– Ты очень внимательна к деталям, Дейзи. Из тебя выйдет отменный бухгалтер.

Наподобие актрисы театра вышедшей к своим зрителям по окончании постановки, девушка низко склонила голову и резко подняла ее, осыпав лицо густыми прядями волос. Блеск в глазах и широкая белоснежная улыбка говорили о том, что спиртное ударило ей в голову.

– Это все, что ты скажешь? – наигранно печальным голосом спросила она, сдвинув брови.

– Скажу еще, что ты очаровательна.

Мужчина искренне наслаждался их скромной словесной баталией. Ему доставляло неподдельное удовольствие невинно и безобидно подзуживать девушку, подарившую ему этот вечер.

– Спасибо.

На щеках девушки проступил румянец, а улыбка из озорной превратилась в смущенную. Похоже, ее не столь часто баловали комплиментами. А может прежде никто не выражал ей нежной симпатии в столь простой и откровенной форме. От иного мужчины самые незамысловатые знаки внимания могут разить грязью и непристойностью. Большинству из мужчин, страдающих косноязычием на выручку приходит обценная лексика, а те немногие, кто способен обойтись без нее, смотрят на женщину так, словно она безвольное существо, которое только и ждет, чтобы его взяли силой. Бесконечно малое число представителей сильного пола заключают в себе те неподдающиеся сомнениям неподдельные качества искреннего в своих чувствах человека, что отражаются в их взгляде и внушают женщине чувство безопасности и укрощают ее помыслы о том, что ею хотят воспользоваться.

– Позволь поцеловать тебя, Дейзи.

– В Америке о таком не спрашивают. Просто целуют.

– Там, откуда я родом, у женщины принято спрашивать дозволения.

– Я разрешаю, – заливаясь краской и опустив глаза, тихонечко, но настойчиво, будто навет самой себе, произнесла девушка.

Придвинувшись и взяв лицо девушки в свои руки, мужчина осторожно поцеловал холодные губы. Позабыв о свойственной ему настойчивости в вопросах близости, он нежно касался своими губами губ девушки, а уже в следующее мгновение та, с шумом выдохнув, обвила его шею руками и прильнула к нему, скользнув языком в его рот.

Когда они разжали свои объятия, уже оба тяжело дышали. Поцелуй затянулся и страсть не оставляла возможности ровно дышать двум людям чьи языки тесно переплелись друг с другом в изучающем танце. Мужчина потянулся к бутылке, чтобы унять жар, возникший в груди.

– Как тебя зовут? – обиженным тоном спросила девушка.

Почуввав неладное в ее голосе, мужчина присмотрелся к ее лицу и заметил слезинки, подобно двум алмазам, сверкнувшие на ее щеках. Девушка была опечалена тем, что дала поцеловать себя тому, кто даже имя свое не назвал. Для нее это было сродни оскорблению ее девичей чести, и мужчина ощутил укол чувства вины за то, что, пусть и нехотя, играючи расстроил столь невинное создание. В голову тут же полезли, окрашенные в кровавые тона, воспоминания из прошлого. Сделалось дурно. Дейзи мистически невероятным образом напомнила ему кое-кого из прошлого довлеющего над ним уже не первый год. Схватив бутылку виски, мужчина решительно опрокинул ее дном вверх. Горечь выдержанного напитка обожгла глотку. Прикрыв на секунду глаза и погрузившись во тьму, мужчина прислушался к внутреннему голосу. Ничего. Кризис миновал, едва не лишив его хрупкого душевного равновесия. Черт бы побрал эту войну! Открыв глаза, он протянул руку и коснулся влажной щеки девушки. Та подняла на него свои полные надежды глаза. И он едва не захлебнулся в этих двух, до боли знакомых, озерах неистовой голубизны.

– Меня зовут Эммануэль, – хрипло произнес мужчина, ощутив дежа-вю фантастической силы.

Губы девушки растянулись в улыбке. В глазах читались благодарность и облегчение. Напряжение осталось позади. Оба были уверены, что находятся там, где и должны быть.

ГЛАВА 2

Все чаще с разных концов парка начали доноситься пьяные возгласы и ворчание. Бродяги боролись друг с другом за право ночлега на излюбленной скамье, попрошайки настойчиво приставали к простым служащим спешащим домой после затянувшейся смены, городские сумасшедшие копошились в своих бесчисленных одеждах в попытке поудобнее устроиться под кустом, чтобы вздремнуть, а рано утром отправиться в ближайший приют при христианской церкви, где бездомным предлагался горячий завтрак. Стук подкованных копыт об асфальт сообщил о том, что ночной конный патруль заступил на службу и зорким взглядом присматривает за тем, чтобы никого не ограбили и не убили в столь располагающем для подобного беззакония месте. Допив остатки виски и отправив пустые бутылки в ближайшую урну, Эммануэль вернулся на скамейку и Дейзи нетерпеливо прижалась к нему всем телом. Не вставая со своего места, Эммануэль подхватил девушку и посадил себе на колени. Возбуждение и горячка первой встречи не отпускали ее и жар ее дыхания раз за разом обрушивался на шею Эммануэля, куда та уткнулась лицом. Начало холодать и порывы ветра, гуляющего среди деревьев парка, заставляли невольно содрогаться от своих настойчивых дуновений.

– Эммануэль, – не поднимая головы, позвала Дейзи.

– М? – несколько отрешенно отозвался он, глубоко вдыхая аромат густых волос.

– Я замерзла.

– Давай отвезем тебя домой.

Ладони девушки и впрямь были холодны, как лед.

– Я не хочу тебя отпускать. Поедешь со мной?

В завладевшем ею смущении, девушка прятала лицо у него на груди, боясь встретиться взглядом с тем, кого отважилась пригласить к себе на ночь.

– Ты уверена, что хочешь этого?

– Да.

Голос Дейзи, впрочем, красноречиво продемонстрировал наличие внутреннего конфликта. Девушка жаждала поддаться влиянию разыгравших в ней чувств, но впервые охватившие ее эмоции подобного рода, пугали своей пленительной таинственностью и силой, грозившими разрушить всякое представление о священности первой связи с мужчиной.

– Хорошо. Тогда поехали.

Пока они шли по направлению к выходу из парка, девушка начала содрогаться от мелкого озноба. Усевшись на заднее сидение такси, оба с благодарностью приняли тепло салона автомобиля, нагретого работающим обогревателем. Тут же позади них зажглись фары припаркованного перед входом в парк черного автомобиля. Сопровождение, призванное предупредить и разрешать выходы возбужденного и вышедшего из-под контроля диверсанта, продолжало свою неусыпную слежку. Назвав водителю адрес, Дейзи моментально начала засыпать, опустив голову на плечо Эммануэля. День, проведенный на ногах, плотный ужин, алкоголь и перемена температур, сморили девушку, и та засопела, провалившись в дрему. Наверняка, не обошлось и без влияния стресса. Знакомство с Эммануэлем трудно назвать типичным и обыденным, а его спорный внешний вид и выражение бездонной тоски в глазах, налитых яростью, кого угодно способны поставить в тупик, что уж говорить о впечатлительной девчужке, чья жизнь целиком состоит из монотонной учебы и работы на износ.

Нью-Йорк, по-прежнему, не желал отдавать ночи законные бразды правления. Всюду сновали канареечного оттенка такси, высаживая и подбирая новых клиентов, чтобы влиться в бурный поток автомобилей полосующих фарами темноту ночи наравне с яркими светящимися вывесками ночных баров, круглосуточных кинотеатров и дискотек. Небольшие грузовички парковались в переулках, чтобы выгрузить на эстакадах ресторанов новые порции

свежих продуктов для заготовок грядущего дня. Ночные бабочки, по чьему виду с трудом можно было судить об их истинном роде деятельности и знакомые лишь своим постоянным клиентам, уныло ковыляли по тротуарам, изредка оглядываясь на шум сирен. Для тех из них, кто не боялся полиции, наступило время, когда можно озолотиться на вернувшихся с войны солдатах и гостях города, ослепленных широкими возможностями послевоенного времени.

Дейзи жила всего в пяти кварталах от места своей работы и вскоре таксист свернул к тротуару, припарковавшись рядом с четырехэтажным многоквартирным домом, чьи стены изрядно потемнели от копоти выхлопных газов. Протянув ему плату за поездку, Эммануэль жестом попросил дать ему минутку, чтобы аккуратно разбудить девушку. Таксист – мужчина лет пятидесяти с густыми усами и нависшими над ними щеками, – понимающе, по-отечески, улыбнулся и кивнул.

– Дейзи, – прошептал Эммануэль в ухо девушке.

– Я не сплю, – пролепетала та в ответ.

– Мы приехали. Пора выходить.

Эммануэль помог девушке выбраться из машины и таксист, сверкнув задними фарами, уехал, слившись с потоком других автомобилей. Неподалеку уже стоял автомобиль, следовавший за ними от самого парка. Дейзи порылась в сумочке и найдя ключи, подняла глаза на Эммануэля.

– Только тихо. Мои соседи не самые приятные люди. Чуть что, сразу жалуются владельцу.

Эммануэль улыбнулся и приложил палец к губам в знак принятия правил соблюдения тишины. Здание было примерно тридцатых годов постройки. Толстые кирпичные стены, стоило им оказаться внутри и закрыть за собой дверь, моментально заглушили звуки шумных улиц Нью-Йорка. Из холла наверх вела бетонная лестница. На втором этаже, остановившись у двери с номером «семь», Дейзи снова заколебалась.

– Ты помнишь, что мы с подружкой на двоих арендуем эту квартиру?

Эммануэль кивнул, на самом деле, напрочь позабыв об этом обстоятельстве. Видимо, замешательство отразилось на его лице, потому как Дейзи поспешила успокоить его.

– Здесь две комнаты. У каждой из нас своя. Они отделены коридором. Это сделано специально. Этот дом изначально строился под сдачу в аренду меблированных комнат. Если будем вести себя тихо, она нас не услышит.

Эммануэль не удержался и расплылся в лукавой улыбке. Девушка же, в который раз, зарделась в смущении. Отперев дверь осторожным движением ключа, онапустила Эммануэля и вошла следом. В коридоре и кухне, которой он оканчивался горел свет. Не успела Дейзи запереть дверь, как из кухни выбежала девушка в одном халате и увидев спутника своей подружки, густо покраснела вытаращив глаза. Девушки смотрели друг на друга так, будтостряслось нечто непоправимое. Молчание затянулось. Эммануэль растерянно переводил взгляд с одной на другую. И тут обе разразились залившимся смехом, грянувшим в тишине спящего дома не хуже, чем разорвавшийся снаряд.

– Помнится, ты говорила, что следует вести себя скромнее в этих стенах, – заметил Эммануэль, когда девушки умолкли, утирая слезы, выступившие от хохота.

Соседка Дейзи снова прыснула от его замечания и скрылась в кухне бросив, что собирается поставить чайник на огонь. Разувшись Дейзи провела Эммануэля в просторную кухню и усадила на один из стульев.

– Ты почему не спишь? – спросила она у соседки.

– Ты время видела? Часы только полночь пробили. Я лишь недавно вернулась. И, кстати...

Девушка предвзято покосилась на Эммануэля, потом перевела взгляд на свою подружку.

– Ты сказала мне, что переволновалась и хочешь выйти подышать, а Барни сообщил мне, что того морячка вырубил подозрительного вида здоровяк. Уж не он ли сейчас сидит в нашей кухне?

В притворном гневе девушка насупилась и уперла руки в бока. И снова подруги рассмеялись друг дружке в лицо.

– Ну, да, это он самый, – развела Дейзи руками, потешно поджав губы. – Что теперь поделаешь?

В следующее мгновение Дейзи извинилась и вышла из кухни, добавив, что ей нужно переодеться. Похоже, что тепло квартиры и непринужденность дружеской атмосферы, вновь опьянили ее.

– Ну, рассказывай, – привалившись к подоконнику, с улыбкой произнесла соседка Дейзи.

– Есть выпивка?

– Здесь живут студентки. В этом доме всегда есть выпивка.

Достав из шкафчика над раковиной три стакана и бутылку бурбона, девушка поставила все на стол, присела на соседний стул, и Эммануэль на треть наполнил стаканы.

– Как тебя зовут?

– Эммануэль.

– А я Мэгги. Будем!

Отсалютовав девушка залпом опрокинула свой стакан. Эммануэль незамедлительно вторил ей.

– Зачем ты ударил того парня в баре?

– У него длинный язык, а у меня было паршивое настроение.

– И ты решил поднять его себе дракой и ночью с Дейзи?

– Тогда я еще не знал, как ее зовут, но, да. В целом, все именно так.

Мэгги нахмурилась и изучающе оглядела своего собеседника.

– Ты не похож на плохого человека. И все же я попрошу тебя не обижать ее. Она не заслуживает того, чтобы стать чьим-то смягчающим обстоятельством.

– Знаешь, как должен выглядеть плохой человек? – осведомился Эммануэль.

– Знаю блеск свойственный глазам тех, кто склонен пользоваться чужими слабостью и наивностью.

– Полезный опыт.

– Бесценный.

Мэгги продолжала буравить его взглядом, не то в ожидании оправдательных уверений в том, кто он есть, не то пытаясь самостоятельно разгадать эту загадку. Эммануэль снова наполнил стаканы, и они выпили. Ни один мускул на лице девушки не дрогнул от крепости чистого напитка. Матерая барышня. Эммануэль подался вперед и заглянул ей в глаза. Та не шелохнулась.

– У меня нет намерения пользоваться кем бы то ни было исключительно ради увеселения. Если твоя подруга и пожалеет о знакомстве со мной, а это, надо полагать, так и будет, ей, тем не менее, понравится все, что она испытает до той поры.

– Похвальная откровенность. Похоже, ты не из тех парней, кто станет убеждать девушку в том, что он идеал.

– Я не идеал. Я ублюдок, каких поискать.

Мэгги нахмурилась, восприняв, судя по всему, его слова, как зловещее предостережение, но тут в кухню вернулась Дейзи, избавив ее от возможности задать вопрос, повисший на устах. Противно повизгивая дал о себе знать вскипевший чайник.

– Похоже, что кофе пить никто не собирается, не так ли?

Мэгги и Эммануэль дружно кивнули.

– Тогда и я не стану, – подняла Дейзи стакан. – За знакомство!

Все трое выпили и девушки начали обсуждать учебу. На курсах, которые они проходили не было каникул, поэтому беззаботное для всех прочих студентов лето обошло их стороной. Немного послушав и заскучав от чуждых ему обыденности и прозаичности беседы, Эммануэль извинился и вышел в уборную. Санузел был смежным. Спустив воду, Эммануэль тщательно вымыл руки и взглянул на себя в зеркало, висящее над раковиной. Глаза потемнели и слегка покраснели от количества выпитого, зрачки расширились, практически не оставив места для радужки, окрашенной в ледяной голубой цвет. Поразительно, насколько сильно несколько сотен убийств могут изменить человека. Эммануэль смотрел в собственные глаза в отражении зеркала с безразличием достойным человека не ждущего, что он сможет узнать себя. Глаза, подернутые пленкой мертвецкого равнодушия, как у рыбы, окончившей свое существование на суше. Глаза, не отражающие более и половины тех испытаний, что выпали на его долю. Глаза, как два стеклянных вкрапления в скальный монолит. Тем не менее, несмотря на то, что Эммануэль, как безумец всматривался в собственное отражение, пытаясь разглядеть там, хотя бы жалкий клочок терзавших его чувств, на ногах он стоял тверже трезвого. Вернувшись в кухню, он застал там только Дейзи.

– Мэгги ушла спать, – ответила девушка на его вопросительный взгляд. – Велела попрощаться с тобой за нее и передать, что рада знакомству.

В ответ на эти слова Эммануэль лишь кивнул. К Дейзи снова, пусть и не в прежней мере, вернулись ее скованность и смущение. Переодевшись она облачилась в простую белую футболку на несколько размеров больше необходимого и серые, свободные шортики. Ноги у девушки были стройные и прямые, с острыми, торчащими коленками. Настолько острыми, что Эммануэлю показалось, такими можно хлеб нарезать. Он усмехнулся своим мыслям и это не ускользнуло от внимания девушки не отрывающей от него взгляда.

– Что смешного? – улыбнулась она.

– Ничего.

– Скажи! – потребовала девушка и улыбка ее стала еще шире.

– Я подумал, что у тебя дивные коленки. Мне таких прежде не приходилось видеть.

– А что в них особенного?

– Очень женственные.

– Спасибо.

В глазах Дейзи зажглась простая благодарность за комплимент даже с натяжкой не претендующий на некую оригинальность.

– Хочешь еще выпить? – спросила она, с сомнением поглядывая на свой стакан.

– Пожалуй, еще по одной порции и на сегодня хватит.

– Согласна.

Пока девушка прятала бутылку на ее законное место в буфете, ломившемся от выпивки, Эммануэль быстро вымыл стаканы.

– Я бы и сама могла это сделать, – с укором сказала Дейзи.

– Ты угостила меня выпивкой. Это меньшее, что я могу сделать в знак благодарности.

– А ты накормил меня ужином, – парировала она.

– Что ж, значит, мы квиты. Когда окажешься у меня в гостях, посуду будешь мыть ты.

– По рукам. А где ты живешь?

Этот простой вопрос поставил Эммануэля в тупик. В Нью-Йорке он оказался только прошлой ночью и понятия не имел, где будет жить и задержится ли он здесь, вообще, или его отправят на родину.

– Честно говоря, это мне неизвестно, – прозвучал до крайности глупый ответ.

Оба рассмеялись этой реплике, прикрывая рты руками, чтобы не потревожить сон Мэгги.

– Как это? Ты что, не знаешь где ты живешь?

– По правде говоря, я только сутки на Манхэттене.

- И где же ты намеревался провести эту ночь?
- Если бы ты не пригласила меня к себе, я бы отправился к другу.
- А где живет твой друг?
- Этого я тоже не знаю. Но к твоему месту работы я дошел от него пешком.
- И долго пришлось идти?
- Кажется, я бродил не меньше часа, пока не вышел на Таймс-сквер.

Было заметно, что любопытство борется в девушке с учтивостью. Ей хотелось как можно больше узнать о том, кого она привела в дом, но, так хорошо воспитанное в ней, чувство такта не позволяло продолжить допрос.

– Ладно, пойдем.

Взяв его за руку, Дейзи провела Эммануэля Т-образным коридором в ту часть квартиры, где располагалась ее спальня. Теперь от Мэгги их отделял не только коридор, ведущий в кухню, но и ванная комната. В спальне Дейзи царил хаос. От беспорядка его отличал, пожалуй, лишь тот факт, что девушка прекрасно знала, где находится та или иная вещь. В шкафу, дверцы которого Дейзи поспешила закрыть, не было и малейшего просвета от нагромождения разнообразной одежды. Спинки стульев были скрыты развешенными на них футболками всех цветов радуги и рубашками из плотной ткани в клеточку, похожими на те, что носят дровосеки, дабы защитить себя от летящего щепы. Туалетный столик с тремя секциями зеркал был заставлен девичьими принадлежностями для наведения красоты, что странно, ведь Эммануэль не заметил на лице девушки и следа макияжа. На полу рядом с ним стояла батарея из пустых бутылок от питьевой воды. Подобного изобилия личных вещей, принадлежащих одному человеку и собранных в комнате достаточно скромных размеров Эммануэлю прежде не приходилось видеть. Кровать была аккуратно заправлена. Видимо, это единственное, что успела сделать Дейзи, когда удалилась переодеваться. Задержись она дольше для более тщательной уборки и ее отсутствие могло бы обидеть гостя. Учтивость, продемонстрированная девушкой по отношению к своему спутнику, была гораздо важнее, а жить по самолично заведенному порядку имеет право каждый человек. Стоя в сторонке, Эммануэль следил за тем, как Дейзи расстилает недавно убранную кровать, извлекает из шкафа дополнительную подушку и любовно натягивает на нее наволочку.

– У меня только одно теплое одеяло, – девушка указала на толстое пуховое одеяло в желтом пододеяльнике. – Ты можешь укрываться им вместе со мной.

Последние слова она произнесла, пряча глаза в пол.

– Мне подойдет и что-нибудь попроще.

– У меня есть покрывало, оно не такое теплое, если под одеялом тебе будет жарко. Могу достать его.

– Отлично.

Дейзи поспешила к шкафу и вскоре кровать была готова ко сну.

– Я лягу ближе к двери, если ты не возражаешь.

– Почему?

– Привычка, – на манер простофили ответил Эммануэль, понимающий, что в действительности он никогда не расстанется с привычками, приобретенными в годы обучения и намертво закрепленными на войне.

Когда он начал расстегивать пуговицы на рубашке, Дейзи поспешила погасить свет люстры под потолком. Сбросив с себя одежду и аккуратно сложив ее на сиденье стула, Эммануэль присел на край кровати спиной к девушке и задумчиво переплел пальцы в привычном ритуале, призванном структурировать события уходящего дня и на уровне подсознания обдумать во сне все то, что может представлять первостепенную важность. Как он ни старался, все его помыслы сводились к месту, в котором он находился сейчас. В один из самых тяжелых отрезков его жизни, провидение настигло его столь непредсказуемым образом и свело с

девушкой, в чьем обществе он, внезапно для самого себя, с первых минут ощутил себя потребным. Давно позабытое им чувство. Ничто так не подкупает, как искренняя симпатия и принятие тебя человеком, по своей воле находящимся рядом. Мистическая способность невинного сердца влюбить тебя в самого себя. И ты уже не кажешься себе таким уж пропащим и ни на что не годным. Мысли начали путаться и своими замысловатыми переплетениями уводить все глубже, туда, куда не следовало бы совать свой нос безнадежно одинокому и убитому горем человеку. Куда безопаснее не питать надежд и не строить воздушные замки, заботливо лелея мечту о целебном бальзаме в лице человека.

– Почему ты не ложишься? – тонким голосом спросила Дейзи, вернув его на землю.

– Собирался с мыслями, – ответил он, укладываясь рядом с девушкой.

Дейзи лежала на боку спиной к нему, натянув одеяло до самого подбородка.

– Перед сном полагается выкинуть все из головы и просто лечь спать, – тоном наставника, заявила она.

– Буду иметь в виду.

Вытянув ноги, Эммануэль растянулся на спине, обнаружив, что кровать коротковата для его роста.

– Можешь обнять меня, если хочешь.

Голос девушки стал приглушенным из-за еще выше натянутого одеяла.

– Ты весьма великодушна.

Дейзи не оценила его шутку, призванную сбавить градус ее напряжения и встретила его слова молчанием. Но, когда он повернулся к ней, девушка охотно придвинулась к нему, прижавшись всем телом и он обнял ее, ощутив, сквозь набивку податливого одеяла, хрупкие формы изящно скроенного молодого тела. Несколько раз Дейзи робко, но призывно, почти приглашающе, прижималась к нему мягким местом, но не встретив ответных действий, в скором времени глубоко задышала, провалившись в сон. Она не могла знать, что Эммануэль дал себе слово не притрагиваться к ней до тех пор, пока он не обретет полноценной уверенности в том, что не ранит ее чувств и более тесная связь не покажется ему разумным шагом вперед. Война была позади и это необходимо усвоить. Больше некуда торопиться. Нет нужды бросаться в омут и вырывать из цепких когтей, грифом парящей над головой, смерти, все, что только можно.

ГЛАВА 3

Когда Эммануэль впервые открыл глаза следующим утром, за окном царила непроницаемая серость, нагоняющая сонливость и уныние и вызывающая стойкое желание, как можно дольше, оставаться в постели. Дейзи сидела на краешке кровати со стаканом воды в руке. Услышав, как он закопошился, она обернулась и протянула ему стакан.

– Хочешь водички?

Эммануэль с благодарностью принял его и жадно выпил все содержимое. Дегидратация, вызванная алкоголем, привычно давала о себе знать. Рухнув на подушку, он забылся тревожным сном, в котором вернулся в весну сорок четвертого года, где совсем другая девушка проявляла к нему свое бережное отношение, напоминая заботу матери, которой у него никогда не было. Окончательно проснулся он ближе к полудню. Дейзи сидела на кровати привалившись к ее спинке. В руках у нее была книга, но смотрела она на него и взгляд ее выражал крайнюю степень озабоченности.

– Ты стонал во сне.

– Извини, – сконфуженно ответил он, возблагодарив небеса, что, хотя бы, не кричал.

– Я проснулась не из-за тебя. Просто по привычке. А ты похоже любишь поспать.

– Никак не могу отоспаться.

– Хочешь позавтракать?

– Я бы не отказался от кофе.

– Разве ты не голоден?

– Нет, – соврал он, не желая злоупотреблять гостеприимством девушки и вносить свою внушительную лепту в опустошение запасов ее холодильника. Он не мог знать сколько зарабатывают официантки в Америке и хватает ли ей денег на закрытие всех бытовых нужд. Ему то теперь до конца дней не придется беспокоиться о деньгах. По окончании войны, на его имя был открыт счет в одном из Женевских банков, известных своими строгими правилами сохранения банковской тайны, куда была зачислена поистине астрономическая сумма. Деньги со второго счета, который был открыт на имя его друга, тоже достались ему.

– Я вскипячу чайник. Одевайся и приходи на кухню.

Дейзи встала и засемила прочь из комнаты. Эммануэль посмотрел ей вслед, оценив длину ее ног и аристократическую белизну кожи. Потянув мышцы, он поднялся и оделся. По дороге на кухню посетил ванную, чтобы умыться и привести в порядок волосы на голове, торчащие во все стороны. Очень хотелось принять бодрящий душ, но было неловко делать это в квартире, где живут девушки.

– Твой кофе.

Дейзи услужливо поставила перед ним чашку черного дымящегося напитка.

– Я не знала с сахаром ли ты пьешь, поэтому вот, – она подвинула к нему сахарницу с торчащей из нее чайной ложкой.

Он трижды опустил в напиток ложечку с горкой наполненную сахаром. Брови девушки в удивлении поползли на лоб.

– Глюкоза, содержащаяся в сахаре, жизненно необходима для нормального функционирования мозга и строительства мышечной ткани, – отчеканил Эммануэль давно заученный урок.

«А еще она помогает избавиться от чувства голода, – подумал он про себя».

Кофе оказался на удивление крепким и моментально прояснил голову.

– Чем ты планируешь заняться сегодня?

Эммануэль поднял глаза на Дейзи. Было ясно, чем именно она озабочена. Ее волновало входит ли в его планы увидеться с ней в этот день.

– Пока не знаю. Нужно навеститься к моему другу и решить вопрос с моим жильем.

О том, что он может и вовсе покинуть Америку, Эммануэль умышленно умолчал, чтобы не портить девушке настроение на весь оставшийся день, а то и неделю. Как бы там ни было, для себя он твердо решил, что в случае его отбытия, он непременно увидится с ней еще раз, чтобы не остаться подлецом в ее глазах.

– А как твой друг причастен к решению подобного вопроса?

– Он ориентируется в городе лучше меня и может дать мне дельный совет.

– А у твоего друга есть телефон?

– Есть, но его номер мне неизвестен.

Дейзи заметно скисла. Видно в голову полезли недобрые мысли.

– Дейзи, – позвал Эммануэль.

– М?

Девушка подняла на него свои грустные бледно-голубые глаза.

– Я приду к тебе, – твердо произнес он.

– Обещаешь?

Эммануэль усмехнулся такому вопросу. Прежде никому и в голову не приходило уточнять у него степень прочности его слов, тем самым, подвергая их сомнению.

– Можешь не сомневаться.

– А когда? – продолжала настаивать Дейзи уже более ребяческим тоном с налетом капризности.

– Ты не успеешь соскучиться за мной.

– Но я уже скучаю.

Эммануэля поразили слова девушки, и он не нашелся с ответом. «Надеюсь, дело во мне, а не в том, что ты столь наивна, иначе, однажды, тебе может встретиться по настоящему плохой парень с самыми низменными намерениями и ломает твоё представление о мире и людях, живущих в нем, – подумал Эммануэль, не сводя глаз с девушки».

***

Выйдя на улицу, Эммануэль прищурился, давая глазам привыкнуть к слепящему полуденному солнцу, стоящему высоко в небе над Нью-Йорком. Вытерев выступившие слезы тыльной стороной ладони, он обернулся и всмотрелся в выцветшую жестяную табличку с адресом дома. Запомнив его, он поискал глазами черный «Бьюик Сенчури» сорокового года выпуска. Автомобиль стоял на другой стороне улицы, там, где его нельзя было увидеть из окон дома, откуда Эммануэль только что вышел. Все тот же надзиратель стоял, привалившись к массивному вздутому капоту с сигаретой, зажатой между пальцев.

– Все в порядке? – сделал затяжку, спросил мужчина, когда Эммануэль пожал ему руку.

– Я никого не убил. Да и сам, как видишь, цел.

– Какие планы?

– Принять душ и позавтракать. Потом поговорить с Миллером.

– Значит, едем к нему?

Эммануэль кивнул и оба мужчин забрались в салон автомобиля. Мотор заурчал глубоким, утробным звуком и они тронулись с места, ловко вклинившись в поток автомобилей. Выброшенный, перед посадкой, окуроч, пролетев небольшое расстояние, угодил точно между прутьев сточной канавы.

– Где живет Миллер? – спросил Эммануэль, чтобы, в случае чего, знать свои координаты.

– На Восьмой авеню. Прямо напротив Центрального парка.

– В самом деле?

– Да, конечно.

– Так, значит, вчера мы были совсем близко от его дома?

– Ну, да. Признаться, я думал, ты поэтому и отправился в парк, влекомый единственно знакомым местом.

– Девушка предложила. Я понятия не имел, что парк по ту сторону дороги от квартиры Миллера.

– Но ведь вид на него открывается из окон квартиры, – искренне удивился водитель.

– Я как-то не был настроен наслаждаться видами.

Мужчина понял, что его собеседник имеет в виду и предусмотрительно умолк, чтобы лишний раз не бередить чужие раны.

Свернув с Восьмой авеню на Семьдесят третью улицу, мужчина сбросил скорость и припарковался у тротуара. Выйдя из машины, Эммануэль увидел уже знакомое ему величественное многоэтажное здание кремового цвета. Несмотря на внушительные потоки движения в этой части города, стены дома были чистыми, очевидно, по причине регулярной чистки их пескоструйным аппаратом. Вернувшись на Восьмую авеню, они вошли в просторный, прохладный холл с высокими потолками и застучали каблуками по мраморному полу двигаясь в сторону лифтов. Консьерж, сидевший за своей конторкой, едва подняв голову от газеты, узнал постояльцев и тут же вернулся к чтению. Стрелка над лифтом со звоном упала к началу полукруглой шкалы, возвестив о его прибытии и дверь сдвинулась в сторону. Металлические панели в кабине были отполированы до зеркального блеска, и Эммануэль придирчиво оглядел себя с головы до ног. Никогда он еще не ощущал себя настолько чуждо и непривычно в новом месте. И дело не в том, что в его ушах продолжали звучать предсмертные хрипы, звуки выстрелов и шелест, с которым нож рассекает человеческую плоть. Его мозг просто не мог принять факт всеобщего спокойствия и благоденствия, слепящего изобилия и оголтелого потребительства. Эммануэль смотрел на свое отражение и понимал, что, в лучшем случае, в глазах обывателей, выглядит, как серийный убийца или тщательно отмытый бродяга. Фантазии, чтобы вообразить себя частью этого общества, у него не хватало. Он сомневался, что, однажды, сможет облачиться в классический костюм, надеть начищенные до блеска туфли и водрузить на голову шляпу, дабы безболезненно влиться в общество и акклиматизироваться среди тех, чей образ мысли и представления о жизни, были ему глубоко противны. Ценность таких, по-настоящему важных вещей, как любовь, дружба и преданность, никогда в полной мере не познает человек живущий с миром в сердце и, на всякий случай, идущий по жизни с зонтиком. Некоторые люди целенаправленно возводят вокруг себя стены из законов цивилизованного общества, даже не подозревая о том, какой именно момент стал переломным в ходе формирования общественного строя, начав отсчет хода цивилизации, но при этом с гордо поднятой головой и выпяченной грудью они заявляют о том, что они люди. Дерьмо. Биоматериал по ошибке попавший не в ту дырку. Наряжаются в дорогие костюмы и платья, брезгливо обходя стороной нищего, протянувшего грязную, тощую руку. Такие люди не в состоянии даже подумать о том, что лишний брошенный ими грош, может подарить этому несчастному еще один день среди живых. Но случись что, и в условиях лишений и голода, это стадо в, на заказ сшитых, тряпках, первым начнет визжать призывы о равенстве и достойном отношении к неимущим. Для них деньги – это способ отгородиться от теневой стороны жизни, окажись на которой, они и дня не протянут. Честь и верность для них не более, чем пустые звуки. Все, что их заботит, это твердая валюта и лишь ею они исчисляют степень значимости конкретного человека в своей жизни. Если же, засовывая руки в карманы, ты нащупываешь там ноги, то они, надменно поглядывая на тебя, с усмешкой посоветуют тебе уносить их подальше. Грязные, аморальные животные, которым никогда не суждено познать настоящей, крепкой дружбы, основанной на принципах морали, благородства и самоотверженности, и любви непорочного сердца, способной сметать все на своем пути.

Опустив голову, чтобы не видеть в отражении дикаря, которому здесь не место, Эммануэль дождался, когда дверь лифта откроется и пропустив своего компаньона вперед, вышел следом, мягко застучав грубыми ботинками по коврам коридора.

Пусть и снова унылый и погруженный в свои угрюмые размышления, Эммануэль, тем не менее, на этот раз обратил свое внимание на вид, открывающийся из окон апартаментов Миллера. Центральный парк расстился в обе стороны и границ его не было видно из-за высоких, густых крон деревьев, широкополой шляпой укрывающих свои владения. Лишь высокие постройки на Пятой авеню границей сообщали о его внушительной ширине. Высунув голову из открытого окна, Эммануэль навскидку проследил их с водителем путь на автомобиле, припоминая количество и направление поворотов, но из-за громадных зданий мегаполиса, так и не смог увидеть дома Дейзи. Солнце стояло в зените и снова начало нещадно припекать жителей города. Опустив взгляд вниз, Эммануэль увидел, как обливаются потом те, кто куда-то спешит и как вяло ковыляют другие, изнывая от жары. Те, кто рано вышел из дома, когда воздух еще не прогрет, несли в руках легкие куртки и пиджаки. Некоторые, невероятно, держали над головой раскрытые газеты, чтобы спастись от беспощадных лучей солнца. Другим в этом деле помогали шляпы и зонтики. Эммануэль, у которого жаркое солнце пустыни было в крови, недоумевающе смотрел на страдающих внизу. «Вы еще не видели настоящей жары, от которой мозги плавятся вместе с песком под ногами, – мысленно обратился он к ним».

– Он ждет тебя в кабинете, – раздался позади голос сопровождающего.

Покинув холл и пройдя через гостиную, Эммануэль постучал и не дожидаясь ответа толкнул дверь. Просторный кабинет встретил его запахами книг, черного кофе, мужского парфюма и табака. Невысокий мужчина с густыми, волнистыми волосами цвета каштана, затянутыми в хвост, стоял к нему спиной. Увидев такого впервые, ни за что не скажешь, что перед тобой стоит первоклассный убийца. Этот человек всем своим видом выражал принадлежность к аристократии и мог полноправно принимать звание джентльмена на изысканных мероприятиях и званых вечерах. В действительности же, он был одним из тех, кто обучал Эммануэля ремеслу разведчика и ликвидатора.

– Может я помогу вам? – спросил Эммануэль, видя безуспешные попытки Миллера ознакомиться с фолиантами книг на верхних полках книжного шкафа.

– Малыш, я прекрасно знаю где находится каждая из моих книг. Проблема в том, что я почему-то не могу найти нужную.

Малыш был почти на тридцать сантиметров выше и весил едва ли не в два раза больше.

– Ну, и черт с ней! В другой раз отыщу ее, – в сердцах, пообещал Миллер.

Обернувшись к Эммануэлю, он широко улыбнулся ему и по-отечески обнял, уткнувшись головой в широкую грудь, после чего, плюхнулся в кресло за рабочим столом, едва не утонув в нем. Конец войны пошел ему на пользу. Клещи тревоги и нечеловеческого стресса разжались, а острое дамокловы меч навсегда покинуло пределы досягаемости шеи бывшего двойного агента.

– Я хотел дать тебе почитать одну занятную книгу.

– Как раз чтения мне сейчас и не хватает, – саркастичным, грубым тоном, ответил Эммануэль.

– Во-первых, чтение еще никому не вредило, Мэнни. А, во-вторых, помнится когда-то тебя было не оторвать от книг. Неужто, война убила в тебе любовь к литературе?

– Лучше бы она убила ее, – сделав ударение на последнем слове, отозвался Эммануэль.

Он исподлобья глядел на своего наставника. Взгляни на эту картину чужой человек, и он бы сделал ставку на то, что молодой человек готовится броситься на своего собеседника. Миллер отвечал ему немигающим взглядом учителя, искренне желающего помочь своему ученику разобраться в постигших его неприятностях.

– Мэнни, я знаю тебя всю твою жизнь. Я был старше, чем ты сейчас, когда впервые увидел тебя. И я был одним из тех, кто тренировал тебя. И тренировал настолько успешно, что сейчас ты сидишь передо мной целый и невредимый, выскочив из мясорубки. Почему же ты ставишь под сомнение мою состоятельность в вопросах оказания тебе помощи?

Устыдившись своего поведения, Эммануэль шепотом попросил прощения и сощурившись от яркого солнца, отвернулся к окну.

– Так вот, – как ни в чем не бывало, продолжил Миллер, – я хотел дать тебе почитать «Диалоги Платона». В годы подготовки ты был единственным из многих, кто проявлял зверский аппетит к изучению философии, и я решил, что сейчас эта книга придется как нельзя кстати. Знаешь, чем славился Платон?

– Нет, – соврал Эммануэль.

– Этот мудрец был широко известен тем, что никогда не проигрывал спор. Своими доводами и аргументами он, умело используя семантические уловки, уводил оппонента от изначальной сути вопроса, там переманивал своей неоспоримой правотой на свою сторону и вот уже его оппонент спорил с самим собой, полностью принимая точку зрения Платона.

– Почему именно сейчас вы вспомнили об этой книге?

– Потому, Мэнни, что Платон учит спорить и дискутировать с самим собой в поисках истины. Из его подхода к рассуждениям о тонких материях следует, что конца, как такового, нет. Ты понимаешь, что я пытаюсь тебе сказать? Невозможно зайти в тупик, если продолжаешь поиски.

Эммануэль ничего на это не ответил и лишь тяжело вздохнул.

– Марко, доложил мне, что ты провел минувшую ночь в компании изумительной особы.

Стоит отдать должное Миллеру, он умел искусно направлять беседу таким образом, чтобы для его собеседника все встало на свои места самым естественным образом.

– Марко? Мой телохранитель?

– Что тебя так удивило?

– Вы его из Италии привезли?

– Верно.

Тон Миллера говорил о том, что он не придает особого значения своей дальновидности и тому, что смог завербовать чужестранца и обучить его тонкостям ремесла в кратчайшие сроки для службы в стране, где тот способен слиться с толпой по причине повальной миграции его соотечественников. Миллер не сводил с Эммануэля испытующего взгляда.

– Марко не соврал.

– Разумеется, нет. Но меня интересует другое.

Миллер подался вперед, водрузил на нос очки, и сложил руки на дубовом столе.

– Чем ты руководствовался, когда пригласил эту девушку на свидание?

Не веря своим ушам, Эммануэль вытаращил глаза на своего наставника в попытке понять шутка ли это или того и впрямь заинтересовали детали его интимной жизни.

– Я знаю, что ты с ней не спал, Мэнни. А ты знаешь, что в любой момент я могу отправить тебя на другой конец земного шара. Так зачем пудрить мозги этой чувствительной юной особе?

– Откуда вам известно, что я не спал с ней?

Эммануэль не чувствовал себя оскорбленным осведомленностью наставника, напротив, он восхищался его дедуктивными способностями и все же до конца не верил, что это не была просто на удачу высказанная вслух догадка.

– Девушка из провинциального городка, не богата, работает официанткой за гроши в окружении мужланов, арендует квартиру на пару с подругой, чертовски хорошо воспитана и, наконец, ты поцеловал ее едва ли не в конце вечера под сенью деревьев, скрывающих вас от посторонних глаз. А ведь ты не из робкого десятка. Будучи досконально знакомым с твоими

принципами нравственности, я заключаю, что ты проникся к ней и не желал оскорбить ее достоинство ни неосторожным поцелуем в людном месте, ни, тем более, сексом в первую ночь.

– Мне нужно выпить, – сквозь зубы, процедил потрясенный Эммануэль.

– Это Америка, малыш. Здесь не пьют в такое время.

– Мне плевать, когда и в каких количествах пьют эти снобы.

– Ответь на мой вопрос, и я составлю тебе компанию.

Тон Миллера не допускал возражений, а закончить разговор в одностороннем порядке и оскорбить своего наставника, Эммануэль не позволил бы себе и под дулом пистолета. Молчание, тем временем, затянулось и стало удушливым.

– Я просто хотел человеческого тепла, – выдавил из себя Эммануэль. – У меня не было намерения воспользоваться ею.

Миллер встал и обошел стол. Прислонившись к нему, он посмотрел на своего подопечного глазами, исполненными гордости.

– В очередной раз я в тебе не ошибся, Мэнни. С малых лет ты был настоящим мужчиной и человеком с большой буквы. Ты пережил чудовищные, невообразимые страдания и потерял больше, чем кто-либо из всех, кого я знал. Но ты сохранил свое человеческое достоинство и любовь в своем сердце.

Эммануэль ощутил, как глаза обожгли горькие слезы и поспешил опустить голову. Миллер, в своей мудрости, нашел этот момент наиболее благоприятным, чтобы отправиться на кухню в поисках выпивки.

***

– Ну, как тебе здесь?

На столе между Эммануэлем и Миллером на серебряном подносе стояла пузатая бутылка шотландского и бутылка содовой. Миллер в приказном тоне распорядился смешивать в это время дня и поручил эту задачу своему ученику, укоризненно поджав губы, когда увидел пропорции коктейля, смешанного им для себя.

Эммануэль пригубил напиток и с удивлением обнаружил для себя, что сладковатый кентуккийский виски, чью основу составляет кукуруза очень неплох с содовой. Довольный своей находкой, он поспешил выпить еще. Миллер терпеливо ждал ответа, не сводя с него глаз.

– Неплохо, не так ли? И нет нужды напиваться. Здесь этого напитка в избытке, – сделал ударение на последней фразе произнес Миллер, наблюдая за тем, как его ученик смешивает себе очередную порцию.

– Что вы говорите?

– Я спросил – как тебе здесь?

Эммануэль окинул взглядом кабинет.

– Учитывая количество предметов старины, стоимость этого стола ручной работы и возраст книг на полках, думаю, нацисты счастливо давились бы слюной, опустошая ваш кабинет.

– Я не об этом, Мэнни, – хохотнув, уточнил Миллер.

– Паршиво, – без обиняков, ответил Эммануэль.

– Почему?

– Чертовски тоскливо и одиноко.

– Это лишь вопрос времени.

Миллер, как всегда, был безжалостен в своем житейском опыте.

– В условиях лишений, голода и страха за свою жизнь, люди делятся на два типа: одни остаются людьми до конца, другие становятся дерьмом. Ни первое, ни второе, не утаить. Это было, пожалуй, единственным плюсом на войне. Ты всегда точно знал, кто перед тобой.

– И что же? – глаза Миллера сияли живым любопытством за стеклами очков.

– Там были настоящие мужчины. Здесь одни пидарасы.

– Война, Мэнни, – немного помолчав, начал Миллер, – подобно матерому кузнецу, подтачивает восприятие человеком окружающего мира. И тебя ее влияние, разумеется, не обошло стороной. Более того, учитывая специфику твоих прошлых задач, она провела чрезвычайно кропотливую и успешную работу над твоими чувствами и реакциями. Дай этому мир шанс. Вот увидишь, он заиграет новыми красками. Нет-нет, – заметив, как потемнело лицо его ученика, поспешил заверить Миллер, – я не прошу тебя изменять своим принципам и перекраивать себя под новые для тебя реалии жизни. Я лишь советую тебе не быть столь строгим и радикальным в своих суждениях.

Немного помолчав и с явным наслаждением потягивая напиток, Миллер снова задал вопрос и тут же, не дожидаясь ответа, сам на него и ответил.

– Ты планируешь вновь встретиться с этой девушкой? Разумеется, ты планируешь. Иначе, и быть не может. В противном случае, она решит, что ты импотент, которому негде было переночевать.

В ответ на улыбку Миллера, которой тот сопровождал свое умозаключение, Эммануэль иронично вздернул левую бровь.

– Но тебя, наверняка, заботит другой немаловажный вопрос – что я намерен с тобой делать?

– Должен признать, что эта мысль посещала меня.

– И что ты сам об этом думаешь?

Эммануэль вздохнул и сделал глоток коктейля, чтобы немного потянуть время и собраться с мыслями.

– Я по сей день очень многого не знаю о вскормившей меня организации. Мой взгляд в будущее – это домыслы и предположения. Война окончена. В мирное время я, своего рода, рудимент, утративший возможность функционировать полноценно и приносить максимальную выгоду.

– Годы идут, ты взрослеешь, а я не перестаю удивляться твоей склонности к самоуничтожению и нивелированию личных достоинств. Правду говорят, что лучшие из нас полны сомнений, в то время, как идиоты, исполнены веры в собственные силы.

Миллер откинулся на спинку кресла и достав пачку сигарет из выдвижного ящика в столе, закурил.

– Не присоединишься?

Эммануэль отрицательно покачал головой.

– А я, похоже, никогда уже не смогу бросить эту привычку. Среди нацистов считалось хорошим тоном курить сигареты, особенно дорогие.

Миллер задумчиво посмотрел на алый кончик тлеющей сигареты.

– В скором времени, Мэнни, Великобритания откажется от претензий на территорию Палестины, а уже сейчас в кулуарах ООН идут обсуждения плана ее раздела. План этот вращается вокруг намерения выделить территории для образования двух новых государств: еврейского и арабского.

– Но семьдесят процентов населения Палестины составляют арабы. Они не освободят свою землю.

– Это не их земля и она никогда им не принадлежала по праву первого занявшего ее. На протяжении веков эту землю насиловали восстаниями и завоеваниями несчетное количество раз и сейчас сидящие в Палестине милостью благодетелей с мечами в руках, смеют утверждать, что они владеют ею. Первые еврейские племена были основаны там более трех тысяч лет назад, Мэнни, а потом начались притязания тех, кто своими кровопролитными походами пытался заслужить уважение отца или заполучить любовь шлюхи.

Глаза Миллера сверкнули недобрый блеском.

– Око за око и кровь за кровь. Слишком долго мы терпели гонения со стороны разного рода выродков. Некогда римляне преследовали нас и вот Италия стала фашистской, обгадившись на весь мир, а итальянцы в стремлении угодить захватчикам, подкладывали под них своих жен и детей. Французские короли и их подданные обвиняли нас в колдовстве и чуме, вместо того, чтобы помыться и прекратить неумно сношаться друг с другом и в итоге стали в привычную для них позу, когда во Францию вторглись нацисты. Немцы, в попытке продемонстрировать тотальное превосходство и вовсе возомнили себя единственной достойной размножения расой, но и у них пупок развязался. Видишь ли, Мэнни, эта война расставила все по своим местам и показала кто есть кто. Мы были одержимы жаждой выжить и защитить свой народ от гнета и смерти и в этом стремлении мы активно сотрудничали с советами и чуть менее активно с американцами, но к этому мы еще вернемся. Теперь, когда настанет время, Советский Союз и Америка окажут нам поддержку. А, как показала практика, с советами лучше не спорить. Эти ребята не просто не терпят всякого рода несправедливости, но их еще и много, а это именно то, чего всегда так не хватало нам. Америка же, в свою очередь, имеет значительный вес на международной политической и экономической арене, что тоже не останется без внимания, когда законопроект будет вынесен на обсуждение в ООН.

Миллер сделал паузу, чтобы перевести дыхание и смочить горло. Эммануэль же не расставался со своим стаканом.

– Как бы там ни было, все шакалы Ближнего Востока неминуемо восстанут против нас и все это предсказуемо закончится очередной войной с арабами в ближайшие несколько лет. Там то нам и пригодятся вновь твои таланты.

– Что же мне делать до тех пор?

– То, что ты умеешь делать лучше всего. Отлавливать нацистов.

***

Эммануэль ощутил, как, от прилива адреналина в кровь, сердце застучало где-то в горле. Тело знакомым образом воспрянуло, требуя активных действий.

– Успокойся, малыш. Я отсюда вижу, как у тебя зрачки расширились. Сначала выслушай меня. С советским ГРУ у нас сложились достаточно теплые и крайне взаимовыгодные отношения, основанные на обмене полезной информацией, в годы войны игравшей зачастую решающую роль. С американцами дело обстоит сложнее. Качество их внешней разведки оставляет желать лучшего, но, уверен, время научит их добывать сведения консервативным и деликатным характером. Что такое внутренняя разведка они и вовсе не представляют. Но мы, также, поставляли им немалое количество полезной информации в прошедшие годы, чем заслужили не только лояльность и уважение, но, также, вызвали у них обоснованные опасения. Они не представляют себе и приблизительных масштабов нашей сети, но даже то, на что способны их воображение заставляет их здорово потеть, ведь они не знают, что информацией мы не торгуем, а только обмениваемся. Как бы там ни было, нам это на руку. Дуэт здоровых опасений и уважения заставит их держаться на почтённом расстоянии. Между прочим, они уже сейчас разрабатывают проект своего разведывательного управления и учитывая внушительные финансовые возможности правительства Штатов, однажды нам придется считаться с тем, что и на нас будут нацелены линзы биноклей.

Смешав себе очередную порцию напитка, Эммануэль с живым интересом впитывал все, что говорил Миллер, сознавая, что тот прямо сейчас рисует перспективу его обозримого будущего.

– Думаю, на сегодня с тебя достаточно. Продолжим в другой раз, – внезапно подытожил Миллер.

– А как же моя работа?

– Ты только что вернулся с нее. Думал, я не дам тебе времени на отдых? Развлекайся и наслаждайся всем, чего был лишен все эти годы. Ты остаешься в Америке.

Эммануэль застыл в своем кресле так и не донеся стакан ко рту. Новость вышибла из него дух не хуже плотного удара в живот. Мозг еще не был в силах принять тот факт, что война осталась далеко позади, а тут его огорошили известием о том, что он будет жить в месте не похожем ни на одно другое на земле. Он свободен. Свободен делать все, что пожелает и ни в чем себя не ограничивать. А уже в следующее мгновение на него знакомой тяжестью обрушилось чувство одиночества. Если бы только он не был один здесь и мог разделить торжество победы и восторг от начала новой жизни с теми, кого любил.

Опрокинув в себя остатки напитка, он встал, чтобы поскорее выйти на улицу и найти какое-нибудь заведение, где можно напиться до состояния спасительного забытья.

– Постой. Я тебя еще не отпускал, – строго произнес Миллер и достав что-то из ящика в столе, встал вслед за Эммануэлем. – Во-первых, вот ключи от твоей новой квартиры. Она этажом выше в конце коридора. Я решил, что ни к чему транжирить ресурсы на твою охрану и выставлять за тобой наблюдение, если ты можешь жить в одном доме со мной. К тому же, в случае чего, ты всегда рядом. Во-вторых, ты не уйдешь, пока не пообедаешь.

Эммануэль смирился со своей участью и не стал возражать. Спустя час, когда с обедом было покончено, Миллер снова пригласил его в свой кабинет.

– Послушай, Мэнни, я вижу какие чувства тебя обуревают и знаю, что тебя гложет, но, хоть раз в жизни, сделай самому себе одолжение – опустоши разум, расслабься и насладись моментом. Сделай это также, как делал на войне, позабыв о стоящей за дверью смерти. Сейчас тебе снова требуется забыть о ней. У тебя куча денег на банковском счету и квартира в одном из самых престижных районов города. Воспользуйся этим и всем, что тебе только требуется, чтобы напомнить себе, что ты все еще жив.

Попрощавшись со своим наставником, Эммануэль сглотнул ком в горле, понимая, что ему придется переступить через самое себя, чтобы последовать его совету. Но самым ужасным было то, что он соглашался с необходимостью насильственного избавления от тлетворного влияния воспоминаний. Он должен был занять себя делом. Должен был создать новые воспоминания, чтобы выжить и не превратиться в удрученного жизнью призрака.

В холле его встретил Марко, ждавший очевидно, чтобы справиться у Миллера о новых распоряжениях на его счет. Тепло улыбнувшись ему, Эммануэль молниеносным движением выбросил левую руку в корпус итальянца. Печень является самой крупной железой в теле человека и в здоровом виде может весить до полутора килограммов. Являясь органом пластичным по своей структуре и окутанным множеством нервных волокон, напрямую связанных с вегетативной нервной системой, печень в месте удара сжимается, компенсируя свои размеры мгновенным раздуванием в противоположной части себя и сообщая в мозг информацию о понесенном уроне. При точном ударе тупым предметом, режущая боль будет поистине невыносимой, вызовет отдышку и может стать причиной потери сознания, а в исключительных случаях может даже привести к разрыву печени и последующей смерти. Трудность заключается в том, что большая часть печени скрыта реберным каркасом, и чтобы попасть в нее и достичь нужного эффекта, нужно обладать сноровкой и хорошо поставленным ударом. Отправив кулак точно в левый верхний квадрант брюшной полости, Эммануэль направил удар таким образом, будто хотел прямо через корпус наискосок достать до позвоночника своей цели. С шумом испутив дух, Марко сложился пополам и упав, скорчился на полу. Эммануэль присел на корточки рядом с ним, прислушиваясь к свистящему дыханию. Секунд через тридцать мужчина лег на бок и растянулся. Эммануэль снова одарил его дружеской улыбкой.

– Если еще раз вознамеришься наблюдать за тем, как я целуюсь с девушкой, я тебя убью, – безобидным тоном, пообещал он.

Прикрыв за собой дверь, Эммануэль направился к лестнице, перебирая пальцами ключи от нового жилья.

ГЛАВА 4

Квартира находилась в самом конце коридора между выходом на пожарную лестницу, закрепленную на торцевой стене дома и лестницей общего пользования. Миллер, по своему обыкновению, проявил свойственную ему предусмотрительность даже в таком, казалось бы, тривиальном деле, как подбор жилья. Отперев дверь выданным ему ключом, Эммануэль вошел и поразился размерам и роскоши своей новой квартиры. Просторный холл оканчивался громадной гостиной, чьи окна, благодаря угловому расположению квартиры, открывали вид сразу на два направления, заливая солнечным светом все помещение, окрашенное в белый цвет. Меблирование позволяло с комфортом расположить не менее дюжины гостей: две, усеянных симпатичными подушками, софы; три мягких кресла, небольшой обеденный стол, стоявший у окна и окруженный стульями с высокими спинками. На тумбе у противоположной стены имелся радиоприемник в изысканном резном деревянном корпусе. Из гостиной вела дверь в спальню и коридор на кухню. Стены в спальне были обшиты деревянными панелями, а кровать имела поистине королевские размеры по меркам человека не имевшего особых притязаний к спальному месту последние шесть лет. Пройдя через спальню и войдя в ванную, Эммануэль обнаружил для себя, что в ванной подобных размеров запросто уместятся двое и пообещал себе испробовать в будущем подобный вид досуга. Вернувшись в гостиную, он прошел через нее на кухню. Все в ней сверкало стерильной чистотой и дышало свежестью. Впервые в жизни Эммануэль поймал себя на мысли, что ему хочется принять гостей в своем доме и поделиться с ними тем, что он теперь имел в своем распоряжении. Прежде ему практически нечего было разделить с людьми, которые оказывались на его пути, но сейчас все было иначе. Подгоняемый жгучим желанием увидеть улыбку на лице единственного человека, которого он знал в городе, Эммануэль чуть ли не бегом отправился в ванную, чтобы принять душ и почистить зубы. Все туалетные принадлежности были на своих местах, словно ждали его появления. Побросав вещи на пол и пустив струи горячей воды, Эммануэль понял, что у него нет сменной одежды. Выцветшие джинсы, подаренные ему близким человеком во Франции много лет назад, и рубашка, найденная им там же в последние дни пребывания на войне, были его единственными вещами. В сумке, забытой им на пороге квартиры Миллера, были только ножи, зубная щетка да миниатюрный гребень. Обтеревшись мягким полотенцем, Эммануэль встал перед зеркалом, чтобы оценить свой внешний вид. Мускулатура была словно высечена из камня и бугрилась под кожей, исполосованной шрамами, взбухшими венами и испещренной пулевыми ранениями. Кое-где еще не сошли гематомы, полученные в последнем сражении с немцами и выделялись желто-зеленоватыми расплывающимися пятнами. Посмотрев себе под ноги, Эммануэль понял, что ему не очень хочется вновь натягивать на себя одежду не первой свежести. Нужно бы сдать ее в прачечную, но тогда ему не в чем будет ходить. Значит, придется отправиться в магазин, торгующий мужской повседневной одеждой. Гольшом покинув ванную комнату, Эммануэль, ведомый слабой надеждой, распахнул дверцы платяного шкафа в спальне и изумился увиденному. Миллер предусмотрел абсолютно все. Еще вчера в их первую встречу, наставник на глаз оценил его текущую комплекцию и отправил своего подопечного Марко за покупками. В шкафу висели несколько пар джинсов, хлопковые рубашки, костюм и плащ на случай непогоды. На небольших полочках лежало пол дюжины комплектов нижнего белья и носки нескольких цветов. Мысленно отблагодарив своего наставника за столь сердечную заботу, Эммануэль облачился во все новое и поспешил в холл, где на стене было закреплено зеркало в деревянной раме во весь его рост. Размер всей одежды был подобран идеально и в точном соответствии с его антропометрическими данными. Удовлетворительно хмыкнув, Эммануэль натянул ботинки, опустился на одно колено, чтобы зашнуровать их и его взгляд упал на приземистую этажерку, где стояли несколько пар новой обуви.

***

Выйдя на улицу и ощутив, как нещадно припекает солнце, Эммануэль расстегнул две верхние пуговицы на рубашке, до локтей закатал рукава и не спеша направился по уже знакомому ему маршруту в сторону Таймс-сквер. Несколько раз перейдя дорогу на другую сторону и обратно, он убедился в том, что на этот раз слежка отсутствует. Знакомого ему автомобиля в потоке движения не оказалось. Пройдя несколько кварталов и оказавшись на кольцевой развязке, Эммануэль свернул на Западную улицу и границей парка прошел до Седьмой авеню, где они с Дейзи минувшим вечером высадились из такси. Чтобы утолить жажду и удостовериться в отсутствии пешего сопровождения, Эммануэль, дойдя до Таймс-сквер, вошел в заведение, вывеска над которым гласила – «Холодные напитки». Заказав свежесжатый клюквенный сок с сахаром и несколькими кубиками льда, он уселся на высокий табурет у стойки, поглядывая в окно на улицу и провожая взглядом проходящих мимо людей. Бармен поставил перед ним высокий стакан с соломинкой. Избавившись от нее, Эммануэль разом наполовину опорожнил стакан. Терпкий привкус клюквы действовал бодряще. В годы подготовки его учили, что клюква обладает противовоспалительными свойствами, уменьшает влияние стресса и нормализует гормональный фон, советуя, при любой возможности, употреблять ее в пищу. Возможностей таких, разумеется, было не так много. Расплатившись мелочью, перекочевавшей из кармана старых джинсов в новые, и допив свой напиток, Эммануэль поблагодарил бармена и вышел на улицу. Похоже, Миллер решил сегодня снять с Марко часть его обязанностей. Направившись в «Банк Америки», где уже был вчера незадолго до знакомства с Дейзи, чтобы снять немного наличных, он, уже с менее предвзятым отношением, глазел по сторонам, всматриваясь в витрины магазинов, ассортимент лавочников, вывески разнообразных заведений и лица людей. Едва ли не на каждом углу неокрепшим визгливым голосом горланили мальчишки, предлагая прохожим купить у них свежую газету. Чернокожие мужчины стояли с деревянными коробами похожими на чемоданы рядом с парикмахерскими и табачными лавками, за гроши продавая услуги чистильщиков обуви. Посреди площади парень с длинными волосами не старше Эммануэля играл на саксофоне, искусно извлекая из музыкального инструмента незнакомую, но чарующую, сентиментальную мелодию. У его ног покоилась шляпа, в которую каждый мог бросить столько, сколько хочет. Остановившись, Эммануэль заглянул в нее. На дне головного убора лежали лишь несколько грязных пенсов. Достав из кармана хрустящую купюру, он, даже не ознакомившись с ее достоинством, аккуратно положил ее к монеткам. Посмотрев в лицо музыканта, Эммануэль заметил, как по его вздутой от напряжения щеке почти незаметно скользнула слеза. В который раз проклиная этот мир, Эммануэль быстро унес оттуда ноги. Перед входом в банк его встретил бродяга неопределяемого возраста. Местами поседевшие волосы были всклокочены. Кожа, от постоянного пребывания под солнцем, приобрела бронзовый оттенок и кое-где начала отслаиваться. Сидя прямо на асфальте в костюме, когда-то имевшем, предположительно, серый цвет, бездомный, не поднимая головы, лодочкой сложил ладонь в просящем жесте. Невообразимо разило кислым запахом застарелого пота. Из вращающихся дверей банка, размахивая дубинкой, выскочил упитанный охранник.

– А ну проваливай отсюда, вонючка! Здесь не приют для бездомных!

Приблизившись, он пнул бродягу по ноге и тот поднял на обоих несчастные глаза. Единственное живое место, в котором еще теплился слабый огонек надежды. Бродяга не понимал почему и за что его прогоняют. Ему было невдомек, что он мозолит глаза тем, кто не желал знать оборотную сторону жизни.

– Простите, сэр, – обратился охранник к Эммануэлю, – я сейчас же выгону его отсюда. Каждый день сюда возвращается. Из-за таких, как он, страдает репутация банка.

– Пнешь его еще раз, и я запихну эту дубинку в твою откормленную задницу, – рыкнул Эммануэль.

Охранник побледнел и немного помявшись, и оценив внешний вид стоящего напротив, ретировался восвояси. Эммануэль вновь сунул руку в карман и выгреб из него все, что там оставалось – сумма довольно солидная, особенно по меркам голодающего. Присев на корточки, он заглянул в тусклые глаза бездомного.

– Держи, друг.

Положив все деньги в ладонь мужчины, Эммануэль сжал ее своей рукой в кулак. Подбородок мужчины задрожал. В глазах стояли слезы самой искренней благодарности, на которую только способен человек. Человек изо дня в день живущий впроголодь.

– Спасибо, – прохрипел он голосом человека долгое время ни с кем не разговаривавшего.

– Нам отщепенцам нужно держаться вместе, – произнес Эммануэль. – Тебе, действительно лучше уйти отсюда, иначе, когда я выйду из банка, вернется этот поц и снова начнет приставать к тебе, а то и полицию вызовет.

Бедолага с трудом поднялся на ноги и с печальным достоинством человека, знававшего лучшие времена, сунул деньги в карман.

– Ступай, – подбадривающе кивнул Эммануэль и тот с низко опущенной головой, медленно поплелся по тротуару, держась стен зданий, чтобы не попадаться на пути прохожих, старательно делающих вид, что его не существует.

Эммануэль провожал его взглядом. Пройдя небольшое расстояние, бродяга извлек из кармана смятые купюры и пересчитав их, обернулся. На секунду они встретились взглядами, а потом Эммануэль ушел, скрывшись в полумраке громадного холла «Банка Америки». Предъявив документы, полученные им накануне у Миллера, он снял со своего счета пятьсот долларов. Кассир, выдававший ему эту сумму, с сомнением окинул взглядом владельца столь внушительных средств. Заверив подписью документ, свидетельствующий о передаче ему денежных средств, Эммануэль небрежно сунул в карман толстую пачку купюр и вышел на улицу.

***

Миновав площадь, Эммануэль заметил патрульного, усталой походкой прохаживающегося вдоль улицы. Нагнав его, он поздоровался и попросил того помочь ему найти адрес, который выучил наизусть. Патрульный – обильно потеющий мужчина средних лет, с хмурым лицом стража закона – в подробностях объяснил ему как добраться до желаемого места, упомянув при этом несколько ориентиров. Поблагодарив полицейского, Эммануэль отправился проложенным маршрутом, запоминая все, что видел вокруг и рисуя в уме карту местности, столь непохожей на множество тех, что засели в его голове за годы войны. Свернув в указанном месте, Эммануэль оставил позади винный магазин на углу, на который ему было наказано ориентироваться, и издали увидел дом Дейзи. Ему не терпелось увидеть теплую и неподдельную улыбку на лице девушки. В последний раз переходя дорогу, он заметил справа от себя небольшую лавчонку торговца фруктами. Плоды выглядели столь аппетитно, привлекая внимание своими сочными цветами, что он поддался возникшему импульсу и купил всего понемногу. Там были душистые, пахнувшие цедрой, апельсины, красные яблоки, груши, бананы и даже кустистый, пожелтевший от зрелости, ананас. Расплатившись, он взял подмышки два нагруженных до верха бумажных пакета и поспешил к подъезду, но едва оказавшись перед дверью, понял, что не знает, как попасть внутрь. Дверь открывалась ключом, которого у него не могло быть, а о консьерже в подобных домах и речи быть не могло. Можно было просто начать тарбанить в дверь, надеясь, что кто-нибудь из жильцов первого этажа откроет ему, но не хотелось создавать неприятности Дейзи, вызвав на себя гнев ее соседей. Пожарной лестницы тоже не было. Поставив пакеты на ступени, Эммануэль спустился вниз и растерянно осмотрелся. Торговец фруктами не сводил с него любопытствующего взгляда. Не оставалось ничего другого.

– Дейзи! – закричал Эммануэль, подняв голову к окнам девушки.

Спустя несколько секунд, окно распахнулось во всю ширину и снаружи показалась голова девушки. На ее лице сияла улыбка. Увидев его, она громко рассмеялась и исчезла. Через

несколько минут, входная дверь открылась, и она выбежала к нему и повисла на его шее. В душе потеплело, и Эммануэль прижал к себе девушку так сильно, что та пискнула от удовольствия.

– Я же обещал, что приду за тобой, – произнес он, когда удалось высвободиться из цепких объятий.

– Да! – возмущенным тоном, ответила она, словно он подумывал о том, чтобы нарушить данное слово.

– Ты помнишь, что задолжала мне мытье посуды?

– А что? Ты хочешь накормить меня ужином?

Ребяческий тон, которым говорила девушка, умилял Эммануэля, сражая наповал и не давая возможности перестать улыбаться.

– Очень хочу, – честно ответил он.

Дейзи не мигая смотрела ему в глаза, кажется не веря до конца в то, что он, действительно, пришел к ней. Эммануэль точно знал какие чувства завладели девушкой в этот самый момент, потому, как и сам был изрядно растерян. Одним своим видом Дейзи вызывала в нем обильный прилив нежности.

– Пойдем, – нарушил он неловкую тишину. – Я помогу тебе с пакетами и отправимся ко мне.

– К тебе? Ты уже подыскал себе жилье?

– Ну, ты же должна где-то мыть посуду, – развел он руками.

– Ничего себе! Какой ты хитрый! А что в пакетах?

– Это тебе. Там фрукты.

– Спасибо, – растягивая слово, поблагодарила девушка и смачно поцеловала его в щеку.

Когда они поднялись в квартиру и дверь за ними закрылась, Эммануэль тотчас же заключил девушку в объятия и поцеловал. Дейзи с готовностью и жадной отвечала на его долгий поцелуй и томные движения языка.

***

Вопреки расхожему мнению о том, что барышни мучают своих кавалеров слишком долгим ожиданием, чтобы принарядиться и выйти в люди, Дейзи собралась за несколько минут. Надев легкое белое платье в цветочек и расчесав густые волосы, она побросала в сумку предметы интимного женского туалета и сменную одежду и была готова к выходу. Эммануэль с интересом наблюдал за ее сборами. В воздушном платье и белых туфельках на низком каблуке, девушка выглядела восхитительно, излучая свежесть и энергичность молодости. Торопясь, Дейзи забавно шлепала босыми ногами по квартире, чтобы не заставлять его ждать, чем напоминала ему уточку, потешно шлепающую перепончатыми лапками по полу.

– Я готова, – возвестила она, сунув в сумку расческу, которой, напоследок прошла по волосам.

В новое жилище Эммануэля было решено идти пешком. Как оказалось, Дейзи очень любила гулять в компании. Ее интересовали не столько развлечения, в изобилии предлагаемые большим городом, сколько возможность просто покинуть четыре стены и прогуляться с кем-то, кому это интересно. Кандидатура Эммануэля в данном случае оказалась как нельзя более подходящей. Молодой человек с любопытством оторванного от цивилизации, заглядывал в каждую витрину и знакомился с каждой вывеской и рекламной афишей. Нью-Йорк буквально дышал жизнью. В самой широкой части Таймс-сквер, ломая шею, чтобы ничего не упустить из внимания, Эммануэлю попался на глаза кинотеатр. Большие белые буквы на светящейся огнями панели над входом гласили – «Том и Джерри». Название ничего ему не говорило, но афиша, стоящая на четырех ногах возле кабинки кассира, пестрела и завлекала яркими красками.

– Хочешь посмотреть? – увидев, как зажглись его глаза, спросила Дейзи.

– Хочу, – честно признался Эммануэль, до конца не понимая, чего именно он хочет.

Они перебежали дорогу, и Эммануэль смог рассмотреть, нарисованную талантливой рукой художника, афишу.

– Что это? – спросил он Дейзи.

– Это мультфильм.

Прочитав недоумение в глазах Эммануэля, Дейзи в конец растерялась.

– Ты что, никогда не видел мультфильмов?

– Нет.

– Быть того не может. Ты ведь не вчера родился.

– Как сказать... – прошептал он себе под нос.

– Это о противостоянии кота и мышонка. Том строит козни, чтобы поймать Джерри и избавиться от него. Три мультфильма из серии даже победили на вручении «Оскара».

– Что?

Дейзи склонила голову и слегка прищурилась. Девушка была далеко не глупа и начала понимать, что Эммануэль был не просто оторван от жизни прошедшие годы.

– За мной.

Она потянула его за руку к окошку кассира.

– Вообще-то, этот мультфильм обычно транслируется перед кинофильмом, – принялась пояснять Дейзи. – Они очень короткие и люди с удовольствием их смотрят. Некоторые даже приходят только ради мультфильма, а на киносеанс не остаются.

– Добрый день. Вы сегодня показываете «Тома и Джерри»? – обратилась она к подростку, сидящему в тесной конторке.

– Да, мэм. До десяти часов вечера только мультфильмы, а далее кино. Один сеанс длится час и вмещает показ восьми серий.

– Здорово! – просияла Дейзи. – Пойдем? – обернулась она к Эммануэлю.

Тот улыбнулся в ответ и кивнул.

– Два билета, пожалуйста.

Эммануэль осторожно вытянул из кармана одну из множества купюр номиналом в десять долларов и протянул кассиру. Паренек выкатил на него глаза.

– Простите, сэр, но у меня не найдется сдачи с десятки. Еще слишком рано и касса почти пустая.

Эммануэль растерялся, не зная, что ему делать с этим известием и даже подумал о том, чтобы вернуться в банк и попросить размен, но Дейзи торопливо извлекла из сумочки мелочь и положила на прилавок. Кассир вручил ей два билета, и она увлекла его за собой в кинотеатр. Холл кинотеатра представлял собой помещение, сравнительно, скромных размеров. На полу был постелен ковер ярко-алого цвета, а стены обшиты деревянными панелями. За небольшой стойкой у стены слева, девушка, судя по всему ровесница кассира, предлагала посетителям приобрести напитки и закуски.

– Хочешь попкорн? – поинтересовалась Дейзи.

– Что это?

– Знаешь, когда окажемся дома, тебе придется ответить мне на несколько вопросов.

Эммануэлю стало неловко от своей неосведомленности о самых простых для рядового американца вещах, и он решил, что будет лучше помалкивать и соглашаться на все предложения, нежели выглядеть пещерным человеком в глазах девушки.

– Будьте добры, два пакета попкорна и две колы, – попросила Дейзи продавщицу.

Девушка подошла к аппарату со стеклянными стенками, открыла одну из них и специальной лопаткой наполнила два бумажных пакета воздушной кукурузой. Эммануэль поджал губы. Ему уже приходилось видеть, как на обычной сковороде зерна кукурузы лопаются, превращаясь в воздушное лакомство, только их называли не попкорном, а сушеной жареной кукурузой. Но видел он это лишь единожды. На войне, подобное применение продукта, исполь-

зуемого для получения муки, считалось диким расточительством. Заплатив за товары, Дейзи передала Эммануэлю его пакет и бутылку газировки и увлекла его в темный коридор, отделенный от холла непроницаемым, черным полотном ткани. За ним оказался небольшой и почти пустой кинозал, лишь несколько семейных пар с детьми да мальчишки начального школьного возраста сидели на передних рядах, радостно щебеча и похрустывая закусками. Дейзи направилась было по проходу к среднему ряду сидений, но Эммануэль, повинувшись выучке, остановил ее и указал на последний ряд, откуда можно было наблюдать не только за происходящим на экране, но и всяким вошедшим в помещение. Дейзи на секунду вспыхнула, но тут же взяла себя в руки и последовала за мужчиной. Как только они устроились, лампы накаливания под потолком потушили и полотно осветилось картинкой, транслируемой проектором из будки киномеханика где-то над их головами. Изображение несколько раз дрогнуло, выровнялось и начался показ. Название гласило – «Кот получает пинка».

– Это самая первая серия, – горячо зашептала Дейзи в ухо Эммануэля. – За нее создатели номинировали на «Оскар».

Эммануэль ничего не понял, но с готовностью кивнул в ответ.

– Здесь кота еще зовут Джаспером, а мышонка Джинксом, но немногим позже их переименовали в Томаса и Джерри.

Прежде Эммануэлю не доводилось смотреть столь насыщенных красками кинокартин. Он, вообще, всего лишь раз в своей жизни видел кино, да и то было черно-белым. Не мигая он следил за происходящим, пока в один момент не разразился громогласным хохотом, заставив остальных присутствующих вздрогнуть и обернуться в поисках человека, которому принадлежит смех. Когда его в очередной раз скрутило от хохота, вызванного бестолковыми и безрезультатными попытками кота поймать мышь, Дейзи заразилась его реакцией и глядя попеременно то на него, то на экран, тоже начала смеяться. Когда изображение погасло в преддверии новой серии, Эммануэль привлек лицо Дейзи к себе и поцеловал ее в губы. Кинозал снова залил свет проектора, и они с трудом оторвались друг от друга.

– Ты не прикоснулся к своему попкорну, – прошептала Дейзи ему в ухо.

– Я занят. Смотрю мультфильм, – строгим голосом, ответил Эммануэль.

Девушка взяла небольшую горсть попкорна и принялась кормить его самостоятельно. В какой-то момент, когда ее тонкие пальцы коснулись его губ, он не сдержался и облизнул их. Дейзи с шумом выдохнула и притихла, справляясь с приливом эмоций. День обещал быть чудесным.

***

Как и было обещано парнем на входе, им показали восемь серий мультфильма. Покидая кинотеатр, Эммануэль ощущал, как натужно ноют мышцы живота. Ни разу до сего дня он еще не смеялся так много и так продолжительно. Дейзи взяла его под руку, и они продолжили свой путь на Восьмую авеню. Достигнув Западной улицы у границы парка, они остановились, им встретился бездомный, которому Эммануэль несколькими часами ранее отдал оставшиеся у него деньги со вчерашнего дня. Только сейчас, изучая цены на прилавках и в витринах магазинов, он начал сознавать, насколько крупную сумму получил от него этот человек и надеялся, что тот воспользуется ею с умом. По прикидкам Эммануэля, в собственности мужчины оказалось не менее тридцати долларов, в то время, как гамбургер и кола стоили двадцать центов. Припомнив их встречу, он понял, что от бездомного совсем не пахло алкоголем, а значит он не пропойца, который спускает всю мелочь на выпивку. Бродяга сидел на скамейке у входа в парк и жадно поглощал гамбургеры, запивая их газировкой. Ощувив на себе посторонний взгляд, он поднял голову и заметил своего благодетеля. Эммануэль улыбнулся ему. В ту же секунду бродяга вскочил с насиженного места и, чуть ли не бегом, устремился к ним. Дейзи напряглась и сделав шагок назад, прижалась к Эммануэлю.

– Мистер, мистер, – сбивчиво затараторил несчастный, не веря в удачу, свалившуюся на его голову, – вы спасли мне жизнь. Как мне вас благодарить?

По лицу мужчины заструились слезы, скрываясь в бороде испачканной соусом от гамбургера.

– Как вас зовут?

– Фрэнк, мистер. Фрэнк Кейн.

– Вам нужно найти себе жилье, Фрэнк, и обзавестись работой. Распорядитесь этими деньгами с умом.

– Вы правы, мистер. Именно так я и поступлю.

Было заметно, что мужчина хочет сказать что-то еще, слова просились из него наружу, но он посмотрел на притихшую Дейзи и присмирел, опустил голову, устыдившись того, что своим видом напугал девушку. Несмотря на то, что этот человек имел вид оборванца, ночевал на улице и не имел за душой и гроша, он сохранил хрупкое достоинство человека, не желающего своим присутствием смущать женщину. Он уже развернулся, чтобы убраться и вернуться к своему нехитрому обеду, когда Эммануэль сделал шаг вперед, оставив Дейзи позади.

– Фрэнк.

Мужчина обернулся и его глаза просияли, когда он увидел протянутую ему руку. Рукопожатие на удивление оказалось крепким.

– Удачи, – искренне пожелал Эммануэль.

Мужчина ответил ему твердым кивком и ушел.

– Интересные же знакомства ты заводишь, – констатировала Дейзи, когда они продолжили свой путь.

– Я столкнулся с ним возле банка на площади и дал ему немного денег.

– В Америке очень много нищих еще со времен великой депрессии. Если будешь подавать милостыню всем, кто ее просит, то вскоре и сам присоедишься к ним.

– Жизнь потеряет всякий смысл, если вовсе этого не делать.

– Так значит в душе ты меценат?

– Разве что, в современной интерпретации этого термина. Этот человек ведь не художник и не поэт.

– Что ты имеешь в виду?

– Гай Цильний Меценат. Никогда не слышала о таком?

– Нет.

– Он был известным покровителем деятелей искусства и науки и безвозмездно жертвовал им деньги из личных средств.

– Значит, покровитель? – не унималась Дейзи, изучая ход его мыслей.

– Нет же. Просто меня учили защищать слабых и помогать обездоленным всем, что я имею в своем распоряжении.

– Защитник, – торжественно произнесла Дейзи.

Эммануэль ничего на это не ответил, с болью в сердце припомнив всех, кого защитить он не смог. Тем временем, они уже оказались рядом с его домом, и он вспомнил, что у него нет продуктов. Хотя Миллер мог позаботиться и об этом, ему не хотелось вновь возвращаться на улицу в случае, если холодильник все же окажется пустым, а во время обхода своего нового жилья, ему и в голову не пришло проверить его.

– Мы можем зайти в бакалейный магазин?

– Конечно. Что ты хочешь купить?

– А что ты умеешь готовить?

Дейзи рассмеялась и чмокнула его в щеку.

– Может стоит сделать это поближе к дому, чтобы не нести пакеты по такой жаре?

– Но мы уже пришли.

Эммануэль махнул рукой в сторону многоэтажного дома, больше походящего на отель.

– Ты живешь здесь? На Восьмой авеню?

– Угу.

– Похоже, ты хорошо зарабатывал в Европе, – не сводя глаз с, сверкающего в свете солнца, дома, произнесла Дейзи.

Эммануэль снова предусмотрительно промолчал.

***

Когда с восторгами было покончено, они вдвоем принялись разбирать покупки. Открыв холодильник, Эммануэль рассмеялся и в очередной раз мысленно поблагодарил своего наставника за отцовскую заботу, от которой щемило сердце. Холодильник был забит продуктами. Кое-как присовокупив только что купленные продукты к тем, что уже имелись на полках, Эммануэль уселся на подоконник и принялся наблюдать за девушкой. Дейзи кружилась по кухне, словно не раз бывала здесь, на интуитивном уровне понимая, что и где находится. Умелое воспитание девочки ее матерью давало о себе знать и вскоре свиные отбивные уже шкварчали на сковородке, испуская аппетитный аромат, в кастрюльке варился стручковый горох, а на соседней конфорке на слабом огне кипел картофель. Дейзи аккуратно нарезала фрукты и искусно складывала их на большое блюдо. Эммануэлю пришлось по душе ее реакция на его жилище. Девушка с удовольствием обошла все помещения и поздравила его с новосельем. От его внимания не укрылось, что Дейзи не избалована роскошью и, по-доброму, без тени зависти, наслаждалась обстановкой дорогой квартиры. «Из таких девушек получаются лучшие жены, – промелькнула в его голове смутно знакомая мысль». Сам Эммануэль, привыкший к спартанским условиям жизни и никогда не роптавший на испытания, которым его годами подвергала жизнь, ловил себя на мысли, что внезапно свалившийся на его голову комфорт не имеет для него ровно никакого значения и лишь теперь, когда видел улыбку на лице Дейзи, он наслаждался тем что имеет и чем может порадовать девушку, разделив с ней эти блага. Лишь в этом для него была ценность мирной жизни и денег, пришедших вместе с ее наступлением. Все остальное имело для него второстепенное значение. Он был прежним человеком с архаичным, глубоко укоренившимся в подкорку, стремлением победить и выжить, окружить защитой тех, кто ему дорог и не уронить своей чести. Деньги в этом последний помощник. Излишний комфорт и роскошь способны лишит человека холодного рассудка, врожденной способности к сопереживанию и эмпатии, превратив его в апатичного, равнодушного пустослова, неспособного уразуметь, что мир полон несчастных, которым жизнь попросту не дала шанса проявить себя, заставляя довольствоваться жалкими крохами. Для таких людей само понятие человечности и взаимовыручки теряет всяческий смысл, а единственное, что способно привлечь их внимание – это возможность приумножить средства, воспринимаемые ими, как каменная стена, возводимая для защиты от окружающих их миазмов. Эммануэль с легкостью променял бы свое, неизвестно зачем нужное ему, состояние на возможность снова встретиться с теми, кто пал на войне жертвами вражеских пуль, пыток и голода. «Бедные люди – сильные люди, – припомнил он старую японскую пословицу». И все богатства мира не способны замечать стального блеска в глазах мужчины, обремененного честью и несгибаемым достоинством. Мужчина рассчитывающий на уважение в обществе и полагающийся лишь на свой социальный статус и неисчерпаемость финансовых ресурсов, не мужчина, вовсе. Обычный мудозвон с претензией на особые привилегии. Такие ввиду вопиющего малодушия начнут всерьез задаваться вопросом – отчего же мои деньги не поставили его на место – и вопить громче других, когда начинаешь втоптывать их в землю. Им никогда не стать подлинными лидерами в глазах масс, коими они тшятся быть, наслаждаясь властью и полномочиями. Лидерство – это служение. Лидерство – это самоотдача. Лидерство – это защита. Ждать, что подобные качества будут присутствовать в том, кто считает себя пастухом, съедающим со своими псами больше овец, чем волк, попросту глупо.

Вздыхнув от безысходности, Эммануэль посмотрел на город, раскинувшийся внизу и снова обратил свой взор на Дейзи. Девушка приготовила картофельное пюре и раскладывала его по тарелкам, складывая рядом стручки гороха. Отбивные уже ждали своего часа на столе, стопкой сложенные на блюде. В этот самый момент Эммануэль ощутил нестерпимое желание заключить девушку в объятия и увести в спальню. Наблюдая за тем, с какой заботой она готовит ужин и как сияет своей простой, источающей нежность, красотой, он едва сдерживался, чтобы не прервать ее приготовления. Для себя он решил, что будет со всей возможной для него тактичностью относиться к девушке до тех пор, пока его силы не иссякнут и похоть не возобладает над его самоконтролем, но чем больше он пребывал в обществе Дейзи, тем явственнее ощущал, как эти самые силы покидают его. Вряд ли суровая привычка брать без спроса и лишних прелюдий однажды покинет его и уступит место покладистости и мягкому, терпеливому нраву.

Наконец, совершив последние приготовления и разлив апельсиновый сок по стаканам, Дейзи пригласила его к столу, и Эммануэль с аппетитом набросился на горячую пищу. Мясо истекало соком и оказалось изумительным на вкус. Впервые оказавшийся во рту стручковый горох, купленный по настоянию Дейзи, тоже не разочаровал его, и он задался вопросом – Сколько же еще маленьких открытий ждет его в обществе этой девушки? Когда тарелки опустели, Эммануэль составил их в раковину и пустил воду.

– Эй, сегодня мне полагается мыть посуду, – надула губки Дейзи.

– Я пошутил. У меня в гостях ты не будешь этого делать.

– Неужели, никогда?

– Там, откуда я родом, повар не моет посуду.

– Хотела бы я оказаться в тех краях.

Когда Эммануэль закрыл кран и обернулся, он обнаружил, что девушка задумчиво изучает содержимое своего стакана.

– Я хочу поговорить с тобой.

– Попробуй.

– Для этого мне потребуется напиток покрепче. У тебя что-нибудь найдется?

– Возможно.

Открывая полки буфета одну за другой и изучая их содержимое, он нашел несколько бутылок виски, бутылку рома и две бутылки водки.

– А ты предусмотрителен, – оценила Дейзи его запасы, стоя за его спиной.

– Мой друг позаботился о том, чтобы я с комфортом ассимилировался в новом месте, – усмехнулся Эммануэль.

– О, это для меня! – воскликнула Дейзи и потянулась к бутылке вина, притаившейся в заднем ряду.

Откупорив вино для Дейзи и виски для себя, Эммануэль разлил напитки, и они с удовольствием устроились за небольшим столиком в гостиной прямо у распахнутого окна.

– Чудесная квартира, – вздохнула Дейзи, окинув гостиную взглядом. – Поздравляю тебя!

Они стукнулись стаканами и одновременно выпили.

– И чудесное вино, – добавила Дейзи, причмокнув губами.

Эммануэль откинулся на спинку стула, не помня, когда в последний раз чувствовал себя так хорошо. На пределе своих ментальных сил он следовал совету Миллера, стойчески отгораживаясь от мыслей о том, почему он прибыл в Америку в полном одиночестве. Получалось довольно сносно и ему уже начало казаться, что он открыл в себе новую способность. Способность закапывать боль глубоко внутрь себя, где ей самое место до тех пор, пока он в очередной раз не решит поговорить с ней тет-а-тет. Но даже к встрече с разрушительными последствиями он будет готов, если отправится на нее по своей воле.

– Чем ты, на самом деле, занимался в Европе?

Дейзи хитро улыбалась, но это была неловкая улыбка самообороны и прятались за ней смущение и страх влезть на чужую территорию, куда ее пока не приглашали.

– Работал, – решил слукавить Эммануэль и посмотреть, куда их обоих заведет эта беседа.

Дейзи быстро отхлебнула вина и продолжила. Эммануэль неспешно потягивал свой виски в предвкушении прогулки по дебрям семантики и софизмов.

– Но кем именно ты работал?

– Я ведь уже отвечал тебе на этот вопрос, не так ли?

– Мне кажется, ты мне соврал, – снова надула губки Дейзи.

– А почему для тебя столь важно узнать обо мне всю правду едва мы познакомились?

– Я не хочу влюбиться в человека, не зная о нем ничего, кроме того, что он сам о себе наврал.

В этот самый момент, когда на него устремился взгляд честных голубых глаз Дейзи, подернутых пеленой слез, а челюсти ее крепко сжались в готовности принять удар судьбы в том случае, если он не оправдает ее надежд, Эммануэль понял, что перед ним сидит его женщина. Ее, стоившая ей заметного усилия над собой, прямолинейность, в истовом стремлении не дать очередному мужчине воспользоваться своей добросердечностью, пробудила в нем таившегося защитника и растревожила сердце, переполненное любовью, отчаянно рвущейся наружу, чтобы оказаться, наконец, в руках нуждающегося в ней и заслуживающего ее человека. Неспешно размышляя над постигшим его откровением, Эммануэль опорожнил стакан и вновь наполнил его золотистой, в свете заходящего солнца, жидкостью.

– Как прекрасен может быть обычный закат солнца, ты не находишь?

Дейзи проследила за его взглядом и прищурилась от пронзительных лучей, уходящего на заслуженный отдых, солнца.

– Я столько раз боялся, что вижу его в последний раз. Даже в моменты, когда у меня не было сил пошевелить рукой, а душа разрывалась от боли за тех, кого я не смог спасти, я надеялся, что увижу его вновь. И вот сейчас я остался совсем один, предательски радуясь, что последний луч солнца ласкает мое лицо.

По лицу Эммануэля потекли слезы. Он никогда не имел привычки прятать своих чувств и сейчас не стал скрывать от девушки лицо, сохранившее каменное выражение даже в мгновения болезненных воспоминаний. Дейзи соскользнула со своего места и встала на колени у его ног, заглянув ему в глаза.

– Что с тобой случилось? Расскажи мне.

Глаза девушки были переполнены отвагой перед тем, что она хотела услышать. Эммануэль выдохнул, сделал глоток виски и взял себя в руки, моментально закрывшись от едких картин прошлого.

– Присядь.

Дейзи неохотно повиновалась.

– Я был диверсантом, Дейзи. Хотя надо полагать я им и остался. Ты знаешь кто такой диверсант?

– Нет.

– Это некто вроде партизана, только выполняющий задачи на вражеской территории. В мои задачи входило подрывать деятельность противника, минимизируя количество жертв его преступлений.

Глаза Дейзи остекленели. Девушка была шокирована услышанным и не могла понять какой вопрос ей стоит задать следующим. Тогда Эммануэль решил продолжить сам, соблюдая осторожность в сведениях, в которые посвящал девушку.

– Я занимался этим по всей Европе на протяжении всей войны. Но вот война окончилась, и я оказался здесь.

– Ты ведь еврей, да?

– Да, Дейзи, я еврей.

– Почему же ты не вернулся на родину?

– Потому что не я принимаю решения, а люди, на которых я работаю.

– Кто эти люди?

– В течение войны они преследовали общую с русскими цель – противостоять нацистам. Эти люди нашли меня и воспитали, подготовив к тому, чем я занимался последние годы.

– А твоя семья?

– У меня никого нет. Я сирота.

Взгляд Дейзи был полон сочувствия. Девушка едва не плакала.

– Значит, ты теперь будешь работать в Америке?

– Мне лишь сказали, что я остаюсь здесь. Чем именно я буду заниматься, мне еще неизвестно.

Воцарилась тишина. Солнце почти скрылось за линией горизонта, исполосованной высокими домами Нью-Йорка, и окрасило небо в цвет киновари. Эммануэль продолжал пить. Поднятая в разговоре тема, к его удивлению, не тяготила его, и он мирно ожидал созреть ли Дейзи для нового вопроса.

– Как ты жил на войне?

– День за днем.

Девушка поняла, что на сегодня достаточно и этот разговор окончен. Выпив, она улыбнулась. Неисчерпаемый задор молодости толкал ее вперед, не позволяя терять времени на грусть и тягостные размышления.

– Теперь мне понятно отчего ты осматриваешься вокруг так, словно с Луны свалился. Я рада, что мне выпала возможность стать твоим проводником в цивилизованную жизнь.

Эммануэль рассмеялся словам девушки произнесенным безобидным тоном. Пройдя в другой конец гостиной, он включил радио и настроил его на станцию, передающую неспешные, душевные мотивы джазовой музыки, наполнившие помещение. Небо за спиной Дейзи приобрело голубовато-синий оттенок, предвещая наступление ночи. Возвышаясь над девушкой, Эммануэль остановился рядом с ней. Дейзи смотрела на него глазами полными надежды и робкого предвкушения. Внутренний взор содрогнулся от просочившихся воспоминаний из прошлого и в яром стремлении дать им бой и не лишиться рассудка, Эммануэль спустил с цепи свою похоть. Подняв Дейзи на руки, он не хуже инкуба впился в нее губами. Слившись в страстном поцелуе, одурманенный нежностью и податливостью юного тела, он принес ее в спальню. Когда его рука потянулась к выключателю, чтобы зажечь свет, уткнувшись лицом в его плечо, девушка попросила не делать этого. Уложив Дейзи на кровать, Эммануэль принялся осыпать ее шею поцелуями, стаскивая с нее платье и опускаясь к груди. Не выдержав настойчивых движений его рук, девушка тяжело застонала. Отвернувшись и пряча лицо в складках хлопковых простыней, Дейзи вскоре сорвалась на крик и задрожала всем телом. Лицо девушки пылало пунцовым румянцем в свете, сочившемся сквозь неплотно прикрытую дверь. Даже находясь на вершине блаженства, она не повернула к нему своего лица, смущаясь бурной реакции своего тела. Доведенный этим зрелищем до состояния неистовства, Эммануэль сделал несколько особенно глубоких вдохов и отстранился. Не сводя, хищного взгляда, привыкших к полумраку, голубых глаз с девушки, которую продолжала бить мелкая дрожь, он слез с кровати и принялся методично снимать с себя одежду, один предмет за другим. Услышав шелест снимаемых вещей, Дейзи повернула голову. На какое-то мгновение в ее глазах промелькнул испуг от увиденного силуэта его форм, но она взяла себя в руки и справилась с охватившими ее эмоциями, протянув руки и позвав его к себе. Эммануэль понимал, что девушка стесняется собственного откровенного вида и непривычного положения беспомощной жертвы в ожидании настигнувшего ее охотника. Непривыкший считаться с чужой робостью в столь деликатных вопросах, как секс, Эммануэль, с видом полного превосходства над ситуацией, вернулся в постель. Когда он

железной хваткой брал бедра Дейзи в свои руки, она не сводила с него глаз, чтобы, уже спустя одно особенно волнительное мгновение, закатить их от наслаждения и застонать во весь голос.

***

Часы показывали половину десятого, когда Эммануэль взглянул на них, растянувшись в кровати. Дейзи лежала рядом накрывшись тонкой простыней, подчеркивающей женственные изгибы ее тела.

– Тебе хоть понравилось? – тоненьким голосом, спросила она.

Не удержавшись, Эммануэль рассмеялся. Никто прежде не задавал ему подобного вопроса.

– Что ты смеешься? – расстроилась Дейзи, ткнувшись носом в его грудь.

– Это очень забавный вопрос. Разумеется, мне понравилось.

– Правда? – приободрилась девушка.

– Ну, конечно!

– Хорошо.

На этот раз Дейзи довольно улыбалась, а Эммануэля посетила мысль о том, что подобной благосклонной заботы о себе он еще, пожалуй, не встречал.

– Я вот о чем подумал. Ты помнишь, что сказал тот парень в кинотеатре? Кажется, он упомянул о том, что в десять часов будет сеанс кинофильма. Ты не хотела бы сходить?

– С удовольствием! – живо отозвалась Дейзи.

– Тогда ступай в ванную и собирайся. Придется ехать на такси, чтобы не опоздать к началу сеанса.

– Бегу! – заулыбалась Дейзи.

Обмотавшись простыней и крепко прижимая ее к себе, она, осторожно, чтобы не рухнуть в хитросплетениях ткани, направилась в ванную комнату. Эммануэль проводил ее взглядом. Когда в душе зашумела вода, он тихонько скользнул в ванную и пустил воду в раковину, чтобы умыться.

– Эй, вообще-то, тут занято! – прозвучал возмущенный голос из-за клеенчатой занавеси.

– Знаешь, мне кажется, время, чтобы смущаться осталось позади.

– Ты ошибаешься.

– Неужели?

– Да. Ты просто ничего не понимаешь.

Смеясь, Эммануэль оставил Дейзи одну и принялся одеваться.

Спустя немногим более двух часов, они вышли из кинотеатра, оказавшись на залитой огнями Таймс-сквер. Ночью температура опускалась до комфортных двадцати двух градусов, приглашая всех полуночников прогуляться, не обливаясь при этом потом и не задыхаясь от жары. Обдумывая увиденное, Эммануэль и Дейзи машинально направились в сторону Восьмой авеню.

– Как тебе кино? – спросила девушка, воздушной походкой вышагивая рядом с ним.

У Эммануэля не было однозначного ответа на этот вопрос. Они посмотрели фильм под названием «Улица греха» и он оставил после себя смешанные чувства. Кинематограф, конечно не стоял на месте с тех пор, как Эммануэль в последний раз смотрел кино, где аниматронная кукла обезьяны разносила Нью-Йорк в пух и прах. Фильм был красиво снят и увлекал своей зрелищной постановкой и непредсказуемым напряженным сюжетом. Но главные герои... Эммануэль с трудом мог себе вообразить, что кто-то на земле способен так поступать.

– По правде говоря, меня тошнит от увиденного. Я хочу сказать, мне противны главные герои. Кажется, ни один из задействованных на экране персонажей, не был достойным человеком.

– А как же главный герой? Тебе разве не жаль его?

– Несчастный идиот, польстившийся на красоту молодости, толкнувшую его на преступление.

– Но ведь он был влюблен и хотел, как лучше.

– Если бы он был женат не на той отвратительной крысе, а на женщине, уважающей его мужское достоинство и талант, он бы и глазом не повел в сторону околдовавшей его мошенницы.

– Значит, ты признаешь, что есть обстоятельства, способные подтолкнуть мужчину к измене?

– Разумеется, они есть. Но в таких случаях, следует не опускаться до подобного поведения, а немедленно разрывать отношения с тем, кто тебя не ценит, припоминая давно расторгнутый брак в качестве назидательного примера. Это в высшей степени унижительно.

Дейзи призадумалась и некоторое время шла молча.

– А Джонни тебе не жаль? Ему ведь вынесли ложное обвинение.

– Он в полной мере заслужил то, что получил.

– Считаешь, что смерть – это заслуженное наказание за то, что он сделал?

– Считаю даже, что необходимое.

– Тебе приходилось убивать на войне? – в лоб спросила Дейзи, глядя в глаза.

– Почему ты спрашиваешь?

– Уж больно легко ты подходишь к вопросу лишения человека его жизни.

– Но все, действительно, просто в этом вопросе. Если некто позволяет себе бить женщину и играя на ее чувствах заставляет выманивать деньги у невинной жертвы обстоятельств, изгадив жизни обоих, его следует убить. Такие люди не способны усвоить урок, как их не наказывать. Они будут вечно паразитировать на других.

– А что же девушка? Она, по-твоему, тоже заслужила того, что с ней сделали?

– Да, безусловно.

– Но как ты можешь так говорить?! Это же женщина!

– И что же? Если она женщина, то и спрос с нее меньше? Нет, Дейзи, за свои проступки всегда нужно отвечать. Женщина ты или мужчина, ступая на эту дорожку, неизменно следует помнить о том, что легкомысленное отношение к чувствам другого человека, однажды, может стоить тебе крови, которой ты умоешься. Душа человека – это не игровая площадка.

Внезапно, Эммануэля передернуло от отвращения к героине увиденного фильма. Самая низкопробная дешевка. В девках, которые торговали собой на войне, чтобы прокормить членов семьи, было больше чести и достоинства. Перед началом сеанса Дейзи поведала ему, что сейчас наступила эра фильмов подобной стилистики и снимаются они «на злобу дня». Другими словами, постановщики этих картин поднимают злободневные темы в своих работах, что говорило, в свою очередь, о том, что это стало нормой повседневности. Шокированный тем, что в этой части света, люди мирятся с подобным положением вещей и живут бок о бок с такими вот людьми, Эммануэль ощущал себя испачканным после просмотра фильма. Моральная проституция, в его глазах, была много хуже физической и разве может представлять ценность жизнь той женщины, которую волнуют лишь деньги и наряды? Цена ей – стоимость ее погребения.

– Ты не находишь, что это излишне жестокая позиция? Разве человек не заслуживает второго шанса?

– Самый жестокий поступок, на который способно человеческое существо, Дейзи, это сыграть на чувствах другого, как на губной гармошке, аналогичным образом испуская, в сущности, пустые звуки. Такое нельзя прощать. Давать человеку второй шанс, это все равно, как собственноручно дать ему в руки оружие, нацеленное тебе в сердце.

***

Они зашли в уже знакомый ресторанчик и Эммануэль приветственно кивнул громиле в фартуке повара. Мужчина поспешил на встречу и через стойку протянул руку больше похожую

на свиной окорок. Несмотря на размеры его ладони, рукопожатие Эммануэля не уступало ему в силе хватки.

– Рад снова видеть тебя, сынок! – пробасил мужчина.

– Благодарю, сэр. И я вас.

– Вижу ты снова в компании этой красавицы. Двигаешься в правильном направлении. Любовь способна залечить любые раны.

– Очень на это надеюсь, сэр.

– Вот увидишь! Ты только дай любви шанс ипусти ее в свое сердце.

Эммануэль поразился столь глубокой апофегме и обещал себе поразмыслить на досуге над словами повара. Дейзи, не скрывая своего интереса, польщенная комплиментом мужчины, с интересом прислушивалась к беседе.

– Чем бы вы хотели поужинать сегодня?

Эммануэль уже знал, чего бы ему хотелось.

– Я никогда не пробовал мороженое.

Глаза всех участников разговора, включая, и на этот раз словно из-под земли выросшую, официантку, выкатились наружу.

– Молли, – первым нарушил молчание повар, – достань из морозильной камеры самое лучшее наше сливочное мороженое. Остальное я сделаю сам.

– А можно мне с вишней? – вмешалась Дейзи, предвкушая любимое лакомство.

– Дорогая, для девушки любимого клиента я сделаю все, что ее душе угодно, – уветливым тоном, ответил мужчина. – Пожалуйста, присаживайтесь. Скоро заказ будет у вас на столе.

– А нельзя ли добавить к нему кофе? – с хитрецей прищурившись, поинтересовался Эммануэль.

– А знаете, я бы тоже не отказалась, – поспешно вставила Дейзи.

Повар расплылся в улыбке и поспешил к своему рабочему месту. Эммануэль с Дейзи оккупировали небольшой круглый столик на двоих у окна.

– Ты так легко нашел общий язык с этим человеком. Общаешься с ним, будто вы старые приятели.

– Хорошего человека легче разглядеть, нежели подлеца. Думаю, у нас с ним это взаимное.

Вот и подружились.

– А я вот зажатая в этом отношении.

– В самом деле? А мне так не показалось. По-моему, ты довольно таки быстро со мной сдружилась.

По лукавому выражению его лица Дейзи сразу сообразила, что он имеет в виду.

– Считаешь, что я похотливая девка? – нахмурилась девушка.

– Отнюдь. У хорошо воспитанных людей плоть подчиняется разуму, никак не иначе. А ты воспитана на зависть многим.

– Значит, ты любишь головой, а не сердцем?

– Несомненно.

– Но как это возможно?

– Самоотверженная сердечная привязанность к человеку появляется на свет далеко не сразу. Это может занять время и время очень долгое. И приводят к этому выводы, сделанные холодным рассудком. Для себя я заключаю, что любовь рождается в уме человека и там же она находит свою смерть.

– Поразительно. Я бы никогда не подумала, что военным свойственны столь глубокие рассуждения.

Эммануэль улыбнулся и пожал плечами, припомнив годы своей подготовки и многие часы, проведенные им за чтением книг.

Принесли мороженое, а вместе с ним и кофе. Мороженое в форме шариков подали в высоких чашечках. Порция Эммануэля была полита подмерзающим жидким шоколадом, а порция Дейзи сдобрена вишневым сиропом. Пригубив кофе, Эммануэль улыбнулся, взглянув на Дейзи. Девушка не сводила с него глаз.

– Ну, давай же, пробуй, – поторопила она, в ожидании его реакции.

Взяв с блюдца чайную ложку с длинной ручкой, Эммануэль погрузил ее в десерт и отправил в рот. К морозной ванильной сладости примешался вкус шоколада и Эммануэль, закрыв глаза, откинулся на спинку дивана позволив новым для него ощущениям заполнить все его существо.

– Это восхитительно, – наконец изрек он.

Дейзи потянулась к нему через столик и чмокнула в губы.

– Я очень рада, что увидела, как ты впервые пробуешь мороженое.

– И я рад этому. Здорово делить приятные воспоминания с близкими.

Загадочно взглянув на него, Дейзи принялась за свой десерт.

– Только ешь осторожно, – поучительным тоном, произнесла она с набитым ртом, – а не то горло будет болеть.

С трудом подавив смешок, Эммануэль отпил еще кофе и с жадностью начал опустошать первую в своей жизни чашку мороженого.

– Знаешь, кажется я понимаю тебя и даже принимаю твою позицию, но мне все равно страшно представить себе, как кого-то убивают за предательство или измену.

Пустые чашки от мороженого унесли и теперь они с Дейзи неспешно потягивали кофе, щедро сдобренный горячительным.

– Тебе доводилось слышать поговорку – «От добра, добра не ищут»?

– Нет, – немного подумав, ответила Дейзи.

– Неудивительно. Я и сам услышал ее от русского товарища на войне. Так вот, поговорка эта, своего рода, емкое нравоучение для тех, кому вечно мало. Ведь, что в сущности, толкает людей на измену? Что заставляет их бросать близких? Поиск лучшей жизни. Вера в то, что где-то в другом месте и с другим человеком им будет теплее и слаще. А теперь представь себе, что ты посвятила человеку уйму лет из своей бесценной, короткой жизни, отдавая ему всю себя, а он, в какой-то момент, хладнокровно заявляет тебе, что ты ему не подходишь и он намерен заменить тебя, обесценив, тем самым, и сведя к нулю, все твои старания.

– С тобой происходило нечто подобное?

– Нет.

– Тогда как ты можешь рассуждать об этом?

– Я знаю цену человеческой души и ее благим намерениям. Я знаю, чего стоит жизнь человека никому не причинившего вреда. Мне известно почему нынче справедливость. Слезы человека, несущего заслуженное наказание, всегда горше. Рано или поздно, но большинство таких людей сознают, что натворили. В том или ином виде, возмездие их настигнет, и они станут противны сами себе.

– Так может пусть время само распорядится, став закономерным возмездием?

– Нет, Дейзи. Полагаться на время нельзя. Только вообрази себе, как много людей может тяжело пострадать от деяний бессовестного человека за всю его жизнь? Адюльтер, коварство, воровство, насилие над беззащитными. Людей способных на такие поступки нельзя предавать суду времени. Это безответственно и бесчестно по отношению к их потенциальным жертвам.

– Ты рассуждаешь как идеалист.

Эммануэль сделал глоток остывшего кофе, в котором теперь не так отчетливо ощущался привкус спиртного.

– Ошибаешься, Дейзи. Да, схожим образом рассуждают наивные идеалисты с транспарантами над головой в поисках истины и справедливости, бороться за которые у них нет сил,

но аналогично мыслят и те, кто во имя справедливости проливал чужую кровь, чтобы остановить бесчинства и издевательства над людьми.

Дейзи, как завороженная слушала его, не спуская с него глаз.

– Тебе приходилось убивать женщин? – побледнев, спросила она, понизив тон.

Перед глазами Эммануэля тут же встали кровавые картины расправы над несколькими женщинами и, как и прежде, он не испытал ничего, кроме мстительного удовлетворения и подлинного удовольствия от убийства того, кто всецело заслуживал смерти.

– Женщины, Дейзи, вопреки расхожему мнению о них, много более хладнокровные создания, чем мужчины. А знаешь, чего боится хладнокровие?

Замерев, девушка молча ждала ответа на озвученный вопрос.

– Еще большего хладнокровия.

Остаток времени, потребовавшегося, чтобы допить кофе они провели в молчании. Дейзи была погружена в раздумья об услышанном. Эммануэль просто попивал свой напиток, наслаждаясь совокупностью бодрящего эффекта и легкого опьянения. Позади был долгий день, полный новых эмоций и впечатлений и Эммануэль ощутил усталость и желание снова оказаться в постели с девушкой.

– Пойдем, – улыбнувшись, предложил он.

Дейзи не разочаровала его, ответив ему ласковой улыбкой. У девушки, очевидно, хватало ума не впутывать жизнь и поступки, совершенные им на войне, по причинам о которых она не могла знать, в жизнь нынешнюю. Как и в первое его посещение ресторана, Эммануэль оставил щедрые чаевые, не забыв о том, что они должны покрыть стоимость неучтенного в счете алкоголя и тепло попрощавшись с владельцем заведения, ушел, предварительно придержав дверь для Дейзи.

***

Когда Эммануэль вошел в комнату, дождавшись приглашения Дейзи, попросившей его подождать снаружи, она уже лежала под тонкой простыней. В свете люстры, струящаяся полупрозрачная ткань, лишь более явно подчеркивала изумительные, изящные формы юного тела, будоража воображение и находя отклик в мгновенно отозвавшемся на это зрелище теле. С головы до ног лаская девушку взглядом, словно дикое животное готовящееся к долгожданной трапезе, Эммануэль встал в изножье кровати, методично раздеваясь. На этот раз Дейзи не прятала глаз и внимательно следила за его движениями. Когда он предстал перед ней совершенно нагим, девушки в изумлении открыла рот. Глаза ее бегали от одного участка его тела к другому, изучая шрамы, рубцы, мышцы и ту внушительную особенность его конституции, которая, в данных обстоятельствах, интересовала ее больше всего.

– Я прежде не видела ничего подобного, – выдохнула она и приняла мужчину в свои объятия.

– Тебя смущает то, что ты видишь? – на мгновение оторвавшись от груди Дейзи, спросил Эммануэль.

– Скорее восхищает. Но я думаю, что ты и слона способен смутить своей комплекцией.

Дейзи говорила с придыханием, перемежая свои слова чувственными стонами.

– Не преувеличивай, Дейзи, иначе, я решу, что ты пытаешься мне льстить. А я этого очень не люблю, – наигранно угрожающим тоном, ответил Эммануэль и опустил голову между ног девушки.

– О, Боже, – сорвалось с ее уст напоследок, после чего, комнату заполняли только ее тяжелые вздохи.

Дейзи с охотой принимала все его ласки на протяжении следующего часа, когда Эммануэль всячески стремился насытиться ее податливым и жаждущим новых переживаний телом. Пронзительными стонами, бурявившими нутро Эммануэля, Дейзи с завидной частотой обозначала свой очередной оргазм и тут же без промедления с готовностью отдавалась ему вновь.

Кульминацией для Эммануэля стал момент, когда девушка в неистовстве мотая головой, закричала от очередного подступившего оргазма. Разразившись бурным экстазом, он исполосовал белесым семенем бледную, пышную грудь девушки и в измождении упал на нее.

– Я люблю тебя, – прошептала Дейзи ему на ухо, крепко прижимая руками его голову к своему плечу.

ГЛАВА 5

Стук в дверь резким рывком выдернул Эммануэля из глубокого сна, заставив сердце учащенно биться в ожидании атаки. Пожалев, что не захватил у Миллера свою сумку с ножами, Эммануэль поднялся с кровати. Дейзи мирно спала, свернувшись калачиком. Солнце с трудом пробивалось сквозь плотную ткань штор на окнах. Осторожно, чтобы не вызывать лишнего шума, он вышел из комнаты и тихонько притворил за собой дверь.

– Кто там? – спросил Эммануэль, стоя сбоку от двери, чтобы не загоразживать собой свет в глазке и не сообщить тем самым потенциальному врагу о том, где находится мишень.

– Это Марко, – прозвучал ответ с итальянским акцентом.

Эммануэль снял цепочку с кольца в дверном проеме и открыл дверь.

– Извини, что разбудил. Мистер Миллер хочет видеть тебя.

«Похоже, парень знает, что я не один. В противном случае, его лицо не выражало бы крайнюю степень неловкости, – подумал Эммануэль».

– Это срочно?

– Боюсь, что так.

– Что-то случилось?

– Нет. Но насколько мне известно, мистер Миллер не терпит отлагательств, если ему что-то требуется.

– Тут ты прав. Передай, что я буду через несколько минут.

– Хорошо.

Марко ушел и Эммануэль направился обратно в спальню, чтобы взять свою одежду. Дейзи лежала на спине и смотрела на него сонными глазами.

– Кто это был?

– Некто, вроде посыльного. Мне нужно отойти. Не знаю, надолго ли, но думаю, что нет. Дождешься меня?

– Угу, – потирая глаза кулачками, ответила Дейзи.

– Хорошо. Поспи еще, если сможешь. Не заметишь, как я вернусь.

Воспользовавшись лестницей, Эммануэль спустился на этаж ниже и без стука вошел в квартиру своего наставника. Сразу достал из шкафа на входе свою сумку и бросил ее у входной двери, чтобы не забыть. В дверь кабинета он не посмел войти без стука.

– Входи.

– Вы ранняя пташка, не так ли?

– От старых привычек нелегко избавиться. Но, чтобы тебе было известно, на часах почти одиннадцать. Ты что, не спал всю ночь?

– Полагаю, вы и сами это знаете.

– Очарованный своей пассивностью, ты несколько растерял бдительность на пути из кинотеатра и не заметил Марко, который вел вас всю обратную дорогу.

– Этого не может быть, – спокойно и уверенно, ответил Эммануэль.

Немного помолчав, Миллер согласился.

– Верно. Марко не следил за тобой. И я рад слышать, что ты не теряешь снаоровки даже в столь деликатные минуты.

– Как же вы?.. – хотел было спросить Эммануэль, но тут же сам дал ответ на свой вопрос. – Консьерж.

– Молодец. Да, консьерж у меня на прикормке.

Эммануэль усмехнулся и плюхнулся в кресло.

– Ради какой задушевной беседы вы выдернули меня из постели с будущей женой?

Миллер, как и вчера, рывшийся в своих книгах, в поисках той самой, медленно повернулся, чтобы взглянуть на своего солдата. Лицо Эммануэля сохраняло непроницаемость, достойную человека, не терпящего сомнений в его заверениях. Сняв очки, Миллер уселся в свое кресло.

– Ты и впрямь намерен жениться на шиксе?

– Мне плевать в какого воображаемого друга она верит. Я не верю ни в одного из них. У нее мягкое сердце и чистая душа. Этого вполне достаточно.

В уголках глаз Миллера блеснули скупые слезы.

– Я вас разочаровал? – готовый ко всему, жестко спросил Эммануэль.

– Дурачок, – охрипшим голосом, ответил Миллер. – Я рад новому члену в нашей семье. Ты уверен в своем решении?

– Я ни в чем не уверен и, уж тем более, в людях, но эта девушка мне нравится, и я хочу забрать ее себе, пока это не сделал кто-нибудь другой. Однажды, я уже совершил ошибку потянув время. Больше этого не повторится.

Миллер внимательно выслушал каждое его слово, как будто, делая в уме пометки. Что-то в словах Эммануэля заставило его задуматься, но что именно, он не озвучил. Встряхнув головой, отчего хвостик на затылке заколыхался, Миллер справился с внезапно охватившей его озабоченностью.

– У меня есть сюрприз для тебя, Мэнни, – смягчившимся тоном, объявил он.

Едва с его губ сорвались эти слова, как дверь позади Эммануэля с грохотом распахнулась. Готовый к атаке, напрягшись всем телом, он обернулся. В проеме стоял человек, которого он не видел вот уже шесть лет. Высокий мужчина, с гладко уложенными на сторону, с помощью бриолина, волосами, едва тронутыми инеем седины и хирургическим путем исправленным носом.

– Розенблум, – выдохнул Эммануэль.

Не справившись с силой нахлынувших на него эмоций, он заплакал и бросился на шею человеку, заменившему ему отца.

– Мой мальчик, – произнес Михаил Розенблум, заключив его в медвежьи объятия.

Розенблум был одного роста с Эммануэлем, но превосходил его в весе, набрав пару лишних килограммов за годы сидячей и, что греха таить, избыточно сытой жизни в рядах нацистов под личиной одного из них. Эммануэля сотрясали рыдания. До сих пор он боялся вслух задать вопрос о судьбе одного из тех мужчин, что заменили ему родителей. Теперь же, видя его в добром здравии, он не находил в себе сил унять эмоции.

– Я боялся, что больше не увижу тебя, – глухо прозвучали слова Эммануэля, уткнувшегося в массивное плечо Розенблума.

– Все хорошо, малыш, – успокаивал Розенблум, – мы все живы. Чолер, Дафнер, Эдри, Коэн, Ласкер. И мы.

– А остальные?

– Остальные не покидали родины, малыш.

– Барух Ашем! – облегченно выдохнул Эммануэль, на родном языке стравив напряжение, копившееся в нем годами, что означало – «Слава Богу».

Разжав объятия могучих рук, Эммануэль, согласно старинной традиции, поцеловал названного отца в щеку и постарался незаметно утереть слезы счастья и облегчения.

– Сходи умойся, сынок, – посоветовал Миллер, – а мы тем временем, накроем небольшой стол.

Не желая видеть свое лицо, залитое слезами, Эммануэль поплескал на себя холодную воду и промокнув кожу полотенцем, поспешил обратно в кабинет Миллера, боясь, что все происходящее, лишь плод его фантазии. Миллер и Розенблум, будто подгоняемые невидимыми розгами, носились из кухни в кабинет с тарелками полными разнообразных угощений в руках.

– Чем я могу помочь? – попытался вмешаться в бурное действие Эммануэль.

– Зелен ты еще для таких маневров, – грудным голосом ответил Розенблюм. – Вот, когда у тебя будет свой сын, тогда и будешь накрывать для него стол.

На этих словах Эммануэль ощутил, как его глаза вновь обожгли слезы, а Розенблюм лишь рассмеялся, энергично подмигивая Миллеру. Старые друзья вспоминали старые шутки и не могли нарадоваться долгожданной встрече.

– Итак, – начал Розенблюм, когда лакированный, дубовый стол был заставлен блюдами, спиртным и кувшинами свежавыжатого сока, а все трое расселись вокруг, – как вы понимаете, я, разумеется, подслушивал ваш разговор, прежде, чем постучаться. И что же я узнал? – как ни в чем не бывало продолжал он под общий смех. – Ты удумал жениться?

– Да, Миша, – поддавшись порыву и впервые назвав по имени своего наставника, ответил Эммануэль.

– Ты уверен, что это правильное решение?

Слегка склонив голову, Розенблюм пристальным и так знакомым ему взглядом изучал реакцию Эммануэля.

– Я уверен, что нет неправильных решений. Когда-то, я сомневался, но не теперь. Польша преподала мне очень болезненный урок отняв кусок сердца. Впредь я не позволю вновь такому случиться.

Миллер, знавший часть информации от Егора Рассказова и еще часть от Морриса Марголиса, понимающе нахмурился и опустил голову в знак уважения к чувствам своего названного сына. Розенблюм знал не так много, но едва заметный кивок Миллера дал ему понять все, что нужно, чтобы остеречься дальнейших расспросов.

– Стало быть, ты женишься на этой девушке? – подчеркнуто громко, уточнил Розенблюм.

– Бли нэдер! – стальным тоном взяв на себя обязательство, ответил Эммануэль, вновь сорвавшись на иврит.

– Я вижу, ты помнишь, что в нашей традиции ответственность за сказанные слова очень велика, а значит ты готов держать свое обещание. Готов?

– Я родился готовым.

– Я хочу видеть мою невестку! – грохнув кулаком по столу, объявил Розенблюм. – Степа, живо отправь за ней!

– Нет никакой нужды, – улыбнувшись ответил Эммануэль. – Она этажом выше.

– Так чего же мы ждем?! – выпучив глаза, вскричал Розенблюм.

– Но ведь я еще не сделал ей предложение. Она может не понять, – побоявшись реакции Дейзи, запротестовал Эммануэль.

– Вот сейчас и сделаешь!

– Миша, может и впрямь стоит придержать коней? – вмешался Миллер. – Девушка может растеряться. К тому же, у Мэнни даже нет кольца!

Эммануэль хотел было горячо поддержать Миллера, но не тут-то было.

– Вас что, война ничему не научила? У вас сколько жизней, чтобы быть счастливыми и вершить здесь и сейчас? Нам всем удалось выскочить из преисподней невредимыми. Мы с вами работали в логове дьявола, каждый день рискуя встретиться с пращурами, а сейчас вы оба хотите мне сказать, что необходимо подождать более подходящего момента? Пусть ждут те, кто уверен в наступлении завтрашнего дня. А мы живем сегодня, здесь и сейчас.

Эммануэль уверовал в истинность слов своего наставника и послал к черту все традиции Америки и мирного времени. Он не намеревался принимать никаких иных законов и порядков, кроме закона конечности жизни и ценности каждого ее дня. Вскочив с места, он посмотрел на Миллера.

– Где ближайшая ювелирная лавка?

– За углом на противоположной стороне улицы.

Казалось, у Миллера готов ответ на любой вопрос, но даже Эммануэль знающий его с ранних лет не ожидал услышать дальнейших его слов.

– Размер ее пальца шестнадцатый.

Эммануэль выпучил глаза, не веря своим ушам. Справившись с шоком от осведомленности наставника, он сделал шаг в сторону двери, но его остановил командный тон Розенблюма.

– Стоять, парень!

Эммануэль встал, как вкопанный.

– А выпить за встречу ты не хочешь?

Лукаво подмигнув своему товарищу, Миллер до краев наполнил стопки янтарной жидкостью и все трое, чокнувшись, опрокинули их дном вверх.

– А теперь пошел! – скомандовал Розенблюм. – Одна нога здесь, другая там. И помни, что у моей невестки должно быть кольцо с бриллиантами. Не смей жадничать.

Перепрыгнув через сумку, Эммануэль рванул по проходу к лифту. Выбежав из здания, чем привлек особое внимание сонного консьержа, он поймал такси и попросил, как можно быстрее, отвезти его в банк на Таймс-сквер. Всю дорогу, занявшую несколько минут, он оценивал свои ощущения и лишь теперь понял, что означали слова Миллера о том, чтобы жить. Вот она жизнь. Приправленная мирскими заботами, хорошей пищей и одеждой, но вся та же жизнь, что и на войне, когда ценишь каждый ее миг, словно он может стать для тебя последним. Именно так и стоит прожить ее. Велев таксисту подождать, Эммануэль ворвался в здание банка и снял со своего счета тысячу долларов. Обратная дорога, от охватившего его волнения, показалась ему еще короче. Оплатив поездку, он вбежал в ювелирный магазин, где его встретил пожилой мужчина в компании юноши, вероятно, его сына, которому он намеревался передать семейное дело, а прежде, обучить того всем премудростям торговли. Оценив платежеспособность Эммануэля по его, не внушающему доверия, внешнему виду, старик слегка поджал тонкие, синеватые от старости, губы и приготовился к увещаниям в том, что в этом районе Нью-Йорка, даже ослепленному любовью мужчине, не сыскать украшение по его скромным возможностям.

– Добрый день, – слегка натянуто, но с отточенной годами труда в торговле улыбкой, приветствовал старик.

– Здравствуйте, сэр, – ответил Эммануэль, рыская глазами по содержимому стеклянной витрины, под которой прятались всевозможные виды ювелирных украшений. – Мне нужно золотое кольцо с бриллиантами.

Старик заметно нахмурился. Перед ним стоял верзила одетый на манер горнодобывающего рабочего. Продемонстрировать такому свой ассортимент, значило поставить его под угрозу. Незнакомец в любой момент мог просто скрыться с кольцом, зажатым в кулаке, а надеяться на своего сына, тощего, как палка, старику явно не приходилось.

– Сэр, боюсь, что... – начал было старик оправдываться, но Эммануэль резко прервал его.

– Этого не стоит бояться. Бойтесь того, – Эммануэль извлек из кармана краюху толстой пачки денег, – что эта сумма уплывет в руки другого ювелира. Я очень спешу.

Старик с трудом оторвал взгляд от свежих купюр и дрожащей, ветхой рукой подозвал своего сына.

– Бобби, живо принеси из сейфа мои лучшие изделия.

На этих словах старика, парня и след простыл, только полотно, отделяющее заднюю комнату от торгового зала, тревожно заколыхалось.

– Мне нужен шестнадцатый размер, сэр, – сразу уточнил Эммануэль.

– Великолепно! – просиял старик. – Это самый распространенный размер дамского пальчика. У меня как раз имеются несколько потрясающих образчиков. Свадьба, я прав?

– Полагаю, что так.

– Мои поздравления!

Вернулся сын торговца и старик с едва скрываемым волнением поставил на витрину небольшой планшет, покрытый черной, как смоль, тканью, на котором богатыми оттенками золота сверкали кольца. Старик не умолкая начал что-то тараторить, рассказывая о том, какую кропотливую работу проделал над тем или иным изделием, но взгляд Эммануэля моментально выхватил нужное ему кольцо из более, чем дюжины. Кольцо было выполнено из белого золота и наполовину окружности инкрустировано сверкающими камнями, а на вершине располагался укрепленный безелем, чистый, как слеза, бриллиант, внушительных размеров. Эммануэль протянул руку и пальцем поддел кольцо. В этот момент дыхание его участилось, и он понял, что находится в одном маленьком шаге от жизни, в реальность которой прежде не осмеливался верить.

– Это нужный вам размер, молодой человек, – поспешил заверить старик.

– Я беру его, – выдохнул Эммануэль, находящийся на грани состояния известного, как делирий.

– Бобби! – скомандовал старик. – Нам нужна особая коробочка для этого кольца. Какой цвет вы предпочтете?

– Красный.

Без лишних слов, парень исчез за ширмой и вскоре вернулся с ювелирным коробочком, обшитым шелковистой, алой тканью.

– Четыреста пятьдесят долларов, сэр, – мягко обозначил торговец, любовно укладывая кольцо в предназначенное для него углубление.

Когда Эммануэль начал отсчитывать купюры, от его внимания не ускользнул тот факт, что старик разочарованно вздохнул, поймав себя на мысли, что мог потребовать намного больше. «А у некоторых ублюдков еще поворачивается язык обвинять нас в жадности, – подумал Эммануэль и, поблагодарив старика, удалился».

***

– Я переживаю за него, Миша. Ты не находишь, что жениться для него – несколько опрометчивый шаг, особенно, учитывая специфику его профессии?

– Его ничто не остановит, и ты знаешь это не хуже меня. Мы не имеем права противостоять ему. Мы находимся у него в неоплатном долгу и не можем позволить себе препятствовать его счастью. Напротив, мы обязаны всячески помогать ему в том, чтобы вкушать плоды жизни, за которую он боролся побольше нашего.

Миллер печально вздохнул, принимая правоту своего друга.

– В Польше он встретил очень молодую девушку, и та покорила его. Егор Расказов высказал догадку, что Эммануэль хотел бежать с ней сразу после окончания их с Моррисом задания. Последний эту догадку подтвердил.

– Почему же он этого не сделал?

Миллер тяжело сглотнул ком в горле и закурил. Потянувшись к окну, он распахнул его, чтобы к приходу Дейзи кабинет не заволкло дымом.

– Он не успел. Немцы первыми пришли в место, где они скрывались в тот период времени.

– Боже всемогущий, – прошептал Розенблюм, с посеревшим лицом. – Бедный мальчик. Как же он это перенес?

– В том то и дело, Миша. Я боюсь, что он этого не перенес. Моррис постоянно докладывал мне о его состоянии через связных и согласно его мнению, Эммануэль находился в миллиметре от нервного срыва. Сначала в него будто сам дьявол вселился, и он выместил всю свою ярость на венгров, устроив по пути ко мне в Австрию настоящую резню. В какой-то момент, немецкие патрули начали бояться высунуть нос по ночам. Он бросался на всех, кто попадался ему под руку. Не знаю каких усилий Моррису стоило увести его оттуда. Думаю, он там смерти искал. А если бы не нашел, то в одиночку взял бы города, оккупированные нацистами.

Миллер поднял стопку и отсалютовал своему другу.

– За Мэнни, – шепотом произнес Розенблум.

– Потом, – прочистив горло, продолжил Миллер, – его начали мучить кошмары. Он говорил с ней во сне и просыпался с криками и в слезах. Моррис писал, что Эммануэль целиком и полностью винит себя в произошедшем. Затем, он начал пить при каждой удобной возможности. В замке Монтекино, где они скрывались на севере Италии, он едва не опустошил запасы винного погреба, копившиеся там не один век. Девушка из местного соединения партизан влюбилась в него, но он так и не ответил ей взаимностью. Причем отверг он ее в довольно грубой форме. Насколько мне известно, подавить боль он смог только в Генуя, где они с Моррисом провели зиму до их отправки в Хорватию.

Розенблум наполнил стопки, и они подняли их за Морриса.

– Знаешь, Миша, я вижу по нему, что он так и не смог справиться со своей болью и чувством вины. Благодаря нашей школе, он смог подавить их, но не пережить. Он все еще одержим этой девушкой и будто пытается подменить ее кем-то другим, чтобы отдать этому человеку любовь, предназначавшуюся другой.

В повисшей тишине Розенблум жестом попросил Миллера угостить его сигаретой. Теперь уже оба мужчин нещадно дымили в попытке справиться с тревогой за своего общего сына.

– Ты поэтому пригласил Дафнер? Хочешь, чтобы она провела обследование?

– Да. Ему предстоит тяжелая и объемная работа в Америке, и мы должны быть уверены в его стабильности.

– Но ты ведь знаешь, что между ними было перед его отправкой на войну? – Розенблум многозначительно поднял брови.

– Если ты о том, что кроме преподавания психологии, она устроила ему объемлющую сексуальную подготовку к взрослой жизни, то да, это мне известно.

– Разумно ли было приглашать именно ее для тестирования?

– Во-первых, мне бы и в голову не пришло, что Мэнни надумает жениться на третий день пребывания в Штатах. А во-вторых, никто лучше Дафнер, знавшей его в довоенные годы, не проведет освидетельствование.

– Ты, как всегда, прав, – согласился Розенблум.

Мужчины докурили и снова взялись за стопки. Миллер нервно вертел свою в руках, задумчиво разглядывая янтарную жидкость.

– Говори, – потребовал Розенблум, видя, что его друга терзает что-то, чего он еще не высказал.

– Егор описывал мне эту девушку из Польши, когда приходил ко мне, незадолго до прибытия ребят. В ее жилах текла кровь русских, армяней и поляков. Невероятной красоты девушка. И наша невестка мистическим образом похожа на нее.

– Ты ее уже видел? – удивился Розенблум.

– Марко сделал для меня фотографии.

– Ты что же, полагаешь, что это не простое совпадение?

– Ты до сих пор с сомнением относишься к психологии, да? Мэнни неспроста обратил на нее свое внимание. Он подсознательно искал похожую девушку, чтобы перекрыть образовавшуюся в душе брешь. Это защитный механизм, призванный помочь справиться с обстоятельствами, когда человек находится на грани. Это значит, что он все еще страдает, Миша.

– Как звали эту девочку? – дрогнувшим голосом, спросил Розенблум, подняв стопку.

– Настя, – прошептал Миллер.

***

Пока лифт, тихо потрескивая и мерно жужжа мотором, приближал его к нужному этажу, Эммануэль лихорадочно пытался привести мысли в порядок и придумать слова, которые наи-

лучшим образом смогут донести Дейзи его намерения. В голове творилась сушая сумятица и, открывая дверь в квартиру, он так и не смог собраться с мыслями. С кухни доносились звуки радио. Торжественный голос диктора объявил, что следующая композиция прозвучит в исполнении неподражаемой Эллы Фитцджеральд. А уже в следующую секунду зазвучали чарующие джазовые мотивы музыкальной дивы середины двадцатого века и стены кухни заполнил глубокий, чувственный меццо-сопрано. Эммануэль медленно вошел в кухню, испытывая ощущения схожие с теми, что предвещают нападение на ничего не подозревающего врага из укрытия. В такие моменты всегда невольно обдумываешь варианты провала своего плана действий, на ходу выстраивая запасной. Но стоит броситься в атаку, как все сомнения, подобно дыму, растворяются в воздухе и вот уже, ты действуешь решительно и молниеносно, не оставляя противнику возможности для защитного маневра. Плавно пританцовывая под звуки саксофона и фортепиано, Дейзи кружилась по кухне готовя завтрак к его возвращению. На девушке были короткие серые шортики и белая футболка, намного превосходящая ее собственные размеры. Эммануэль привалился к стене за углом и, не выдавая своего присутствия, с наслаждением наблюдал за девушкой. Вставая на носочки, она поворачивалась и кружилась, двигаясь между плитой, холодильником и обеденным столом. В лучах яркого солнца, футболка просвечивала, открывая взору идеальные, крепкие груди, подрагивавшие при каждом движении. Распущенные волосы, густой массой скользили по спине. «Что ж, кто не рискует, тот не пьет шампанское, – припомнил Эммануэль небезызвестные слова, прославившие мадам Клико». Выйдя из укрытия, он направился к Дейзи, и та вздрогнула, схватившись за сердце.

– Мапочка! Ты меня жутко напугал! – возмутилась она улыбаясь.

Улыбка медленно сползла с ее лица, когда она взглянула на него, уступив место необъяснимой обреченности. Опустив взгляд, она заметила зажатую в его пальцах бархатистую коробочку и выразившие испуг глаза, наполнились слезами. Эммануэль опустился на одно колено и явил девушке кольцо. Дейзи прижала ладони ко рту и содрогнулась от рыданий.

– Как ты смотришь на то, чтобы провести со мной остаток жизни?

В ответ Дейзи энергично закивала и волосы прилипли к мокрым от слез щекам.

– Да... Хорошо смотрю... Очень... Очень внимательно, – залепетала она, не в силах подобрать нужные слова.

Эммануэль поднялся и вынул кольцо из коробочки, отнял левую руку Дейзи от покрасневшего лица и надел кольцо на ее безымянный палец. Дейзи прыгнула на него и обвила руками и ногами, покрывая его лицо влажными поцелуями. Найдя его губы, она впиалась в него страстным поцелуем. Когда Дейзи слезла с него и Эммануэль понял, что она тянет его в спальню, он мягко остановил ее, в душе же радуясь заключенной в девушке страсти и неутомимости.

– Не сейчас, милая. Нам нужно идти.

– Куда? – округлила она глаза.

– Нас кое-кто ждет, и мы должны поторопиться.

– Но кто?

– Мои родители.

– Но ведь ты говорил...

– Эти люди меня воспитали.

Дейзи нервозно закусил губу, а уже через секунду бегом отправилась в спальню. Зашуршала снимаемая одежда, а следом заструилась вода в раковине. Девушка смывала с лица слезы, догадался Эммануэль. «Слишком много слез для одного дня, – подумал Эммануэль, – слава Богу, что на этот раз это слезы счастья». Через несколько минут Дейзи вернулась с расческой в руках и встав перед зеркалом в коридоре, принялась энергично расчесывать волосы. Закончив, она надела туфельки и, смирно, почти, как солдат, встала перед Эммануэлем.

– Как я выгляжу?

– Божественно!

Дейзи улыбнулась, посмотрела на свое новое кольцо и завизжав от счастья, угостила Эммануэля смачным поцелуем в губы.

***

Постучав в дверь кабинета Миллера и выждав некоторое время, чтобы не обрывать приватную беседу двух мужчин на полуслове и дать им время подобраться, Эммануэль открыл ее и вошел. Дейзи шла следом, крепко вцепившись в его руку. Грузный Розенблюм поднялся из-за стола. Миллер вторил ему, обойдя стол и став рядом с другом превосходившим его в росте на две головы.

– Господа, это Дейзи.

Эммануэль высвободился из хватки девушки и шагнул в сторону, чтобы та сразу окунулась во внимание и, как можно более быстро, избавилась от присущего ей стеснения.

– Дейзи, это мистер Миллер и мистер Розенблюм, – поочередно указав рукой на мужчин, представил Эммануэль. – Они были одними из тех, кто взял меня под свое крыло и воспитал.

– Ты уже сделал ей предложение? – сверкнув глазами, спросил Розенблюм.

– Да.

– И что она ответила?

– Я сказала – да, сэр, – тоненьким голосочком, произнесла Дейзи.

Розенблюм расплылся в улыбке и заключил в объятия, потерявшуюся там, Дейзи.

– Теперь ты часть нашей семьи, милая, – громогласно, от переполнявших его гордости и радости, объявил он.

Миллер, в чьих глазах стояла едва читаемая печаль, дождавшись, когда его друг отпустит несчастную, расцеловал девушку в обе щеки и сердечно поздравил с новым статусом.

– Выпьем же! – громыхнул Розенблюм. – Ну-ка, сынок, живо налей нам!

Улыбаясь, Эммануэль принялся наполнять стопки для всех четверых. В эти минуты счастьем его не было предела и казалось, что теперь жизнь изменится навсегда, ведь с появлением Дейзи, у него появилось и место куда можно прийти, когда все плохо.

– Надеюсь, ты не поспешил на кольцо? – бесцеремонно поинтересовался Розенблюм, когда все опустошили первую общую порцию алкоголя.

Оторвавшись от еды и, не помнив себя от счастья Дейзи, вскинула левую руку, чтобы продемонстрировать подарок своего мужчины. Прозрачный, едва различимый в своей чистоте, бриллиант, сверкнул на солнце.

– Я даже не представляю сколько может стоить такое кольцо, – с набитым ртом, произнесла довольная девушка. – Никогда таких не видела.

– А я тебе скажу, дорогая!

Розенблюм взял ладошку Дейзи в свои ручищи и присмотрелся к изделию на безымянном пальце.

– Похоже, у твоего жениха водятся денежки, – вынес он вердикт, с потешным видом знатока. – За стоимость этого кольца он мог бы приобрести новенький автомобиль.

Не веря своим ушам, Дейзи выкатила глаза на Эммануэля. Совершив над собой неимоверное усилие и проглотив пищу, девушка на выдохе спросила:

– Правда?

– А как же? Ты думаешь, я простил бы сыну, если бы тот надел на палец моей невестки дешевую бижутерию?

Эммануэль дрожал от смеха слушая речь Розенблюма. Миллер пытался его остановить, аргументируя это тем, что он смущает всех присутствующих, но того было не остановить. За пределами службы, он никого не щадил, превращаясь в балагура и душу компании.

– Дорогая, Мэнни рассказывал тебе о том, чем мы все занимаемся?

Миллер пристально взглянул на Дейзи, когда обильно пообедав, все четверо откинулись в своих креслах и выпивали одну порцию за другой, поднимая градус интимности беседы.

– Лишь в общих чертах, сэр, – исподволь взглянув на Эммануэля, ответила Дейзи и продолжила, получив в качестве одобрения легкий кивок головы. – Он сказал мне, что был диверсантом на войне.

– Все так, но я хочу сообщить тебе кое-что еще, чтобы ты до конца понимала за кого решила выйти замуж. Ты должна быть тверда в своем решении. Давая слово, забрать его назад означало бы унижить свою честь и совершить предательство.

Миллер, с присущей ему безжалостной прямоотой, озвучил свое мнение и ждал реакции Дейзи. Склонив голову набок, Эммануэль с интересом следил за языком тела своей избраницы. Раскрасневшаяся от крепкого алкоголя, девушка стойко принимала взгляд Миллера.

– Я буду хорошей женой вашему сыну, сэр. Можете ни секунды в этом не сомневаться, – не моргнув глазом, ответила она.

– Я рад слышать уверенность в твоём голосе, Дейзи. И все же, ты должна знать чуть больше о характере работы своего мужа. Бывших диверсантов не бывает. Они либо умирают в ожесточенных боевых действиях, либо продолжают свое дело в тени. Наша организация одна из немногих аналогичных в мире, взяла на себя ответственность отчистить этот мир от скверны нацистов и тех, кто служил им, потворствуя их целям. С окончанием войны, наше дело не умерло. У нас еще очень много работы. И Эммануэль будет одним из тех, кто возьмется ее выполнять. Это значит, что он часто будет отсутствовать дома. Ты готова принять такой образ жизни?

– Я всегда буду ждать его дома, – стиснув челюсти, ответила Дейзи и найдя руку Эммануэля под столом, крепко сжала ее своими пальчиками.

– Замечательно, – улыбнулся, наконец, Миллер. – Это я и хотел услышать. Выпьем за это.

– В самом деле, Степа! Выпьем за это! Ты только взгляни какая красавица нам досталась!

Розенблюм обнял Дейзи за плечи и притянув ее к себе, словно тряпичную куклу, звонко чмокнул в макушку. Довольная собой, Дейзи не смогла сдержать белозубой улыбки.

– А вас не смущает, что я не еврейка? – опустив глаза, спросила Дейзи. – Я слышала, что евреи женятся только на еврейках.

– Вздор! – всполошился Розенблюм. – Милая, мы очень далеки от ортодоксальной религии. Да, мы чтим традиции наших предков и, как можем, стараемся не отступать от них, но в делах сердечных, религия последний советчик, к чьему мнению стоит прислушиваться. Все люди созданы из костей и плоти и в жилах наших течет одинаково алая кровь. Разумных людей объединять должны общие цели, направленные на созидание и объединение. В большинстве же случаев, религия сепарирует народы мира, что приводит к распрям и войнам. Необходимо быть выше и умнее этого и не уподобляться фанатикам. Что же касается чистоты крови, если тебя заботит именно этот вопрос, – Розенблюм прочистил горло, предваряя поднятие им достаточно деликатной и спорной темы, – тут мнения расходятся. Среди евреев не возбраняются браки даже между братьями и сестрами, если имеет место искренняя любовь, но, также, не порицается и брак еврея с не еврейкой. Всему ответом неизменно служит любовь.

Розенблюм схватил стопку и поднялся, опасно задев край стола заметно округлившимся с момента начала войны, животом.

– Я хочу произнести тост! – заявил он, тыльной стороной ладони стерев со лба мельчайшие бисеринки пота.

Все присутствующие взяли свои, наполненные до краев, стопки и тоже встали с мест.

– Никакого значения не имеет расовый корень, вероисповедание и языки, на которых мы говорим с рождения. Есть лишь один универсальный язык, который способен понять человек из любого уголка земли. Имя этому языку – любовь. Выпьем же за любовь!

Все четверо энергично стукнулись стопками, щедро окропив, расплескавшимся спиртным, блюда с угощениями и решительно опрокинули в себя напиток.

***

– Молва о Мэнни и его напарнике неслась далеко впереди них. В многострадальной Европе они были известны, как призраки. Бесшумные, неуловимые и смертоносные, они расправлялись с врагами всего человечества решительно и бескомпромиссно. Казалось, ничто не может их остановить. Эти двое ребят были лучшей нашей находкой и самым блестящим дуэтом из всех, кого мы готовили к войне.

Изрядно опьяневший, но не лишившийся твердого голоса и ясности мысли, Миллер, рассказывал Дейзи о том, что самым живым образом интересовало девушку, то и дело посматривавшую на Эммануэля, словно в попытке уверовать в то, что рядом с ней, действительно, сидит тот, о ком ведется рассказ.

– А где сейчас твой напарник? – спросила она.

– Он остался в Европе, – уклончиво ответил Эммануэль и потянулся к выпивке.

– Дейзи, ты ведь понимаешь, что все, что сегодня прозвучало в этой комнате, не должно выйти за ее пределы? – мягким, но предельно настойчивым тоном, спросил Розенблюм.

– Да, сэр. Я очень хорошо это понимаю. Может я и молода, но я далеко не дурочка.

– Милая, я вовсе не считаю тебя глупой, но в делах, подобных нашему, крайне важно сохранять тайну. Для всего твоего окружения Эммануэль может быть кем угодно, но только не тем, кем он в действительности является. Ты справишься с такой задачей? Сможешь лгать своим близким?

– Моя личная жизнь касается только меня, – безапелляционным тоном, ответила Дейзи, и Эммануэль поверил ей.

Все сидящие за столом мужчины, разведчики высочайшего класса, поверили убедительному тону девушки, пристально наблюдая за ее реакциями, мимикой и языком тела. И в последовавшие за этим разговором года, она их не разочаровала.

– Между прочим, сколько тебе лет, Дейзи? – снова взял слово Миллер.

– Девятнадцать, сэр.

– Что ж, разница в возрасте у вас с Мэнни не велика, хоть он и выглядит так, словно прожил несколько жизней.

Эммануэль горько усмехнулся шутке своего наставника и послал тому укоризненный взгляд.

– Прекрасный детородный возраст, – бесцеремонно заявил Розенблюм.

Дейзи немедленно вспыхнула, Эммануэль, будучи и сам безмерно экспансивным, не сдержал смеха, а Миллер, насупившись, покачал головой, не оценив бестактного замечания своего друга.

– Какая у тебя фамилия? – спросил Эммануэль, тронув руку девушки, чтобы покончить с важными открытиями на сегодня.

– Джонс. Дейзи Джонс.

Несмотря на лившийся рекой в этот день алкоголь, Дейзи искусно держала себя в руках и контролировала свое поведение. Язык ее лишь слегка заплетался, смягчая произношение и смазывая слова, что, впрочем, делало ее еще более обаятельной и сексуальной в глазах Эммануэля.

– Дорогая, – елейным голосом, вмешался Розенблюм, – мы все очень надеемся, что за столь короткую жизнь ты не успела так уж сильно прикипеть к своей фамилии, ведь тебе придется ее изменить.

Дейзи приняла эту новость так, словно до нее только сейчас в полной мере дошло, что ей предстоит стать законной супругой. Округлив глаза, она повернула голову к Эммануэлю.

– И какая у меня теперь будет фамилия? – с замиранием сердца, спросила она.

Эммануэль, намеренно потянув время и смакуя подаренную ему возможность растянуть удовольствие, неспешно приложился к своей стопке и лишь затем ответил:

– Стирис.

– Как красиво, – произнесла Дейзи одними губами.

Пошатнув стол, Розенблум подорвался с места и схватил бутылку с виски.

– За Эммануэля и Дейзи Стирис! – прогорланил он и приложился к горлышку.

– Мазелтов! – пожелал Миллер и опрокинул свою стопку.

Эммануэль, не сводя глаз с Дейзи, принял из рук Розенблоума бутылку и многозначительно подмигнув девушке, сделал глоток. Дейзи ответила ему коварной улыбкой.

***

– Ты здорово держалась. Я горжусь тобой, – похвалил Эммануэль Дейзи.

Обнявшись они лежали в постели, переводя дыхание, после занятия любовью больше похожего на марафонский забег в спринтерском темпе. Задор и энергичность девушки, казалось не знали конца. На ее стороне была неутомимость молодости, и жажда познавать все новое рядом с мужчиной, которому она всецело доверилась. Стоило ей расслабиться, как смущение и робость покидали ее самосознание, приводя в неистовство и превращая зажатую девушку в чуткую и с рвением отвечающую взаимностью любовницу. Эммануэль еще не знал, есть ли у него соседи в квартире справа, но подспудно радовался тому, что кухня отделяет его спальню от чужих ушей. Дейзи не сдерживала своих эмоций, когда он овладевал ею, периодически срываясь на крики, сводившие его с ума и лишавшие всякого самоконтроля. Тело его бурно реагировало на звуки, издаваемые тонким, девичьим голосом Дейзи. Кончая, Дейзи с каждым разом сотрясалась всем телом от все более крупной дрожи. Сначала зажмуриваясь и прикусывая нижнюю губу от охватывающего ее напряжения, она затем, закатывая глаза и широко открыв рот испускала из груди глубокий, проникновенный стон. Ловко подмечая, что Эммануэль уже находится на грани от столь впечатляющего мужчину зрелища, Дейзи перехватывала инициативу и с неподдельным энтузиазмом доводила своего любовника до вершины блаженства. В последующие минуты Эммануэля не беспокоила посткоитальная дисфория, свойственная людям, имеющим поводы для тревог и волнений. Напротив, ощущая в непосредственной близости частое сердцебиение женщины, отдающей ему всю себя, он, наконец, обретал мир в душе.

– Ты о том, что я едва не отдала богу душу под тобой? Или о разговоре с твоими родителями?

– Вообще-то, я имел в виду второе, но и о первом не откажусь послушать твое мнение.

Дейзи высвободилась из его объятий, толкнула на спину и устроилась на его груди, пальцами поглаживая мышцы живота.

– Я и вообразить себе не могла, что это может быть настолько приятно. Сказать по правде, я и не думала особенно о сексе до встречи с тобой. Мать вырастила меня в очень консервативной среде. Темы секса и полового воспитания никогда не поднимались, будто их и не существует вовсе.

– Неужели, ты не ощущала зов тела все эти годы? – недоумевал Эммануэль.

– Не то, чтобы меня это совсем не беспокоило, просто я не придавала этому значения и все проходило. Но, когда я встретила тебя, во мне зажглось любопытство. Я сразу поняла, что, как мужчина, ты на многое способен.

– Как же ты это поняла?

– Шутишь? Женщины чувствуют подобные вещи. По крайней мере, я сразу поняла, что ты не так прост, как это могло показаться с первого взгляда. Я хочу сказать, ты вошел в бар и заказал бутылку для себя одного. Можно было подумать, что ты алкоголик или даже пария. Но мое внимание ты привлек сразу. Хочешь узнать чем?

Рука Дейзи скользнула под простыню, которой Эммануэль был укрыт ниже пояса.

– Удиви, – ухмыльнулся он, вздохнув от удовольствия.

– От тебя пахнет сексом, – прошептала девушка. – Я прежде ни в одном мужчине не видела того, что увидела в тебе.

Дейзи откинула простыню и взобралась на Эммануэля верхом. Прильнув к его губам, она провела по ним пальцами и ее взгляд выхватил блеск золота на безымянном пальце.

– Расслабься, – прошептала она, прикрывая глаза и начав медленно двигать тазом, – я хочу доставить тебе удовольствие.

ГЛАВА 6

Спустя неделю, в течение которой Миллер любезно и учтиво не беспокоил Эммануэля, дав ему время, чтобы сбить оскомину в постели с новоявленной избранницей, в дверь постучал Марко и передал ему приглашение зайти в гости к наставнику.

– У тебя все хорошо? – полюбопытствовал Миллер.

– Мне становится скучно.

Брови Миллера удивленно поползли вверх.

– Не в том смысле. Мне не хватает действия.

– Замечательно. Это я и хотел от тебя услышать.

Выдержав небольшую паузу, Миллер продолжил:

– Как ты уже, наверняка, успел заметить, Америка очень отличается от тех мест, в которых ты привык выполнять свои задачи. Жители этой страны возлагают большие надежды на закон и еще больше полагаются на его служителей. Это значит, что действовать здесь необходимо предельно деликатно. Еще немного и весь мир вступит в эру шпионажа, но у тебя есть преимущество. Ты будешь одним из первых, кто с головой погрузится в эту профессию. А школе, которую ты прошел, позавидует и сам дьявол. Но есть кое-что, что меня беспокоит, и чтобы избавить меня от сомнений, тебе придется сделать то, о чем я тебя попрошу.

– Ты был одним из тех, кто заменил мне отца. Я сделаю все, о чем ты меня попросишь.

Решив отбросить, наконец, все формальности и стереть границы, Эммануэль перешел на «ты» и с Миллером, всегда отличавшимся строгостью и непреклонностью в том, что касалось соблюдения требований субординации. Тот и глазом не повел в ответ на новую форму обращения, уже давно ожидая, когда же его лучший ученик сообразит, что учитель относится к нему, как к сыну и проявляет к нему чрезмерные строгость и требовательность лишь потому, что желает ему добра.

– Я пригласил Сару Дафнер, чтобы она проверила тебя на профессиональную пригодность.

Перед внутренним взором Эммануэля тотчас яркими красками вспыхнули картины первого в его жизни серьезного увлечения. Сара Дафнер занималась психологической подготовкой будущих бойцов, и Эммануэль был одним из самых выдающихся ее студентов, если не сказать лучшим. И надо сказать, что лучшим он был не только за партой, проявляя серьезную тягу к познанию психологии и поиску ключей для обхождения ментальных преград. Женщина ответила взаимностью на его максималистский юношеский интерес к ней и вскоре они стали любовниками, что, впрочем, не мешало им с пользой проводить часы, отведенные под академические занятия. Избавившись от оцепенения и, как ему казалось, давно позабытого образа первой любви, Эммануэль взглянул Миллеру в глаза.

– С каких пор ты начал сомневаться в моих способностях?

– Я никогда в тебе не сомневался. По своему обыкновению, ты сначала бьешь, а потом задаешь вопросы, – сокрушительно покачал головой Миллер. – Цель Дафнер заключается в том, чтобы выяснить пригоден ли ты для работы в штатском в мирное время. Это совсем не то, что под прикрытием ночи резать глотки нацистов и обмениваться с ними очередями из пулемета в лесу. Здесь тебе придется проявить сдержанность, действовать деликатно и набраться того, что у тебя практически напрочь отсутствует – терпения.

– Хорошо, – обреченно согласился Эммануэль, не видя смысла спорить с тем, в чем Миллер, очевидно, был прав.

– А вот это уже хороший знак, Мэнни. Чем именно ты будешь заниматься, я поведаю тебе после того, как Дафнер предоставит мне свое заключение.

– Сколько времени это займет?

– Этого тебе даже сама Дафнер не скажет с уверенностью, – усмехнулся Миллер.

Эммануэль продолжал сидеть на своем месте, ожидая дальнейших указаний. Миллер что-то увлеченно записывал в свой ежедневник, казалось, совсем позабыв о том, что он не один, впрочем, такое с ним и раньше случалось. Захлопнув толстую книжицу и отложив ручку, он снова поднял глаза на Эммануэля и улыбнулся.

– Она в соседней квартире.

***

Справившись с волнением, Эммануэль постучал в дверь. Не зная, чего от себя ждать во время встречи со своей первой любовью, он постарался хоть немного отстраниться от происходящего и сосредоточиться на том, для чего Миллер прислал его. Дверь медленно отворилась, и Эммануэль ощутил, как сердце подкатило к горлу. Перед ним стояла блондинка с прямым носом в ослепительном вечернем платье глубокого черного цвета. Сару Дафнер Эммануэль запомнил женщиной с длинными волосами цвета воронова крыла и горбинкой в области переносицы, которая неизменно из года в год очаровывала его. Очевидно, что и ее не обошла сторонной необходимость внести коррективы в свою внешность, чтобы успешно смешаться с высшими кругами арийского общества.

– Здравствуй, Мэнни, – знакомым ему томным, теплым голосом, приветствовала она.

– Здравствуй, Сара, – ответил Эммануэль, не в силах скрыть охватившее его волнение.

Отойдя в сторону, женщина впустила его в квартиру, как две капли воды, похожую на обиталище Миллера. Обратив внимание на босые ноги Сары, Эммануэль скинул ботинки и распрямился. Теперь Сара стояла в каком-то полуметре от него. Годы практически не тронули морщинами ее кожу, лишь в глазах появились едва уловимые напряжение и обреченность. Насколько он мог знать, Саре Дафнер было немногим более двадцати лет, когда они приступили к обучению. Ему тогда только исполнилось четырнадцать. Значит, сейчас ей было около тридцати пяти или тридцати семи лет. Многие женщины продали бы душу сатане за возможность так выглядеть в ее годы.

– Ты возмужал, – оценив его внешний вид, произнесла она.

– И я запомнил тебя совсем другой.

Сара дотронулась до своей переносицы и легкая улыбка тронула ее губы. Губы женщины, в глазах Эммануэля, были чем-то неземным. Невероятно пухлые, словно созревшие плоды, они обладали магнетической, почти колдовской силой и неизменно вызывали желание слиться с ними в долгом поцелуе.

– Я тоже за ней скучаю.

Напряжение нарастало. Воздух словно наэлектризовался и, зная свой темперамент, Эммануэль начал опасаться того, куда может привести эта встреча. Усилием воли вырвав себя из лап очарования женщины, он осмотрелся, как бы, предлагая пройти в квартиру. Сара лишь склонила голову и улыбнулась.

– Ты нервничаешь, – утвердительно тоном, произнесла она. – А ведь я учила тебя скрывать свои эмоции.

Глаза Эммануэля потемнели от нахлынувших воспоминаний юности. И это тоже не укрылось от чуткого внимания Сары.

– В данный момент все мои эмоции сосредоточены на том, что у тебя между ног. Не жди многого от того, кто все эти годы душил свои чувства, чтобы эффективнее проливать чужую кровь.

– Как всегда груб и прямолинеен, – оценила его слова Сара и направилась вглубь апартаментов.

Эммануэль не спеша направился следом, не в силах оторвать глаз от узкой талии и пышных бедер женщины, туго обтянутых сверкающей тканью.

– Некоторые вещи с годами лишь крепчают, не так ли, Мэнни? – бросила Сара через плечо.

Эммануэль был уверен, что каким-то образом женщина точно знает, куда устремлен его взгляд.

– Тело, дух, привычки, желания, – продолжала она. – Иные люди одной лишь силой мысли способны привести себя к вожаделенной цели. Тебе так не кажется? Не гнушаясь любыми средствами и оправдываясь скоротечностью жизни.

В комнате, отведенной под личный кабинет не было книжных полок и большого стола, как у Миллера, но были вместительные мягкие кресла, небольшой рабочий стол у дальней стены и софа справа от входа. Присев в одно из кресел и подставив лицо ласковым лучам солнца, Сара легким движением руки предложила Эммануэлю занять кресло напротив, одарив его выжидающим взглядом.

– Ты сейчас очень ловко смешала воедино два типа людей: тех, что пытаются выжить и тех, что заслуживают смерти.

– Блестяще, Мэнни. Вижу, ты не растерял своей интеллектуальной формы, – похвалила Сара.

– Все мои чудесные дарования я лишь приумножил за прошедшие годы.

– Как и склонность к бахвальству.

– Был бы повод, а уж я всегда найду, чем заткнуть собеседника за пояс.

– Как тебе удалось выжить на войне, Мэнни?

– Страх оказаться униженным.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Не хотел умереть от руки немца. Очень сильно не хотел. Это и толкало меня вперед.

– Ты всегда находил самые необычные рычаги управления своими эмоциями. В этом тебе, действительно, нет равных.

Одарив его ласкающим взглядом, Сара резко перевела тему разговора в иное русло.

– Ты думал обо мне? Ведь ты говорил, что любишь меня, помнишь?

– Я помню все. И то, как ты исчезла не попрощавшись.

– У меня не было выбора. Я должна была ехать. Кураторы отправили меня.

Тон Сары был подчеркнута спокойным. Ни единый мускул на ее лице не выдавал наличия или отсутствия чувства вины.

– И это помешало тебе сказать мне последнее «прощай»?

– Это было бы лишним, и ты это знаешь. Никто из нас не рассчитывал вернуться живым с войны. Мудрее было просто раствориться в воспоминаниях, нежели хранить в памяти последние сказанные друг другу слова. Это могло бы пагубно сказаться на нашем настрое.

– Чертовски мудро, доктор Фрейд, – съязвил Эммануэль.

– Не нужно острить, Мэнни. Я училась у этого человека и питаю к нему глубокое уважение.

– Знаешь, я десятки раз применял приемы психоанализа, которому ты меня научила, чтобы свести с ума человека во время пыток. Это было здорово. Видеть, как в глазах обреченного на смерть, но до последнего не расстающегося с надеждой выжить, зажигается вера в то, что ему удастся уцелеть и оказаться дома, а потом медленно вонзать в мягкую плоть лезвие ножа. Ты знала, что в такие мгновения психика человека за неуловимые доли секунды выстраивает блок, не давая поверить, что это смерть наступает? Конечно, нет. Этому доктор Фрейд тебя не учил. Многие начинают истерически хихикать, когда из них фонтаном брызжет кровь, а кишки вываливаются из открывшейся прорехи. Выброс анестезирующих гормонов настолько велик, что им и впрямь удается сохранить позитивный настрой. А потом мышцы теряют свой тонус, прямая кишка расслабляется и человек в последний раз в своей жизни удобряет собственные штаны.

Лицо Сары оставалось непроницаемым. Чего ей было не занимать, так это способности держать себя в руках, сохраняя каменное выражение лица. «Пожалуй, эта ее особенность сыграла далеко не последнюю роль в вопросах сохранения собственной жизни в эпицентре нацистов, – подумал Эммануэль».

– Нет, Сара, я не думал о тебе. В первые несколько лет, проведенные мною на войне, я так много трахался, что вскоре воспоминания о твоих прикосновениях стерлись из моей памяти. А, если что и оставалось, я заглушил это убийствами и алкоголем. Как видишь, удовольствий у меня было в избытке. Тактика выживания, Сара.

– Вот как ты интерпретировал мои уроки?

– Я всегда был склонен к извращениям. Ты помнишь?

Эммануэлю показалось, что последние его слова вызвали появление едва заметного румянца на щеках женщины.

– События последних лет научили меня хоронить собственное сердце под толстым слоем стремления выжить и обрушить возмездие на головы ответственных за мою боль.

– Хоронить сердце... Разве может позволить себе такие слова новоявленный жених?

– Новоявленный жених не может позволить себе только одного – обделить заботой невесту. А заботиться о тех, кто ко мне добр, я умею не хуже, чем убивать.

– А я думала о тебе, Мэнни. Все эти годы я вспоминала тебя и не уставала задаваться вопросом – Все ли с тобой хорошо? Каждую ночь закрывая глаза я видела твое лицо и пыталась себе представить, как сильно изменился мой мальчик.

Хоть Эммануэль и знал, что сидящая перед ним Сара Дафнер никогда не была склонна к лжи, ради собственной выгоды или фарсу, в худшем смысле этого слова, тем не менее, он пристально всматривался в лицо женщины, в поисках малейшего намека на лукавство с ее стороны. Но как бы он ни хотел найти хоть малейший намек на то, что она врет, ему это не удавалось.

– Пытаешься меня прочесть, Мэнни? Получается?

– Мне удавалось и не такое и в обстоятельствах, не столь располагающих к раздумьям, – буркнул Эммануэль и отвернулся к окну.

«Черт бы побрал Миллера с его тестами, – негодовал Эммануэль про себя. – Решили на пару души из меня вытрясти. А может снять со счета все деньги, прихватить Дейзи и рвануть куда глаза глядят? Новый паспорт у меня уже есть, благодаря Миллеру. Америка большая и я смогу затеряться там, где меня не найдут. На западном побережье всегда тепло и океан рядом. Что мне стоит сделать это? Дело одного дня, и никто никогда меня не найдет».

– Мэнни, – мягко позвала Сара.

«Но чем я буду заниматься? Я ведь ни черта не умею. Меня учили только одному. Целыми днями сидеть дома на мешке с деньгами? Глупости. Я смогу придумать себе занятие. В конце концов, открою небольшое дело. Что-то же я должен уметь делать, кроме убийств».

– Мэнни, не уходи от меня, – снова подала голос женщина.

Эммануэль устало потер глаза и расстался с глупыми мыслями о побеге. «Раньше нужно было бежать, идиот».

– Я люблю тебя, Мэнни, – нежно произнесла Сара.

Собрав всю свою волю в кулак, Эммануэль до боли стиснул зубы и промолчал. Сара смотрела на него своими полными любви и печали глазами.

– На сегодня все. Ты свободен.

Встав, Эммануэль вихрем пронесся по квартире и вышел, хлопнув дверью.

– Кажется, я на несколько лет опоздала со своей любовью, – тоскливо проговорила Сара Дафнер в повисшей тишине.

***

Той ночью Эммануэль, как ни старался, но так и не смог уснуть. Ворочаясь в постели он, то укрывался воздушной простыней в поисках уюта способного даровать сон, то в негодовании сбрасывал ее с себя. Ложась на спину, он, словно сломанная и работающая наоборот кукла для детей, открывал глаза и смотрел в потолок, а переворачиваясь на грудь, бесился из-за того, что вместо женщины, обнимает подушку. В дни, выпадающие на смены в баре, Дейзи оставалась у себя, и они не виделись. Вопрос о месте дальнейшего сожительства они пока обходили стороной, не видя необходимости торопить события. Неделя, оставшаяся позади, и без того была волнительной. Не хотелось перегружать событиями начало их отношений и душить тривиальными заботами столь волнительный период.

Выйдя из себя, Эммануэль сел на кровати и потер покрасневшие глаза. Мысли снова вернулись к причинам, лишившим его сна. Первая любовь, женщина с которой он впервые лег в постель и познал радость плотских утех, сейчас спала этажом ниже. Семь лет минуло с последней их встречи, а ее присутствие все так же будоражило его кровь. Чувства, которые он некогда питал к Саре, нельзя было объяснить словами. Это было нечто между страстью, животной похотью, уважением к ментору и болезненным стремлением заполнить внутреннюю пустоту сироты. Да, случались моменты, когда он ловил себя на мысли, что некоей частью своей вечной души, он воспринимает Сару, как мать, которой у него никогда не было, так она порой была нежна с ним.

Раздался легкий стук в дверь. Настолько мягкий, что складывалось впечатление будто пришелец стучит подушечками пальцев. «Сара, – подумал Эммануэль».

– Проклятье, – произнес он вслух.

Эммануэль доподлинно знал, что если откроет дверь, то не пройдет и минуты, как они оба окажутся в постели, чтобы вспомнить былое и изучить новое. Он никогда не церемонился с женщинами. Всегда брал их молча, отбросив неуместные, на его взгляд, такт и манерность. Но с Сарой одним сексом дело не кончится. Женщина все еще горячо влюблена в него. Возможно, именно это глубокое чувство и помогло ей сохранить жизнь и рассудок в Европе, в то время, как его спасло лишь полное самоотречение. Продолжи он подпитывать свою любовь к Саре, думая о ней, как о ком-то, с кем у него может быть будущее за пределами войны, точно лишился бы здравого смысла. У каждого человека свой инструментарий для выживания.

Погруженный в удручающие размышления, Эммануэль не заметил, как стук в дверь прекратился. Сара не могла не знать, что он обладает уникальной, вышколенной особенностью, просыпаться от малейшего постороннего звука, а из этого следовало, что она поймет – он намеренно не стал открывать ей. Эммануэль понимал, что такой поступок унижит достоинство женщины ведомой исключительно зовом сердца, но позволить себе поступить иначе он не мог. Да и не хотел. Годы, проведенные в условиях доведенного до белого каления постоянного напряжения, очерствили его сердце и сделали циничным. В некотором смысле, он стал подменять чувства рациональным мышлением, находя в этом подходе больше пользы и безопасности. В Европе, ложась в постель с очередной девушкой, он занимался с ней сексом так, будто это была последняя его ночь на земле, а просыпаясь утром невредимым, расставался с ней навсегда без чаяний встретиться вновь. Схожим образом, он относился и к новым соратникам. Они могли вместе пить и брататься, но для Эммануэля все эти люди уже были мертвецами. Мира за пределами войны не существовало и мечтать о нем было бы пагубно. Надежда может сыграть с человеком очень злую шутку. Как бывалая проститутка, о чем прошлом ты не подозреваешь, она, ложась с тобой в постель, шепчет на ухо слова любви, чтобы усладить тебя. Во втором случае можно обойтись малой кровью и проснуться с обчищенными карманами. В первом можно не проснуться вовсе.

Будучи с самим собой предельно откровенным, Эммануэль мог с чистой совестью признаться себе в том, что ему стало глубоко плевать на все и всех вокруг. Со своим одиночеством он давно смирился и сделал его своим единственным партнером, вручив ключи от сво-

его сердца. Терять людей стало вредной привычкой, давно не приносящей никаких эмоций. Обыденный ритуал.

Тяжело вздохнув и смачно выругавшись в голос, Эммануэль поднялся, натянул джинсы и рубашку и пошел к выходу, намереваясь прогуляться в парк. Обувшись, он прихватил из сумки нож, именуемый пикой. Конструкция этого ножа позволяла удобно зажимать его рукоять в кулаке и, с помощью ударной техники, орудовать лезвием, пикой торчащим между пальцев. Сунув нож в шлевку на поясе и прикрыв его полами рубашки, он вышел и закрыл дверь на ключ.

Оказавшись на улице, Эммануэль украдкой осмотрелся. В переулке по соседству едва заметно чадил выхлопом зеленый автомобиль, неизвестной ему марки. За рулем сидел человек у чьей головы то и дело загорался красный огонек тлеющей сигареты. Преодолев пустынную в этот час проезжую часть, Эммануэль вошел в парк и скрылся в мраке, царившем в его зарослях. Часто видевав его из окна своей квартиры, он направился к небольшому пруду. Немного побродив, зигзагами выстраивая свой путь и искоса наблюдая за человеком, покинувшим свой автомобиль, он вышел к берегу водоема и уселся на траву, прислушиваясь к окружающим его звукам. «Какого черта кому-то, у кого есть средства на содержание автомобиля, могло пондобиться от человека живущего на Восьмой авеню? – задался он вопросом и откинувшись, лег на спину, сложив руки за головой». Маленькая хитрость, позволившая ему узнать, что творится у него за спиной. Окинув взглядом тропки и аллеи позади себя, он не увидел никого, кроме, потрепанного вида, бродяги, прорвавшегося через заросли кустарника и устроившегося с бутылкой на скамейке. Раздался всплеск воды и откуда-то справа, по металлической глади озера, побежала рябь. Приняв сидячее положение, Эммануэль стал ждать, чья же голова покажется над водой.

– Фрэнк?! – удивился он, увидев знакомое лицо в свете луны.

Не ожидавший никого встретить здесь в столь поздний час, мужчина пошатнулся, видимо, поскользнувшись на илистом дне и закашлялся. Признав в незнакомце Эммануэля, он стал осторожно выбираться на берег, отплевываясь от попавшей в рот воды. Чтобы не смущать нагого мужчину, Эммануэль вновь улегся на землю. Сидевший невдалеке бродяга с живым интересом наблюдал за происходящим на берегу пруда, потягивая содержимое бутылки. Раздался шелест кустов, а следом за ним звуки натягиваемой одежды.

– Извините мне мой вид. Хочу обсохнуть прежде, чем надеть на себя одежду.

Фрэнк в одних, выдавших виды, трусах, устроился рядом.

– Все в порядке, приятель. Меня это несколько не смущает, – равнодушно ответил Эммануэль.

– Что вы здесь делаете? – живо поинтересовался мужчина, пользуясь редкой возможностью пообщаться с другим человеком.

– Не спится.

– Понимаю. Я тоже часто не могу уснуть. А когда засыпаю вижу свое прошлое: друзей, женщин.

Мужчина тяжело вздохнул и замолчал.

– Как ты оказался на улице? – спросил Эммануэль.

Мужчина, до этого всматривавшийся в черную, зеркальную поверхность пруда, расплывчато отражавшую звезды и месяц, опустил глаза.

– Я тут по своей воле, – хриплым голосом, ответил он.

Увидев непонимание в глазах Эммануэля, он вздохнул и продолжил:

– Когда-то у меня было все, чего только можно пожелать: деньги, женщины, влияние. Потом меня призвали на фронт. Как итог, два тяжелых ранения. Одно в живот, другое в левое бедро. Первая пуля пробилла желчный пузырь, вторая бедренную артерию. В палатке, куда меня доставили к другим раненым, я залил все своей кровью в ожидании медика. Святой отец, дежу-

ривший там, чтобы помочь безнадежным солдатам со спокойной душой отойти в мир иной, решил, что я умер и, как мне потом стало известно, сообщил об этом моим родным. В себя я пришел уже в военном госпитале, где мне сказали, что от ранений и кровопотери, я впал в кому. Я еще долго там отдыхал, а когда меня выпроводили, отдав койку тому, кому она нужнее, я узнал, что мой бизнес был рэкетирован и захвачен моим конкурентом, а женщина, которую я любил, исчезла.

– Возможно, она уехала, не в силах справиться с болью в месте, где все напоминает ей о тебе. Ты должен найти ее.

– Ты еще слишком молод, чтобы понять мои чувства. У нас с ней был долгий путь к счастью. Я причинял ей боль, мы расставались, потом я возвращался с повинной, и она принимала меня, и так вновь и вновь. А когда мы, наконец, зажили вместе и начали подумывать о свадьбе, меня призвали. Я был идиотом. Для нее лучше будет думать, что я умер. Не хочу постучать в ее дверь и узнать, что я ей не нужен, что у нее теперь есть другой. Этого я не смогу перенести. Знаешь, в этом отношении мужчины намного слабее женщин. Нам в разы тяжелее пережить боль утраты. Когда ты силен, горд и уверен в себе, принять тот факт, что женщина нашла тебе замену, непомерно тяжело. Поэтому мы спиваемся, трахаемся со всеми подряд и буяним. Это лишь наши жалкие потуги заглушить боль, чтобы сохранить остатки достоинства и не приползти обратно. Женщины – создания много более хладнокровные, даже жестокие. Знаешь, я думаю, что женщины так природой устроены. Они предпочитают получать, но не отдавать. Они не ценят полубовного к себе отношения так, как его ценят мужики, искренне удивляясь, что кто-то и впрямь может любить это грубое, неотесанное существо.

Эммануэлю показалось, что слова эти давно созрели в уме Фрэнка и просились наружу. Он с готовностью и без обиняков излил Эммануэлю душу и снова замолчал, уставившись куда-то перед собой.

– Ты ее любишь?

Фрэнк задумался и лицо его стало хмурым. Затем он повернул голову к Эммануэлю и оценивающе взглянул на него.

– Из-за твоих глаз трудно сказать точно сколько тебе лет, но, думаю, не больше тридцати, я прав?

Эммануэль кивнул.

– Мне уже перевалило за сорок. И, знаешь, что я понял? Что настоящие однолюбы – это мужчины. У меня было очень много женщин, но по ночам, когда мысли срываются с поводка, я думаю лишь об одной. И так уже долгие годы.

Эммануэль опустил глаза и напрягся. Слова Фрэнка нашли в нем живой отклик.

– У тебя есть дети? – спросил Фрэнк, натягивая потрепанные брюки и усевшись по другую руку от Эммануэля, там, где трава была сухой.

– Нет.

– А хотел бы?

– Нет.

– Почему же?

– Со мной больше нет той, от кого я хотел бы их.

– Уверяю тебя, окажись на моем месте кто угодно другой, и он бы стал заверять тебя в том, что ты еще чертовски молод и все у тебя впереди. Кто угодно, но только не я. Я не стану полоскать тебе мозги этой ересью для ополоумевших романтиков. Мне хорошо известна цена душевной привязанности.

Эммануэль вздохнул и ощутил состояние близкое к смерти. Но не физической, что не раз уже случалось с ним, а ментальной. Безграничное, жестокое и всепоглощающее одиночество окутало все его существо и в этот момент он ощутил единство с его прозвищем. Призрак. Вот кем он является. Призрак былых и безвозвратно канувших надежд.

– Где ты собираешься спать сегодня? – полюбопытствовал Эммануэль.

– На той скамье, когда этот ряженный уберется.

– Ряженный?

– Я знаю всех бродяг в округе. Он не один из нас. И одежда у него, будто специально порвана, чтоб сойти за нищего.

– Вот как.

Потерев лоб, Эммануэль понял, что его ждет очередное развлечение перед сном.

– Пойду выясню, к чему ему эта клоунада.

Фрэнк взглядом проводил устремившегося к скамье Эммануэля. Человек, который ее занимал, заметно занервничал, когда понял, что Эммануэль движется напрямик к нему. Рука с бутылкой прижалась к животу.

– Чудесный вечер, не так ли? – поинтересовался Эммануэль.

Плюхнувшись на скамью рядом с неизвестным, Эммануэль сразу понял, что Фрэнк был прав. Этот человек не был бездомным. Он был упитан, от него не пахло потом, его ногти были чистыми, а лицо бережно выбрито. Более того, от него исходил явственный аромат парфюма. Сообразив, что к чему, Эммануэль обезоруживающе улыбнулся. Учитывая обстоятельства, в этот момент его можно было принять за дурачка. Мужчина просипел нечто невразумительное в ответ.

– Не угостишь выпивкой? – точно зная, что там не спиртное, спросил Эммануэль.

Мужчина покосился на него и начал вставать, чтобы уйти.

– Разве я разрешал тебе уходить?

Опустив руку на плечо мужчины, Эммануэль усадил его обратно. Тогда, мужчина откинул пальто с правой стороны и явил ему заткнутый за пояс револьвер. Эммануэль усмехнулся и иронично покачал головой. «Пока ты будешь его доставать, я тебе кадык успею вырвать, – подумал он». Но вместо этого, он выбросил кулак и его тыльной стороной ударил в нос ново-явленного противника. Если хочешь сделать человеку больно и донести до него серьезность своих намерений, но при этом оставить в сознании, нос – идеальная мишень. Состоя, в основном, из хрящей и небольшой, но очень крепкой, особенно в медиальной части, носовой кости, нос не так-то легко подвержен переломам. По причине крепости вышеупомянутой медиальной части, нос чаще смещается от силового воздействия. Чтобы сломать его, нужно иметь отменно поставленный удар и направить его в цель в строго определенный момент. Проще говоря, это воля случая. Либо же, можно, сидя сбоку от противника, приложить его головкой пястной кости кулака точно в медиальное сочленение. Эммануэль сделал именно так, и голова мужчины резко откинулась назад, лишив того шляпы и рискуя слететь с плеч. Раздался стон. Сложив ладони лодочкой, мужчина приложил их к носу и по рукам у него потекла кровь, исчезая в рукавах пальто. Эммануэль спокойно выхватил его револьвер. Бережно начищенный, он пах оружейной смазкой, но не пороховыми газами. Все шесть зарядов оказались на положенных местах в барабане.

– Ну, и что мне с тобой делать? – задал Эммануэль вопрос, который так любил задавать врагам в годы войны.

Подобная словесная игра позволяла накалить градус напряжения. В такие моменты, фантазия пленного рисовала пытки в разы краше тех, которым он в итоге подвергался. Мужчина отнял руки от лица и стал бережно ощупывать сломанный нос в месте, где переносица провалилась, образовав жуткого вида ямку. Из обоих глаз у него текли слезы, примешиваясь к крови и соплям. Испуганными глазами он отметил, что его лишили оружия и притих.

– Кто ты? – спросил Эммануэль.

– Дик Харрис, – невнятно прогудел мужчина.

– Мне не нужна твоя биография. Кто ты такой?

– Я частный сыщик.

– И что тебе нужно от меня?

Фрэнк, наблюдавший до этого за развернувшимся представлением с расстояния, теперь направился к скамье, шлепая босыми ногами по траве и на ходу застегивая рубашку. В нескольких метрах от Эммануэля он остановился, как вкопанный и замер, глядя куда-то поверх головы своего товарища.

– Сейчас намного важнее то, что мне нужно от тебя.

Голос произнесший эти слова, прозвучал над ухом Эммануэля и тут же он ощутил прикосновение холодного металла к затылку.

– Положи револьвер и медленно встань.

Выполняя приказ, Эммануэль намеренно выдвинул барабан и патроны, застучав по дереву скамьи, посыпались меж ее прутьев на землю.

– Повернись, – приказал голос.

Эммануэль медленно повернулся. Владелец аналогичного револьвера смотрел на него свирепыми глазами. Мужчине, судя по виду, было хорошо за сорок. Отменная, для его лет, физическая форма. Глупая прическа. Короткие волосы торчали вверх, словно он только вчера демобилизовался из войск регулярной армии. Черты лица показались Эммануэлю смутно знакомыми, но он никак не мог вспомнить, где видел этого человека.

– Знаешь кто я? – сирым от злости голосом, спросил мужчина.

– Сгораю от любопытства, – улыбнулся Эммануэль.

– Я отец парня, которого ты ударил в баре.

– Так ты вместо него за добавкой пришел?

Мужчина замахнулся свободной рукой, чтобы ударить обидчика и это была его ошибка.

Человек вооруженный огнестрельным оружием, ножом или дубинкой, психологически имеет в своем распоряжении лишь один способ атаки, лишая себя полноценного арсенала ударов конечностями. В данном случае, позабыв о револьвере в руке, ослепленный праведным гневом мужчина, решил атаковать кулаком. Револьвер ушел с линии прицельного огня и развязал Эммануэлю руки. Нырнув под руку противника, он ударил его правым хуком в челюсть и тот рухнул на землю, выронив оружие. Подбрав его, Эммануэль осмотрелся и прислушался. Патрульных, периодически совершавших обход парка, слышно не было, цоканья подкованных копыт лошадей тоже.

– Тебе, часом, оружие не нужно? – спросил Эммануэль Фрэнка.

– Лишним не будет. Глядя на тебя, во мне просыпается желание вернуться к прежней жизни.

Эммануэль протянул ему револьвер и тот умелым движением проверил содержимое барабана, прежде, чем спрятать его за пояс. Поверженный мужчина начал приходить в себя и покряхтывая, с трудом принял сидячее положение.

– Вот как мы поступим, – начал Эммануэль и его тут же прервали.

– Миллер, – произнес мужчина, потирая ушибленную челюсть.

На мгновение опешив, Эммануэль быстро взял себя в руки.

– Продолжай, – потребовал он.

– Миллер послал меня.

– С какой целью?

– Преподать тебе урок под видом человека, чьего сына ты избил.

– А что же сыщик?

– Я здесь по свои делам и к тебе они не имеют никакого отношения, – гундосым голосом, ответил детектив.

– Бред какой-то, – буркнул Эммануэль себе под нос.

Мимолетом попрощавшись с Фрэнком, Эммануэль направился обратно в дом на Восьмой авеню. Через пятнадцать минут он уже настойчиво таранил в дверь Миллера.

***

– Вот, – кратко бросил Миллер и протянул Эммануэлю стакан, в котором было виски на два пальца.

Переступив порог квартиры своего наставника, Эммануэль не произнес ни слова, но внутри у него все кипело. Его взбесило то, обстоятельство, что с ним обошлись, как с зеленым юнцом, подослав к нему какого-то недоучку, чтобы тот «преподал ему урок». Одним махом опорожнив стакан, он уселся в кресло напротив Миллера.

– Это часть проверки, Мэнни.

– Проверки на что?!

Миллер укоризненно посмотрел на него, намекая, чтобы Эммануэль снизил тон.

– Посылая тебя на задания здесь в Америке, я должен быть уверен, что ты в состоянии держать себя в руках и разрешать встающие перед тобой вопросы максимально консервативными способами. На войне ты привык резать глотки всем подряд. Здесь так нельзя.

– Ты, что же, решил, что я стану убивать направо и налево в мирное время?

– Тебе известно, что такое посттравматическое стрессовое расстройство?

– Разумеется.

– Я не имел права не удостовериться в том, что оно обошло тебя стороной. Страдающие им люди зачастую не видят разницы в обстоятельствах, когда перед их лицом возникает угроза. Обо всех твоих действиях мне уже доложили, пока ты мчался сюда. Ты поступил с умом. Обезвредил, разоружил и допросил. Больше у меня нет сомнений в ясности твоего рассудка.

– Это значит, что Дафнер больше не станет меня пытаться?

– Нет. Она с тобой еще не закончила.

– Это она так решила или ты?

– А какая в сущности разница? Чье бы это ни было решение, обсуждению оно не подлежит.

Эммануэль продолжал буравить Миллера взглядом. Тот снял очки и потер покрасневшую переносицу.

– Это наше общее с ней решение.

– Что же еще ее диагностика призвана прояснить для вас?

Миллер на мгновение спрятал глаза, чего Эммануэль прежде не замечал за ним.

– Что ты не сорвешься и не совершишь предательство.

Стиснув зубы, Эммануэль медленно кивнул, общаясь, скорее с собственным гневом, и направился к выходу из квартиры.

ГЛАВА 7

Утром следующего дня, плотно позавтракав, Эммануэль оделся и спустился к Саре Дафнер. Сегодня она облачилась в белое платье на бретельках, едва доходившее ей до колен и открывавшее взору маленькие, крепкие груди. Амбре сладковатых духов следовало за ней по пятам.

– Насколько я понимаю, от озвученных тобою выводов зависит моя дальнейшая судьба, – первым начал Эммануэль, когда они расположились на своих местах в кабинете женщины.

– Ты сомневаешься в моей квалификации?

– Я сомневаюсь в целесообразности и пользе этой болтовни.

– Прежде ты питал большее уважение к психологии.

– Вот именно. К психологии. Не к психологам.

– Почему ты разговариваешь со мной так, словно я твой враг?

– Может потому, что это вошло в привычку? На протяжении шести лет всех, кто меня окружал, я считал потенциальными врагами.

– Вот потому-то, ты и сидишь сейчас напротив меня, Мэнни, – подчеркнуто спокойно, произнесла Сара.

В глазах ее не было торжества и превосходства. В них стояло отчетливое сочувствие. Эммануэль понял, что он загнан в угол собственной несдержанностью в этой словесной баталии.

– Послушай, Сара, на войне подобный образ мысли приносит спасение. Да, много друзей с таким настроем не заведешь, но, по крайней мере, останешься в живых.

– Тем не менее, привычку эту ты принес с собой и сюда.

– Я ляпнул не подумав.

– Нет, не пытайся меня обмануть. Ты с самого начала смотрел на меня, как на жертву моей собственной любви к тебе и упивался тем, что нарастил под кожей многослойную броню, через которую к тебе не подступиться и не достучаться. Почему ты вчера не открыл мне?

– Не пожелал.

Опустив глаза, Сара сглотнула и по лицу ее пробежали боль и досада.

– Что же с тобой стало?

– Ты мне скажи, ведь это ты психолог.

– Хорошо. Я скажу. Ты наслаждаешься своей болью, сделав ее неоспоримым поводом для того, чтобы ненавидеть весь мир. Ты отложил свою жизнь на потом, дав себе обещание, что будешь счастливым когда-нибудь в будущем. Ты варишься в котле полном слез и страданий и только и ждешь случая, чтобы затянуть туда своего противника, вдоволь дав ему хлебнуть участи, на которую обрекли тебя. Ты поставил крест на своей жизни. И все, о чем ты сейчас способен помышлять – это смерть. Смерть тех, кто был тебе дорог и смерть тех, кому удалось от тебя улизнуть.

С каменным лицом Эммануэль несколько раз хлопнул в ладоши.

– Гениально, доктор. Никогда еще не ощущал себя голым сидя в одежде. Извини, что овации не стоячие.

– Не хами мне, Мэнни.

– Какого черта тебе от меня нужно? – устало спросил Эммануэль. – Ты решила, что можешь прочувствовать мою душевную боль и понять причины ее возникновения, сидя в уютном кресле? Сдается мне, что даже твой хваленый Фрейд не отважился бы возложить на себя подобную ответственность.

– Думаешь, тебе одному тяжело дались минувшие годы?

– Я думаю, что не стоит пытаться приставлять к чужой боли оценочную шкалу.

– Иногда, приходится это делать, Мэнни, чтобы сопоставить внутренние переживания с внешним откликом на них и понять существует ли дисбаланс. Так мы выявляем...

– Наличие психических расстройств, – закончил Эммануэль фразу Сары. – Миллер сказал мне, что на этот счет ты уже составила мнение.

– Верно. Психических расстройств у тебя нет, – не моргнув глазом, соврала Сара. – А чувство вины и скорбь к ним пока не приравняли.

– И даже застилающую глаза, жажду поквитаться с врагами?

– И даже это.

***

Розенблум, всегда питавший к Эммануэлю исключительно теплые отцовские чувства, со все нарастающим скептицизмом и проступающим на лице недовольством, слушал о том, каким проверкам его подвергают Миллер и Дафнер. Прикрыв глаза рукой и усмехнувшись, он посмотрел на своих коллег, как на бежавших пациентов дурдома.

– Вы что, мать вашу, совсем из ума выжили? – гаркнул он, мгновенно поменявшись в лице. – Вы пытаетесь мне сказать, что Мэнни может переметнуться на чужую сторону? Любопытно к кому? Может быть к немцам? Ему ведь так мало было их общества за последние годы. Или к американцам, которые укрывают большую часть бежавших от правосудия нацистов? А может к русским? Сталин ведь с готовностью вручит ему в дар домик в деревне и клочок земли в обмен на задушевные истории о том, как он по всей Европе гонялся за фрицами.

– Есть еще Франция, – предположила Сара Дафнер.

– ТЫ ЧТО СПЯТИЛА?! – взревел Розенблум. – Ты хоть знаешь, что он оставил во Франции?! Да он туда и под страхом смерти не вернется! А как он поступал с доносчиками во Франции ты знаешь?

Сара молча отвечала Розенблему твердым, уверенным взглядом.

– Да у тебя волосы дыбом встанут на причинных местах, если я тебе расскажу, как он казнил французов сдававших немцам евреев! Не смей мешать его с этим дерьмом!

– Миша, – предостерегающе позвал Миллер, – возьми себя в руки.

– А ты тоже хорош! – напоследок метнув глазами молнии в Сару, Розенблум перевел взгляд на Миллера. – Как ты смеешь подозревать своего собственного воспитанника в подобных помыслах? Пока мы все отсиживались в своих домах, квартирах и штабах, забавляясь шпионскими играми, шампанским и флиртом с врагом, Мэнни жизнью своей рисковал. Он там душу свою оставил, в конце концов! Счастье, если мальчик еще хоть раз в жизни сможет полюбить.

Розенблум встал и бесцеремонно вышел из кабинета. Через минуту он вернулся со стаканом спиртного в руке. Остальным он не предложил напиток.

– Ты практически ответил на поставленные тобою же вопросы, Миша, – подала голос Сара, дождавшись, когда Розенблум выпьет и успокоится. – Мы боимся того, что Эммануэль может и на нас возлагать часть вины за то, что с ним произошло. Ведь это мы в ответе за то, что он оказался на войне.

– И поэтому он должен совершить предательство?

– Исключать подобную возможность мы не в праве.

– Мальчик ищет освобождения из клетки, в которую мы собственноручно засадили его! Он встретил прекрасную девушку и дай бог, чтобы ей оказалось по силам успокоить его метущееся сердце. От нас ему нужна работа, которая позволит занять мысли и руки. А вот если он ее не получит, и вы двое продолжите пытаться его, тогда он точно сбежит.

Упоминание любовного интереса Эммануэля, Сара встретила не моргнув глазом, но сердце ее в этот момент болезненно сжалось, напомнив о том, какие собственнические чувства она питает к этому мужчине.

– Послушай, Степа, – начал Розенблюм, опустошив стакан и прочистив горло, – у нас был план. Ты помнишь? Мы с тобой работали над ним не один месяц, собирая информацию к возвращению Мэнни. Это наш подарок ему. Наш способ даровать ему искупление, которого он так жаждет.

– Но нам все еще не хватает одного пункта.

– Плевать! Для начала и этих двоих достаточно. Последнего оставим на десерт.

Сара непонимающе переводила взгляд с одного мужчины на другого.

– Я все еще сомневаюсь в этом мужчине. Нам нужны подтверждения того, что это, действительно, он была в Польше.

– Спросим об этом Мэнни.

– Черта с два он станет говорить об этом, – негодуяще проворчал Миллер.

– У нас всегда есть человек, способный разговорить его, не так ли, Сара?

– О чем вы оба ведете речь? – спросила женщина.

– О том, что Мэнни необходимо свести счеты кое с кем из прошлого, – взялся пояснить Розенблюм. – Одного мы пока не нашли. И еще в одном сомневаемся. Все сведения о нем совпадают с тем, что доложил Моррис, но это лишь описание на бумаге. Нам необходимо, чтобы Мэнни посмотрел на фотографию и подтвердил идентичность.

– И я должна подвести его к этому?

– Да. Но не сейчас.

Розенблюм посмотрел на Миллера.

– Я надеюсь мы пришли к согласию?

Миллер кивнул, не видя других вариантов.

– Отлично. Я сам ему все расскажу о предстоящем задании.

***

Когда раздался стук в дверь, Эммануэль с Дейзи как раз сели ужинать. У девушки были выходные от работы, но с утра до вечера она проводила время за учебой, посещая курсы в центре города и возвращаясь с уставшей улыбкой на лице.

– Я жутко голодная, – пожаловалась она, когда вернулась домой.

К тому времени Эммануэль закончил приготовление ужина и Дейзи переодевшись в домашнее, помогла ему накрыть обеденный стол у окна.

– Ты ждешь кого-то? – спросила Дейзи с набитым ртом.

– Тот, кого я ждал, должен есть с закрытым ртом.

Дейзи улыбнулась и едва не рассталась с пищей. Эммануэль рассмеялся и направился к двери, в надежде, что по ту ее сторону стоит не Сара Дафнер.

– Здравствуй, Мэнни, – расплылся в улыбке Розенблюм. – Я не помешал тебе?

– Дейзи только что вернулась с учебы. Мы ужинаем. Присоединишься?

Эммануэль шагнул в сторону и Розенблюм вошел, с порога приветствуя свою невестку.

– А выпить у тебя найдется?

Эммануэль ухмыльнулся и пошел в кухню, чтобы исполнить просьбу. Пока он занимался выпивкой, до его ушей доносились сладкоголосые увещания Розенблюма в том, какая у него красивая невестка. Когда Эммануэль вернулся за стол, Дейзи не находила себе места от смущения. Довольная комплиментом мужчины, она не могла расстаться с улыбкой.

– Знаешь, будь я лет на тридцать моложе, Мэнни пришлось бы попотеть, чтобы составить мне конкуренцию рядом с тобой, – подмигнув девушке, изрек Розенблюм.

– И килограммов на тридцать легче, – съязвил Эммануэль.

– Очень вкусно! Что это? – спросил Розенблюм, пригубив напиток.

– Джин с тоником. Дейзи научила меня.

– Бог мой! Я вижу ты в надежных руках. Надеюсь, ты не забываешь тренироваться? А то, чего доброго, еще растеряешь свою форму.

– Этого не случится, – ответил Эммануэль, припомнив, как днем посреди своей просторной гостиной посвятил несколько часов растяжке, отработке боевых движений, прыжкам через стулья и силовым упражнениям.

– Отлично. В самое ближайшее время тебе это пригодится.

Эммануэль отложил вилку и посмотрел в глаза своего наставника.

– Я в деле?

– Все верно. Завтра утром вы вылетаете.

– Мы?

– Ты и Дафнер.

Розенблюм умышленно назвал женщину по фамилии, чтобы не вызывать у Дейзи смутных подозрений и беспокойства, присущего женскому полу.

Когда, после ужина Дейзи скрылась в спальне, чтобы принять душ, Эммануэль и Розенблюм уединились в кухне. Эммануэль пустил воду в раковине и принялся неспешно мыть посуду, сосредоточенно слушая все, что ему говорит Розенблюм, стоявший рядом с ним, привалившись к столешнице.

– Человек, которому удалось уйти от вас на юге Франции несколько месяцев назад, нам удалось найти его по горячим следам.

– Кто именно?

– Доктор.

Эммануэль поднял на Розенблюма округлившиеся глаза. Человек, о котором шла речь, ставил зверские эксперименты на женщинах, уверенно идя по стопам правой руки Гитлера и вдохновляясь его трудами. Тогда он уже был во власти Эммануэля и Морриса, но, внезапно, из леса вышли немцы, несшие караул в отдалении и нашли своих товарищей мертвыми. Началась перестрелка и доктору удалось бежать. Из-за этих событий Эммануэль опоздал к человеку, который ждал, что он придет к нему на выручку. Выждав несколько секунд и воспользовавшись ими, чтобы обновить выпивку, Розенблюм продолжил.

– В последние годы войны, когда среди соратников и последователей идеологии Гитлера, распространились сомнения в победе немцев, многие ученые и солдаты из высших чинов бежали, пользуясь аппетитом Америки и Англии к информации, которой те владели. Штаты приютили большинство ученых, проводивших изуверские эксперименты на пленных, в обмен на результаты их исследований. Они думают, что мы этого не знаем, а мы подыгрываем и умело делаем вид, что не знаем. Америка наводнена шпионами из Англии, России и Японии. То, что будем делать мы не отбросит на нас тень подозрения со стороны правительства Штатов.

– Куда я полечу?

– Вы с Сарой летите в Лос-Анджелес. Там у этого человека своя медицинская практика. Полагаю, ты догадываешься, чем именно он занимается?

– Гинеколог, – выдавил из себя Эммануэль и его лицо перекосило от гнева.

– С Сарой ты летишь потому, что этот человек полон подозрений и ведет очень осмотрительный образ жизни. На окнах и дверях его дома стоят металлические решетки, а кабинет, в котором он принимает, находится прямо напротив полицейского участка. Более того, супругам полицейских он делает внушительную скидку на осмотры, чем заслужил лояльное к себе отношение их мужей. На работу и обратно он приезжает на такси и не выходит на улицу до тех пор, пока автомобиль не покажется перед его окнами.

– Значит, Сара выступит в роли способа для меня попасть внутрь?

– Именно так. Но я призываю тебя сохранять предельную осторожность. Никакого шума и ничего, что может обратить на тебя внимание, когда он окажется в твоих руках.

Эммануэль понял, что уже долгое время натирает одну и ту же тарелку. Все его помыслы свелись к проснувшейся в нем жажде пролить кровь адского доктора. Розенблюм допил и поставил стакан.

– Я остаюсь в Нью-Йорке с Миллером. Билеты у Сары. Такси будет ждать вас в пять сорок утра. Остальное тебе расскажет Сара. Удачи.

Розенблум крепко пожал его мокрую руку и удалился, оставив Эммануэля наедине с его мыслями. Он еще хорошо помнил лицо доктора, наблюдавшего за тем, что Эммануэль и Моррис делали с его ассистентами. Женщина так и не поняла, что именно ее убивает: кровопотеря, болевой шок или рука второго ассистента, отрезавшего от нее мелкие кусочки плоти.

– Все хорошо? – спросила Дейзи, прошлепав в кухню босыми ногами.

– М? – поднял помутненный взгляд Эммануэль.

– Я спросила, все ли у тебя хорошо?

– Да. Все в порядке.

– Ты правда улетаешь завтра? – расстроенным голосом, спросила Дейзи.

– Придется.

Дейзи прикусила губу, как делала всякий раз, когда ловила себя на мысли, что хочет задать вопрос, ответ на который, зная ей не полагается.

– Я скоро вернусь. Это ненадолго.

– Обещаешь? – прищурившись спросила девушка.

– Обещаю, – ответил Эммануэль и обнял Дейзи.

От мокрых волос девушки, локонами спадавших на плечи, исходил аромат ванили и цветов.

– Я не дам тебе уснуть сегодня ночью, – прошептала Дейзи ему на ухо.

Когда глубокой ночью, обессиленные, они, наконец, не помня себя, сомкнули глаза, последней мыслью Эммануэля был рисунок картины пыток, которым он намеревался подвергнуть доктора.

***

Немногим менее восьми часов потребовалось самолету «Локхид Констеллейшн», чтобы без пересадок и посадки для дозаправки доставить их в международный аэропорт Лос-Анджелеса. Самолет, на котором Говард Хьюз установил рекорд скорости и дальности полета двигался по воздуху со скоростью чуть более пятисот километров в час. Голливуд встретил их адовой сухостью и жарой. От размякшего под солнцем асфальтового покрытия взлетно-посадочной полосы, поднимаясь ввысь, исходило марево, искажая оптическое восприятие объектов на расстоянии.

– Кажется, от такого пекла даже я малость отвык, – выдохнул Эммануэль, взглянув на Сару.

– Пойдем скорее внутрь, – ответила она, указав на терминал для вновь прибывших клиентов авиалинии ТВА.

Подхватив чемодан Сары и повесив на плечо свою дорожную сумку, Эммануэль поспешил за женщиной и вскоре они оба оказались в просторном прохладном помещении. Всюду в спешке сновали люди, нагруженные поклажей и сотрудники аэропорта, смотрящие за порядком.

– Не хочешь выпить? – спросила Сара, кивнув в сторону бара в зоне ресторана, где уныло просиживали часы те, кто опоздал на свой рейс и ждал очередного. Несколько пар с довольным видом пили коктейли чайного оттенка из невероятно высоких стаканов с соломинками и долькой лимона. Взглянув на их счастливые лица, Эммануэль подумал, что, вероятно, это первые минуты их воссоединения после долгой разлуки.

– С удовольствием, – ответил он Саре, ощутив прилив бодрящих и настолько незнакомых ему эмоций, что ему показалось, что он чужд самому себе и влез в шкуру другого человека; в мозгу быстро пробежали ассоциации с состоянием, в которое он впал в Венгрии.

Еще во время перелета, Эммануэль заметил, как что-то глубоко внутри него стремительно меняется. Ночью он спал крепко, но утром с трудом разлепил глаза под металлический

перезвон будильника. Холодный душ и крепкий кофе помогли прийти в себя, но настроение было мрачным. Но, как только он оказался на борту лайнера и мерный шум двигателей заполнил салон, вместе с оживленными разговорами его пассажиров, настроение Эммануэля переменялось, будто он, наконец, сменил курс следования, настроившись на желаемую цель и не имея более преград к ее достижению. Во время перелета стюардесса два раза подавала обед и напитки и оба раза Эммануэль с аппетитом поглощал свои порции. Теперь же, усевшись на высокий барный стул рядом с Сарой, Эммануэль получал подлинное удовольствие. Другой город на берегу океана, необычные напитки, женщина, на которую сворачивая шею обращали внимание все мужчины без исключения и ожидавшая его работа. Все это будоражило кровь, сдабривая ее щедрыми порциями гормонов. Эммануэль улыбнулся предстоящей задаче, вдали от изборожденных гусеницами танков дорог, криков и всхлипываний голодающих и увечных, постоянного треска выстрелов и всепоглощающего уныния.

– Что с тобой? – поинтересовалась Сара. – Тебя будто подменили.

«И мне так кажется, – подумал Эммануэль». Вслух же ответил:

– Я просто рад предстоящей работе.

– Тебе возможность убить человека так поднимает настроение?

В голосе Сары не прозвучали ни упрек, ни обвинение. Женщина искренне хотела понять, как устроен сидящий рядом мужчина.

– Убить может кто угодно и кого угодно. Шанс вершить справедливое возмездие предоставляется единицам. Мне крупно повезло, что у меня есть возможность убить этого выродка. Если бы ты знала, чем он занимался, то не удивлялась бы моему душевному подъему.

– Расскажи мне. Я ведь совсем ничего не знаю о том, как ты жил все эти годы.

Эммануэль посмотрел в глаза Сары и по телу его, будто электрический ток пробежал. Будь он хоть чуточку менее сдержан, то непременно впился бы в ее губы. Сглотнув подступивший к горлу ком, он взял в руки небольшое ламинированное меню и нервничая повертел его в руках. С одной стороны, находился скромный список блюд, а с другой уже более богатый выбор напитков. Бросив меню на барную стойку, за которой они сидели на высоких стульях, Эммануэль снова поднял глаза на Сару. Светлые волосы спадали на плечи, светло-карие с золотистыми вкраплениями глаза внимательно следили за каждым его движением.

– Ты лишишься сна, если я поведаю тебе об этом.

– Может ты помог бы мне уснуть.

На секунду в глубине глаз женщины мелькнула мольба и тот же час Эммануэль послал к черту весь длинный список причин, останавливавший его перед притяжением к Саре. «Я слишком долго не жил, чтобы жили другие. Мой черед, – громом прозвучало в его голове».

Положив ладонь на щеку Сары, Эммануэль в ту же секунду взорвался воспоминаниями о годах своей подготовки. Калейдоскоп картин и эмоций, не хуже фейерверка заполнил сознание яркими красками и огнями. Бывало и дня не проходило, чтобы они с Сарой не встретились, дабы урвать хоть немного времени наедине. Женщина покорила его своей заботой, чуткостью и самоотдачей в те дни, став не только любовницей, но и сердечным другом. Не отнимая ладони от лица Сары, свободной рукой Эммануэль, ухватившись за сиденье, придвинул к себе стул, на котором сидела женщина и их лица оказались в считанных сантиметрах друг от друга.

– Ты все такой же сильный, – выдохнула Сара.

– Намного сильнее, – ответил Эммануэль.

– Я хочу узнать это. Хочу почувствовать твою силу. Хочу все, что мне причитается за годы, проведенные без тебя.

Эммануэль уткнулся носом в щеку Сары и шумно вдохнул аромат ее кожи. Женщина улыбнулась и удивительно красивые, пухлые губы, раскрылись. Коснувшись их своими губами, Эммануэль ощутил робкое прикосновение мягкого языка Сары и мир перестал существовать.

***

Выйдя из здания аэропорта, после нескольких коктейлей и одного особенно долгого поцелуя, они едва не ослепли от яркого солнечного света. Часы показывали уже начало пятого, но жара и не думала отступать. Сев в ближайшее такси стоявшее в очереди машин канареечного цвета, Сара назвала водителю адрес. Эммануэль вопросительно поднял брови, и женщина ответила ему, что это вынужденная остановка перед заселением в отель.

– Ты уже бывала здесь?

– Шутишь? Я была там же, где и ты.

– А до знакомства со мной?

– В Австрии.

– Ну, да, ты ведь училась в Вене.

– Ты совсем все забыл обо мне?

– Уверю тебя, кое-что я помню очень хорошо, – не без доли иронии в голосе, ответил Эммануэль.

– А я уверю тебя, что намерена в этом убедиться, – тоном преподавателя, парировала Сара.

Словно ребенок, попавший в диковинный парк развлечений, Эммануэль рассматривал улицы Лос-Анджелеса через окно автомобиля. Разительное отличие от хмурого и строгого Нью-Йорка так и бросалось в глаза. Лос-Анджелес играл красками и жизнь в нем была ключом. На Манхэттене люди шествовали по улице с серьезными, задумчивыми лицами, часто куда-то спеша и не видя перед собой иной картины мира, кроме бегущих и подталкивающих их стрелок часов. Унылое зрелище. В городе ангелов все было иначе. Люди улыбались и передвигались легкой, словно в танце, походкой. Им будто не было дела до тривиальных забот и суровых будничных испытаний работой и общественным долгом. Таксист свернул вправо, и они поехали по широкой магистрали, разделенной трамвайными путями, по обе стороны от которой стояли одноэтажные частные дома, выкрашенные их владельцами во все возможные цвета палитры. Как будто вечного солнца над головой и голубизны Тихого океана было недостаточно, жильцы города вносили все новые краски в свою обыденность. Впереди, прямо на трамвайных путях показался небольшой затор, и водитель умело обогнул его, заехав колесами правого борта на тротуар и едва не задев зеркалом бокового обзора фонарный столб. Эммануэль обернулся, чтобы рассмотреть происшествие и увидел невероятной красоты «Бьюик Роад-мастер» сорок первого года выпуска. Небесно-голубого цвета автомобиль не успел совершить маневр на перекрестке и угодил под передний борт трамвая. Передняя колесная арка была безнадежно смята. Но, что больше всего поразило Эммануэля, так это реакция обоих водителей. В Нью-Йорке, учитывая скверный и мрачный менталитет его жителей, авария, наверняка, закончилась бы криками и угрозами, а то и потасовкой. Здесь же, мужчины посмеиваясь, почти равнодушно к происшедшему, стояли бок о бок и разглядывали понесенный ими ущерб. Полицейский инспектор что-то записывал в блокнот, лихо сдвинув фуражку на макушку. «Невероятно, – подумал Эммануэль, – вот место, где люди ценят свое психическое здоровье и не заменяются на агрессию по мелочам».

Водитель совершил разворот и некоторое время они следовали той же дорогой в обратном направлении. Еще после нескольких поворотов, Эммануэль почувствовал в воздухе явственный привкус соли и начал вглядываться в конец узких улочек разделенных очередями домов.

– Сара, океан! – восторженно воскликнул он, совсем как ребенок.

Водитель добродушно рассмеялся такой реакции, а Сара не замедлила взглянуть в направлении взгляда Эммануэля. Промеж домов и пальм, которыми была усажена аллея вдали, мелькала лазурная гладь. Тихий океан в своем величественном спокойствии с ленивой властью омывал западное побережье.

– Это пляж Венеция, – пояснил водитель. – Если никогда там не были, то вы просто обязаны посетить это место.

– Сходим туда? – шепотом спросила Сара, коснувшись губами его уха.

Организм Эммануэля моментально отреагировал на это касание и от глаз Сары не ускользнула его реакция.

– Сначала работа, – хриплым голосом, ответил ей Эммануэль.

Водитель совершил последний маневр и остановил машину.

– Мы совсем близко к океану. Вы можете туда прогуляться, если есть где оставить чемоданы, – заметил водитель, не слышавший их с Сарой диалога.

– Как бы мне этого ни хотелось, сейчас есть дела поважнее, – подобрavшись, ответил Эммануэль.

Расплатившись за поездку, он забрал из багажника чемодан Сары и свою сумку и отсалютовав водителю, последовал за женщиной под тень навеса над входом в небольшой цветочный магазин.

– Здесь ты сможешь выбрать для себя оружие, – приглушенным тоном, пояснила Сара.

– Здесь?! Ты что, хочешь, чтобы я удобрениями швырялся в нацистов?

– Ты мне сейчас очень напоминаешь прежнего себя. Не можешь не вставить какую-нибудь глупость. Совсем, как ребенок.

– Какого черта ты привела меня в цветочную лавку? – обиженно спросил Эммануэль.

– Тебе что, ничего не рассказали?

– О чем?

– О нашей сети, разумеется.

– В Европе нам постоянно помогали. Я знаю, что все эти люди разделяли наши цели и действовали по указке кураторов.

– Они есть не только в Европе. По всему миру. Общая цель объединила всех сочувствующих ей. И не только евреев, между прочим.

– Ты хочешь сказать, что куда бы мы ни отправились, всегда можем рассчитывать на помощь?

– Вот именно. Сбором информации занимаются чуть ли не во всех уголках планеты. Или ты думал, что Миллер и Розенблюм лично обшарили всю Америку в поисках этого доктора?

Об этом Эммануэль не задумывался, а задавать вопросы об их методах сбора сведений ему и в голову не приходило. Он привык играть роль исполнителя и не задавать лишних вопросов.

– Едва ли не в каждом городе найдется человек, готовый снабдить агента всем, что тому потребуется для успешного выполнения задания, – продолжила Сара. – Есть конспиративное жилье, каналы снабжения и есть свои доктора, на случай, если тебя ранят.

– Пойдем внутрь, – негодуя от своей неосведомленности, предложил Эммануэль, – не хочу привлекать лишнее внимание.

В холоде цветочного магазина по спине Эммануэля сразу же побежали приятные мурашки. Стены небольшого помещения были оборудованы полками заставленными сборными букетами, таких экзотических цветов, что от них рябило в глазах и создавалось впечатление неестественного происхождения вида. Поискав глазами, Эммануэль увидел за стойкой продавца полку, на которой стояли пищевые краски всех возможных цветов и оттенков. Из двери позади стойки показался немолодой мужчина с волосами, тронутыми сединой и огромным носом, усеянным глубокими порами. Кожа мужчины имела бронзовый оттенок, то ли от постоянного нахождения под калифорнийским солнцем, то ли от того, что он был родом с Ближнего Востока.

– Чудесный день, не так ли? – приветствовал мужчину, приязненно разглядывая пришельцев.

Отметив габариты Эммануэля, он пристально всмотрелся в черты его лица, а затем перевел взгляд на вещи, оставленные у входной двери.

– Пожалуй, – согласился Эммануэль.

Сара сделала шаг вперед.

– Что общего у религиозного фанатика и обладателя большого пениса? – спросила она.

Продавец цветов расплылся в улыбке и ответил:

– Гордость недалекого.

– Мы в нужном месте, – сообщила Сара.

– Кое-что не меняется даже с наступлением мирного времени, – отметил Эммануэль, припомнив чудные кодовые вопросы, которыми им приходилось пользоваться для распознавания союзников на войне.

– Нам нужно взглянуть на имеющиеся у вас орудия труда, – произнесла Сара, заговорщицким тоном.

Мужчина вышел из-за стойки, прошел мимо них и закрыв стеклянную дверь на ключ, перевернул табличку с надписью «Закрито» лицевой стороной к потенциальным покупателям.

– Следуйте за мной.

В задней комнате, не уступающей размерами торговому залу, находились составленные в аккуратные стопки пластмассовые вазоны, пачки бумажной упаковки для букетов, разноцветные мотки ленты в одном углу и одиноко стоящее кресло в другом. У противоположной стены находился длинный рабочий стол, усеянный обрезками упаковочной бумаги и лоскутами ленты. Сдвинув кресло, мужчина отбросил угол линолеума, подняв облачка пыли и их взору открылся прямоугольный контур крышки люка, вырезанного в деревянном настиле пола. Откинув крышку, мужчина попросил Эммануэля помочь ему. Вместе они извлекли на свет увесистый металлический контейнер и водрузили его на стол. Открыв ключом тяжелый навесной замок, мужчина отошел в сторону, предлагая Эммануэлю ознакомиться с содержимым. Контейнер был разделен на секции, заполненные всем, что может понадобиться человеку для совершения убийства.

Эммануэль обернулся и улыбнулся мужчине.

– Я знал, что вам понравится, – кивнул тот в ответ, с довольным лицом.

***

Когда Эммануэль снарядился всем, что, на его взгляд, могло ему пригодиться и они с Сарой покинули магазин, женщина дернулась было в сторону таксиста, который так и остался на месте, где высадил их, но Эммануэль удержал ее и увел в противоположную сторону.

– Но ведь он свободен, – запротестовала Сара на ходу.

– Я не хочу, чтобы один человек, пусть и незнакомый, знал весь наш маршрут передвижений.

– Ты поэтому купил мне эти цветы? – Сара взмахнула букетом синих роз. – Для прикрытия?

– Ни у кого, кто видел нас входящими в магазин цветочника, не должно возникать подозрений относительно нашей истинной цели его посещения, – отчеканил Эммануэль.

– Здорово! А я-то думала, ты хотел сделать мне приятно, – язвительно ответила Сара.

– Кому может быть приятно получить в подарок умирающие цветы?

– Например, любой женщине на земле!

– Несчастные создания. Господь был пьян, когда создавал вас. Что это за извращенное удовольствие – наблюдать за увядающим растением?

– Лишняя жизни растение, ты приносишь его в жертву любви к своей женщине.

Обливаясь потом, Эммануэль шагал рядом с Сарой по широкой улице, усеянной закусокными и торговыми лавками быстрого питания, всевозможными бутиками, торгующими предметами одежды на любой вкус, от босоножек до широкополых шляпок и винными магазинами.

– По-твоему, мертвый цветок является символом любви? Мне кажется, ты слишком много времени провела в обществе людей, которые не способны на более глубокие выражения своих чувств.

– И как же мужчине стоит выражать свои чувства к женщине?

Сара остановилась и вытаращилась на Эммануэля своими большими, прекрасными глазами, в которых в этот момент плясали искорки, как бывало и прежде, когда он вступал с ней в интеллектуальную конфронтацию.

– Вот уж не знаю, – разыграв недотепу и притворно задумавшись, ответил Эммануэль, возведя глаза к небу. – Может защищать ее от посягательств со стороны? Беречь от тяжелого бытового труда? Делать ей кунинингус?

Сара сощурила глаза, не оценив его остроты, а он, тем временем, продолжил:

– Хотя, о чем это я? Кто мог на тебя посягать в окружении, прикрывающих свою задницу общественным положением, нелюдей? Да и для неприглядного труда всегда найдется служанка, которой за это можно заплатить, не так ли? Ну, а делать кунинингус настоящий мужик, конечно же, не станет. Это ведь унижительно – тяготеть к первичным половым признакам противоположного пола. Эти крутые ребята скорее друг у друга отсосут, нежели сделают приятное своим женщинам.

Глаза Сары начали метать молнии. Женщина хотела что-то возразить, но Эммануэль жестом остановил ее.

– Ты, Сарочка, по-моему, забыла, кто таков настоящий мужчина. Китель, деньги и сияющий «Майбах» никого еще не делали объектом вождения умной женщины. А широкие жесты и то, что ты называешь жертвенностью, никогда не заменят простой человеческой заботы о своей избраннице. А, если ты с этим не согласна, то вот тебе твой чемодан. Бери его и топай на своих каблуках.

Женщина пожевала пухлые губы и неизвестно чему улыбнувшись, пошла дальше с самодовольным видом.

– Овечка, – ухмыльнувшись, буркнул Эммануэль себе под нос и подхватив, набитый дамскими туалетами, чемодан, пошел следом.

***

Такси, в которое они сели, преодолев пешком несколько кварталов с тесно настроенными домами, доставило их к отелю не больше, чем за пять минут. Эммануэль не знал адресов, не был знаком с местностью, не ориентировался даже в части расположения районов города, потому целиком полагался на осведомленность в этих вопросах Сары. Шестиэтажный отель встретил их мраморными полами и гулким эхо голосов. Звуки их шагов отражались от каменных стен и сразу привлекли внимание менеджера за стойкой из полированного дерева.

– Добрый вечер, сэ,р, мэ,м! – молодой служащий поочередно кивнул им, натянув сопутствующую должности улыбку.

– Добрый вечер! У нас забронирован номер на двоих, – сообщила Сара.

– Вашу фамилию, пожалуйста.

– Мистер и миссис Смит.

Менеджер пробежался глазами по списку брони в журнале регистрации и просиял.

– Люкс для молодоженов! Мои поздравления, сэ,р! – торжественно обратился он к Эммануэлю.

Повернувшись к ним спиной, молодой человек достал из висящего на стене ящичка ключ от номера и протянул его Саре стоявшей ближе к стойке.

– Благодарю вас, – кивнула она.

– Желаю хорошего пребывания в нашем отеле!

– Почему Смит? Что за фамилия такая? – спросил Эммануэль, когда они с Сарой вошли в лифт, обшитый зеркалами и за ними закрылись двустворчатые дверцы.

– Это самая распространенная фамилия в Штатах. Насчитывается более двух миллионов носителей.

– Молодожены... – проворчал Эммануэль, – неслабое прикрытие.

– Зато крики из номера не вызовут лишних вопросов.

Эммануэль вскинул брови и посмотрел на Сару так, словно впервые увидел ее.

– Что такое? Думал, ты один здесь остер на язык? Или забыл, что я изрядно темпераментна в постели?

– Просто забыл об оборотной стороне твоей обходительности, – увильнул Эммануэль от прямого ответа.

– Не зли меня, Стирис, – едва не прошипела Сара, сверкнув глазами. – Ты правильно подметил, в обществе, я – ангел во плоти. Культурна, тактична и чертовски обходительна. Но даже не думай упрекать меня в том, что я живой человек и хочу трахаться.

– Да я, вообще, молчал, – даваясь смехом, ответил Эммануэль.

– Знаешь, кто ты, Стирис? – взвинтилась Сара.

Эммануэль потешно заулыбался, призывая женщину озвучить ее версию.

– Ты просто нахал и оборванец!

– Уф, а я-то думал, ты обзывать будешь. Таки нет, пронесло.

Лифт остановился и дверцы разъехались. Сара фурией выскочила в коридор, на ходу процедив: – Гаденыш! Эммануэль взял их вещи и довольный собой отправился следом.

***

Съев ужин, доставленный на тележке прямо в номер, Эммануэль задумчиво поглощал кусок шоколадного торта, любезно подаренного администрацией отеля молодоженам, платившим за каждые сутки пребывания в люксе баснословные деньги. С медитативной медлительностью отделив ломтики пропитанной топленным шоколадом мякоти, и отправляя их в рот, он обдумывал информацию, озвученную Сарой за ужином. Из того, что она поведала, следовало, что кабинет практикующего гинеколога, за жизнью которого они приехали, работает до шести часов вечера, ежедневно, кроме субботы и воскресенья, и располагается в десяти минутах езды от отеля. Эммануэль отдал должное планированию Миллером операции. Расположение их отеля было идеальным, как, собственно, и их легенда.

Взять автомобиль на прокат они не могли, потому как в прокатной конторе требуется предоставление документов, удостоверяющих личность арендатора, в отличие от отеля, куда они заселились под несуществующей личиной. Вызывать такси из телефона-автомата неподалеку от места «работы» было бы глупо по причине расследования, которое непременно начнется вскоре после обнаружения властями трупа. Тогда сотрудники, в этом Эммануэль не сомневался, опросят всех таксистов, принявших заказы в радиусе нескольких кварталов, на предмет перевозки подозрительных субъектов. И хоть красивая женщина в компании, пусть и суровой наружности, мужчины, вряд ли подпадает под подозрение, лишний раз рисковать все же не стоило. А учитывая близость их отеля к месту будущего совершения убийства, выполнив свою задачу, они могли прогуляться к океану, миновав отель, посетить несколько закусовых для создания алиби и, намочив напоследок в океане полы платья Сары, вернуться обратно, создав иллюзию изысканного вечера счастливой пары.

– Что у тебя на уме? – поинтересовалась Сара, вышедшая из ванной.

Женщина стянула с головы белоснежное полотенце и принялась осторожно промокать волосы. Эммануэль не сводил с нее невидящего взгляда. Все его мысли сейчас были направлены на исполнение задания. Не иначе, как сам Бог даровал ему эту возможность, и он жаждал обставить все таким образом, чтобы доктор как можно дольше находился в сознании.

– Ты оцениваешь содержимое моего халата или обдумываешь что-то?

– Что ты сказала?

– Господи, ты неисправим! Будешь до конца жизни витать в облаках.

– Завтра мы отправимся в его клинику под самое закрытие, – начал Эммануэль, пропустив колкость Сары мимо ушей. – Ты разыграешь представление с острой болью и, если потребуется, предложишь ему удвоить стоимость его услуг. Таким образом, мы сможем избежать появления непрошенных гостей. Войдя внутрь, под предлогом нужды направишься в туалет. В это время он, наверняка, будет ждать тебя в кабинете и готовить инструменты к осмотру. На обратном пути отворишь мне дверь, ведущую во двор. Когда окажешься на гинекологическом кресле, я незаметно подберусь к нему со спины и займусь им.

На секунду Эммануэль задумался не упустил ли он какую-то деталь и понял, что Саре вполне достаточно знать того, что он озвучил.

– Ты все поняла?

– Я не хочу раздвигать перед ним ноги, – заявила Сара, с нескрываемым отвращением в голосе.

– Тебе и не придется. Я появлюсь, как только он усядется на стул перед тобой.

– Чтобы он это сделал, мне придется сесть в кресло, задрать платье и раздвинуть ноги.

– Значит, сделаешь это, – спокойным, но не допускающим возражения тоном, ответил Эммануэль. – Других вариантов у нас просто нет.

– А ты не можешь забраться к нему в дом?

Эммануэль помнил, что Сара может быть упрямой, поэтому постарался держать себя в руках и принялся объяснять.

– Не могу, Сара, и вот почему. Проникнуть через дверь, ведущую на задний двор, означает взломать два комплекта замков, учитывая установленную им вторую металлическую дверь в качестве меры безопасности. Я могу это сделать и это займет не так уж и много времени, но это лишний шум. Кроме того, мы не знаем в какой комнате он спит в своем доме и какие меры безопасности принял на его территории. Там могут быть ловушки, которые я не смогу разглядеть в темноте. А осторожные поиски его спальни могут затянуться. Есть риск, что я случайно подниму шум или он встанет по нужде. Ты понимаешь? Слишком много неизвестных в этом уравнении. А живет он в густо населенном районе для обеспеченных. Это означает, что если мы с ним поднимем шум, то сбежится вся округа, а вскоре к ним присоединится и полиция. Но самый главный плюс моего плана заключается в том, что солнце здесь садится поздно и войди он в дом при свете дня вечером пятницы, соседи это заметят и кто-то может по самой обыденной причине постучать к нему на следующий день, а не получив ответа вызвать полицию. Но если он дома не появится вовсе, все с кем он имеет хоть какую-то связь, разумно предположат, что, покончив с делами вечером пятницы, он попросту уехал на выходные прямо с работы, чтобы устроить себе отдых.

– А как же потенциальные свидетели в месте его работы?

– Проходим плевать кто идет с визитом к гинекологу. И я очень сомневаюсь, что полицейские, чьих жен он досматривает, делая им скидку, не мигая следят за дверьми его клиники.

– Ладно, – смирилась Сара.

«У тебя нет выбора и ты знала это с самого начала, – хмыкнув, подумал Эммануэль».

– Если ты закончил, то может окажешь мне любезность и трахнешь меня, наконец?

Произнеся эту фразу, Сара скрылась за дверью спальни, откуда послышались шорохи снимаемого халата. Эммануэля бросило в дрожь, и он ощутил, как внутри разгорается давно позабытое пламя вожеления к Саре. Он не знал, какими словами можно объяснить их взаимное притяжение. Сходство сексуальных темпераментов, обоюдная озабоченность удовлетворением желаний партнера, неиссякаемый аппетит к плоти друг друга, нежная, почти родительская забота, о благополучии, а, быть может, зодиакальное соответствие Тельца и Скорпиона. Эммануэль так до конца и не понимал, как возможна их с Сарой связь спустя семь лет разлуки. Но, как бы там ни было, в обществе друг друга они чувствовали себя так, словно и не было этого вынужденного ужасающими обстоятельствами разрыва. Да, они были совершенно дру-

гими людьми после всех кошмарных событий, что перемололи их личности, вкусили теневую сторону жизни и обрели иммунитет к такого рода опасности, что другим и в жутком сне не привидится, но это, странным образом, не задело их чувств и отношения друг к другу. Все было, как прежде, будто они и не расставались на долгие семь лет. Тем не менее, каждый из них сознавал, что будущего у их союза не может быть. У Эммануэля на то были свои причины, у Сары свои.

Намеренно потянув время, чтобы развлечь себя и поиграть на нервах Сары, Эммануэль неспешно и вальяжно принял холодный душ, что, однако, не лишило его тело воинственного настроя в отношении гневающейся женщины, ожидавшей его появления в спальне. Лишь слегка промокнув кожу полотенцем, чтобы не лишать тело спасительной прохлады принесенной ледяной водой, Эммануэль встал перед зеркалом и предвзято осмотрел свое отражение. В годы войны редко представлялась возможность оценить свой внешний вид, теперь же, он, всякий раз оказавшись перед зеркалом, не упускал возможности рассмотреть незнакомца, в которого превратился за шесть лет кочевой жизни. Ножевые раны, ушибы и ссадины, полученные им в последнем сражении на юге Франции, совсем побледнели. Лишь первые оставили после себя келоидные рубцы. В Хорватии ему удалось избежать подобных неприятностей. В Польше... Эммануэль припомнил обстоятельства, последовавшие за пулевым ранением в грудь и провел пальцем по уродливому розоватому шраму в форме круга размером с ноготь его мизинца. Плотно сжав челюсти, он на секунду прикрыл глаза, а открыв их вновь, глубоко вдохнул, набросив непроницаемую ширму на картины прошлого. Были и другие ранения: несколько пулевых, ожоги, переломы пальцев рук и великое множество порезов. А сколько раз его били по яйцам и не сосчитать. Моррис частенько посмеивался над ним из-за того, что ему постоянно попадают немцы, выбирающие в качестве цели для удара его тестикулы.

– Слушай, может они думают, что ты педик и получаешь удовольствие от подобных забав? Ну, как та дама из Франции, с которой вы едва не поубивали друг друга, – веселился Моррис, наблюдая за другом, с искаженным от боли лицом, потирающим причинное место.

Моррис в этот момент заботливо обтирал от крови лезвие своего ножа, извлеченного из глотки обидчика Эммануэля.

– Я что, по-твоему, похож на педика? – рыкнул Эммануэль.

– Мне порой кажется, что ты слишком красив для гетеросексуального мужчины. Особенно, если не мучаешься похмельем.

– Если хочешь мне отсосать, скажи прямо. Ради тебя, я готов пойти на такую жертву, – парировал Эммануэль.

– Пожалуй, я все-таки воздержусь, – разыграв сомнение в голосе, ответил Моррис.

– Уверен? А то в этот самый момент мне как раз не помешает опустошить яйца.

– Пусть этим займется очередная девка, соблазнившаяся на твою милую мордашку с печальными глазами философствующего убийцы.

Довольный собой, Моррис улыбался, продолжая потешаться над болью друга.

– Скотина ты, Марголис.

Эммануэль улыбнулся нахлынувшим воспоминаниям и тут же прогнал их прочь. Набросив на плечи халат, он вышел из ванной, выключил свет во всех помещениях и проверив заперта ли входная дверь, направился в спальню. Сара лежала на громадной двуспальной кровати полностью обнаженная и откинув голову на подушки, тихонечко постанывая и раздвинув ноги, ласкала себя пальцами. Облизнув пересохшие губы, женщина произнесла:

– Я заждалась тебя. Нравится мучать меня, да?

– В этом вопросе я мастак, – ответил Эммануэль, не отрывая пристального взгляда от чувственного зрелища.

Погасив свет, он раздвинул шторы и комнату залил холодный свет взошедшей высоко в небо луны.

– Не хочешь протянуть мне руку помощи? – поморщившись от приближающегося оргазма, тоненьким голосом, спросила Сара.

– У меня есть для тебя кое-что получше.

Эммануэль снял халат и бросил его на пол. Сара приоткрыла глаза и ласково обведя его взглядом, зашла в экстатических спазмах. Глубоко вдохнув, она испустила проникновенный крик и задрожала. Когда напряжение схлынуло, женщина выпрямилась и пригласила Эммануэля в постель.

– Я скучала за тем, как ты смотришь на меня, – произнесла она, принимая его в свои объятия. – Никто еще не доводил меня до оргазма одним своим присутствием.

Сара вздрогнула, когда Эммануэль укусил ее за сосок и властно оттянув его голову за волосы, попросила:

– Сделай это, как делал прежде, Мэнни.

Эммануэль крепко схватил Сару за пышные, чувственные бедра и одним резким движением погрузился в нее. Женщина изогнула спину и закричала. Мир вновь перестал существовать. Время остановилось. Были лишь двое и их стремление без остатка отдаться в полное владение партнера.

ИНТРОСПЕКТИВА

– Моя честь – это верность, – твердым голосом, произнес Максимилиан Рихтер девиз войск СС.

Подняв руку под углом в сорок пять градусов с распрямленной ладонью и отдав честь развернутому на стене ярко-алому флагу с изображенной на нем свастикой, мужчина еще некоторое время стоял неподвижно в своеобразном акте самоотречения. Сжав тонкие, бледные губы и буравя взглядом символ нацизма и превосходства арийской расы над всеми другими, мужчина еще раз мысленно поклялся в верности делу фюрера и присел за кофейный столик. Закурив, он пододвинул к себе литую медную пепельницу с изображением орла и двух молний. Лишь флаг, приобретенный им из-под полы на территории Соединенных Штатов и пепельница, которую он смог провезти в страну, спрятав ее в собственном теле служили напоминанием о прежней жизни. Прямая кишка мужчины по сей день болезненно сжималась от воспоминаний о долгих часах, проведенных с инородным предметом в заднем проходе. Какой боли ему стоило не расставаться с памятным сувениром врученным ему самим Гитлером! Но извлечь пепельницу оказалось еще труднее. Без посторонней помощи, орудуя лишь подручными строительными инструментами, он потратил несколько часов на то, чтобы достать ее из себя. Обливаясь слезами боли и давясь рвотными позывами, мужчина все же смог это сделать, но теперь ценная некогда вещь напоминала ему не о дорогом сердцу режиме фюрера и его лояльности к делу доктора, а об испытанных им страданиях. Роняя пепел в красивое изделие, он не мог не испытывать отвращения, невольно припоминая в каком виде пепельница впервые предстала перед ним на территории Америки.

Как бы там ни было, мужчина, которому, после заключения соглашения с властями США, присвоили имя Майкл Рукер, выдали новые документы и обеспечили жильем в обмен на исчерпывающие данные о результатах проведенных им экспериментов, не жалел о понесенных им жертвах. Наличие даже двух жалких памятных вещей позволяло ему не предавать забвению дело его жизни, выполняемое им когда-то на благо целей рейха. Какое это было славное время! Пользуясь захваченными железнодорожными путями, специальным составом солдаты Вермахта доставляли все новых подопытных для его экспериментов. Фюрер позаботился о том, чтобы место его работы было максимально удалено от посторонних глаз и оборудовано лучшим медицинским инструментарием. Сияющие чистотой лаборатории, сверкающая сталь медицинских приборов и инструментов, внушающих ужас и трепет всякому, кто оказывался в его власти и, конечно же, его ассистентка – чистокровная немка по имени Вилда. Девушка, охотно выполнявшая не только все его служебные распоряжения, но и с подобострастной готовностью подчинявшаяся его воле, стоило им остаться наедине. Рихтер ощутил, как мышцы в районе паха свело судорогой от ярких воспоминаний. Выругавшись, он с остервенением затушил окурок и закурил очередную сигарету. В голову полезли картины расправы жидовскими агентами над Вилдой. Немыслимая изобретательность того из двоих, что был крупнее, до сих пор холодила внутренности Рихтера. Вилда, чье имя означало «дикость», по иронии судьбы приняла свою смерть в диких муках, а тот огромный жид, не сводя глаз с Рихтера, с улыбкой наблюдал за его реакцией. Когда Рихтеру удалось бежать в лес, он обливался слезами скорби и стыда. Ему было противно, что он испытывал неподдельное облегчение подаренной судьбой возможности избежать адских мук от рук тех демонических жидов. Озлобленность, с которой они подошли к мести за эксперименты над еврейскими женщинами, было трудно объяснить простыми словами. Лица этих двоих были до страшного обезображены зверской жадой самого кошмарного возмездия. Их, буквально, трясло от желания разорвать всех присутствующих на кусочки. Рихтер пожегся от воспоминаний и по телу его пробежали мурашки, будто за окном стояла не привычная жара, никого не щадившая даже с наступлением ночи, а двадцатиградус-

ный мороз. С той поры, как судьба свела его с «призраками», Рихтер, едва ли не каждую ночь, видел их холодные, бесчувственные, безжалостные глаза и звериный оскал на лицах. Ничто не пугало его сильнее, чем картины, старательно выводимые кистью его фантазии, на которых он предстал в роли жертвы этих двоих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.